

ISSN 2542-0364
ISSN-L 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

1/2026

Научный журнал открытого доступа, посвященный фундаментальным и прикладным исследованиям права и смежных наук. Концепция открытости и доступности поощряет и способствует появлению неординарных и смелых идей в области права и академический обмен актуальной научной информацией. В журнале публикуются статьи, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности, характеризующиеся академическим подходом к научному исследованию и изложению его результатов

Учредитель: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, главный редактор, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Андреева Ольга Ивановна, д. ю. н., доц., ТГУ, Томск, РФ

Болтинова Ольга Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Василевская Людмила Юрьевна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Волчецкая Татьяна Станиславовна, д. ю. н., проф., БФУ имени И. Канта, Калининград, РФ

Головина Светлана Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Ергашев Евгений Рашидович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Загайнова Светлана Константиновна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Заметина Тамара Владимировна, д. ю. н., проф., СГЮА, Саратов, РФ

Зигмунт Ольга Александровна, д. ф. н., Университет Фехты, Фехта, Германия

Игнатьева Инна Анатольевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козаченко Иван Яковлевич, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козлова Наталия Владимировна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Койстинен Ярмо, к. ю. н., Центральная криминальная полиция, Хельсинки, Финляндия

Комарова Валентина Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Кондрашова Татьяна Владимировна, к. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Кононов Павел Иванович, д. ю. н., проф., судья Второго арбитражного апелляционного суда, Киров, РФ

Кочкарова Эристина Азрет-Алиевна, д. ю. н., проф., КГЮА, Бишкек, Кыргызстан

Кудрявцева Елена Васильевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кузнецов Петр Уварович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Лисаченко Алексей Владимирович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Логина Татьяна Евгеньевна, к. ю. н., доц., ПГНИУ, Пермь, РФ

Марковичева Елена Викторовна, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Марочкин Сергей Юрьевич, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Мещанова Мария Валентиновна, д. ю. н., доц., БГУ, Минск, Беларусь

Мороз Светлана Павловна, д. ю. н., проф., КОУ, Алматы, Казахстан

Мотревич Владимир Павлович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Никишин Владислав Васильевич, д. ю. н., проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

РФ, Санкт-Петербург, РФ

Осинцев Дмитрий Владимирович, д. ю. н., проф., УрЮИ МВД РФ, Екатеринбург, РФ

Поликастро Паскуале, доктор права, проф., Щецинский университет, Щецин, Польша

Поляков Сергей Борисович, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Понаморенко Владислав Евгеньевич, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., проф., СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Рыбакова Светлана Викторовна, д. ю. н., доц., ИЗИСП, Москва, РФ

Сахнова Татьяна Владимировна, д. ю. н., проф., СФУ, Красноярск, РФ

Смахтин Евгений Владимирович, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Стахов Александр Иванович, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Сюань Фей, доц., Восточно-китайский университет политики и права, Шанхай, Китай

Толстых Владислав Леонидович, д. ю. н., доц., проф., МГИМО МИД России, Москва, РФ

Трунк Александр, д. ю. н., проф., Кильский университет, Киль, Германия

Фёдоров Игорь Вадимович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Фёдорова Марина Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хазанов Сергей Дмитриевич, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хуан Даосю, проф., Политико-юридический университет Китая, Пекин, Китай

Чалый Вадим Александрович, д. ф. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Шафиров Владимир Моисеевич, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Шокин Пол, проф., Католический университет Левена, Левен, Бельгия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, Единый государственный перечень научных изданий (Белый список) и индексируется в РИНЦ, DOAJ, Ulrich's, WorldCat, HeinOnline, ResearchBIB.

Все публикуемые материалы доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

The open access scientific journal dedicated to fundamental research in law and related sciences. The concept of openness and accessibility encourages and promotes the emergence of innovative ideas in the field of law and the academic exchange of scientific information. The journal publishes scientific articles distinguished by novelty, topicality and an academic approach to research and presentation of results.

Founder: Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

EDITORIAL BOARD

Bezborodov Yury, editor-in-chief, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Andreeva Olga, doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk State University, Tomsk

Boltinova Olga, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Chaly Vadim, doctor of philosophy, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Ergashev Evgeny, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorov Igor, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorova Marina, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Golovina Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Huang Daoxiu, prof., Political Law University, Beijing (China)

Ignatieva Inna, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Khazanov Sergey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kochkarova Eristina, doctor of legal sciences, prof., Kyrgyz State Law University, Bishkek (Kyrgyzstan)

Kodan Sergey, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kostinen Jarmo, candidate of legal sciences, Central Criminal Police, Helsinki (Finland)

Komarova Valentina, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Kondrashova Tatyana, candidate of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kononov Pavel, doctor of legal sciences, prof., judge of the Second Arbitration Appeal Court, Kirov

Kozachenko Ivan, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kozlova Natalia, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kudryavtseva Elena, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kuznetsov Petr, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Lisachenko Aleksey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Loginova Tatyana, candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm State University, Perm

Markovicheva Elena, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Marochkin Sergey, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Miashchanava Maryia, doctor of legal sciences, prof., Belarusian State University, Minsk (Belarus)

Moroz Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Caspian University, Almaty (Kazakhstan)

Motrevitch Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Nikishin Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint-Petersburg

Osintsev Dmitriy, doctor of legal sciences, prof., Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg

Policastro Pasquale, doctor of legal sciences, prof., University of Szczecin (Poland)

Polyakov Sergey, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Ponamorenko Vladislav, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Popondopulo Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Rybakova Svetlana, doctor of legal sciences, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the RF, Moscow

Sakhnova Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Schoukens Paul, doctor of legal sciences, Research Unit Labour and Social Security Law of KU Leuven (Belgium)

Shafirov Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Siegmunt Olga, doctor of legal sciences, University of Vechta, Vechta (Germany)

Smakhtin Evgeniy, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Stakhov Aleksandr, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Tolstykh Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, Moscow

Trunk Alexander, doctor of legal sciences, prof., Kiel University, Kiel (Germany)

Vasilevskaya Lyudmila, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Volchetskaya Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad

Xiuyan Fei, assoc. prof., International Law School and Institute of BRICS Legal Studies, East China University of Political Science and Law, Shanghai (China)

Zagaynova Svelana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Zametina Tamara, doctor of legal sciences, prof., Saratov State Law Academy, Saratov

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Publications of the Higher Attestation Commission, the Unified State List of Scientific Publications (White List) and is indexed in RSCI, DOAJ, Ulrich's, WorldCat, HeinOnline, ResearchBIB.

All published materials are available under the Creative Commons Attribution 4.0 License

© Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 2026

СОДЕРЖАНИЕ**ПРОБЛЕМНАЯ ЛЕКЦИЯ**

- Архипов С. И.** Развитие представлений о системе права в советском правоведении (первая и вторая дискуссии о системе права) 6
- Ергашев Е. Р., Бобина Р. В.** Проблемы противодействия преступности несовершеннолетних: роль прокурора как субъекта профилактики их безнадзорности и правонарушений 23
- Метельков А. Н.** Минимизация как общеправовая категория 31
- Сосенков Ф. С.** Создание Коммунистической партии РСФСР в контексте кризиса советского федерализма 44

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

- Голубитченко М. А., Покачалова А. С.** Правовое регулирование применения системы быстрых платежей в сфере страхования: публично-правовые аспекты 51

Трибуна молодого ученого

- Аникина М. С.** Множественность процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления 56
- Верховина Л. В.** Трансплантация в системе прав человека: от биоэтической дилеммы к международно-правовой концепции 65
- Липин С. А.** Бездоговорное основание перехода исключительного права и его влияние на механизм правового регулирования обращения взыскания 76
- Олифиренко А. А.** Правовое регулирование формирования и использования региональных составов данных в процессе обучения моделей искусственного интеллекта 87
- Шарипов Р. И.** (Не)законность угрозы применения ядерного оружия в международном праве: non liquet или преюдиция? 98

CONTENTS

A PROBLEM LECTURE

- Arkhipov S.** The development of ideas about the legal system in Soviet jurisprudence (first and second discussions on the legal system) 6
- Ergashev E., Bobina R.** Problems of combating juvenile delinquency: the role of the prosecutor as a subject of preventing their neglect and delinquency 23
- Metelkov A.** Minimization as a general legal category 31
- Sosenkov F.** The creation of the Communist Party of the RSFSR in the context of the crisis of Soviet federalism 44

ECONOMICS AND LAW

- Golubitchenko M., Pokachalova A.** Legal regulation of the Faster Payments System in the insurance sector: public law aspects 51

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

- Anikina M.** The multiplicity of procedural statuses of a victim of a crime 56
- Verkhovinina L.** Transplantation in the human rights system: from a bioethical dilemma to an international legal concept 65
- Lipin S.** Non-contractual basis for the transfer of exclusive rights and its influence on the mechanism of legal regulation of collection 76
- Olifirenko A.** Legal regulation of the formation and utilization of regional data sets in the process of artificial intelligence model training 87
- Sharipov R.** (Il)legality of the threat to use nuclear weapons in international law: non liquet or prejudice? 98

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СИСТЕМЕ ПРАВА В СОВЕТСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ (первая и вторая дискуссии о системе права)

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В статье критически переосмысливаются представления о системе советского права, ее генезисе. Анализируются два основных этапа развития идеи нового – социалистического – права: 1) 30–40-е гг.; 2) вторая половина 50-х гг. Автор приходит к выводу, что советская система права кардинально отличается от дореволюционной тем, что прежние ценностные ориентиры, идеалы, традиции были отвергнуты, она создавалась «с чистого листа», была системой другого типа, не основанной на принципах исторической преемственности, эволюции. В качестве результатов первой «волны» дискуссии отмечаются следующие. Во-первых, юристы в целом достигли консенсуса в отношении необходимости «построения» системы советского права; теории «засыпания», «отмирания» права были отвергнуты как не соответствующие вызовам времени. Во-вторых, утвердилось понимание системы права как деления правовых норм по отраслям. В-третьих, в качестве главного, а для многих юристов – единственного критерия деления права признан предмет правового регулирования. В-четвертых, официально отвергнуто римское деление права на частное и публичное. В ходе второй «волны» дискуссии ключевые идеи, сформировавшиеся в рамках первого обсуждения, получили поддержку и дальнейшее развитие. Большинство участников выступили против коренной ломки сложившейся системы права, исходили из необходимости ее совершенствования. В методологическом плане главный дефект сформировавшегося взгляда на систему права заключался в том, что система права отождествлялась с отраслевой дифференциацией правовых норм. Вместо гибкого, многоаспектного подхода, отражающего функциональные, генетические, структурные и иные связи, существующие в праве, советские правоведы взяли за основу односторонний, патолого-анатомический подход, нацеленный на расчленение «живой» правовой материи на отдельные ее части и оперирование ими как самоценными элементами.

Ключевые слова: система права, структура права, критерии деления права, предмет правового регулирования, метод правового регулирования, отрасль права, правовой институт

Для цитирования: Архипов С. И. Развитие представлений о системе права в советском правоведении (первая и вторая дискуссии о системе права) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 6–22. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_6.

THE DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT THE LEGAL SYSTEM IN SOVIET JURISPRUDENCE (first and second discussions on the legal system)

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article critically rethinks the ideas about the system of Soviet law and its genesis. Two main stages of the development of the idea of a new socialist law are analyzed: 1) 30–40s; 2) the second half of the 50s. The author comes to the conclusion that the Soviet legal system is fundamentally different from the pre-revolutionary one, the previous values, ideals, traditions were rejected, it was created «from scratch», it was a different type of system, not based on the principles of historical continuity and evolution. The results of the first «wave» of discussion are noted. Firstly, lawyers achieved as a whole of a consensus on the need to «build» a system of Soviet law; the theories of «falling asleep» and «dying out» of law were rejected as inappropriate to the challenges of the time. Secondly, the understanding of the legal system as a division of legal norms by branches has been established. Thirdly, the subject of legal regulation is recognized as the main, and for many lawyers, the only criterion for the division of law. Fourth, the Roman division of law into private and public has been officially rejected. During the second «wave» of discussion, the key ideas formed during the first discussion were supported and further developed. Most of the participants opposed the fundamental breakdown of the existing legal system, proceeding from the need to improve it. From a methodological point of view the main defect of the formed view of the legal system was that the legal system was identified with the sectoral differentiation of legal norms. Instead of a flexible, multidimensional approach reflecting the functional, genetic, structural and other connections existing in law, Soviet jurists took as a basis a one-sided, pathological and anatomical approach aimed at dividing the «living» legal matter into its individual parts and operating them as valuable elements in themselves.

Key words: legal system, legal structure, criteria for the division of law, subject of legal regulation, method of legal regulation, branch of law, legal institution

*For citation: Arkhipov S. (2026) The development of ideas about the legal system in Soviet jurisprudence (first and second discussions on the legal system). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 6–22, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_6.*

Система советского права – это уникальное по своему характеру и природе явление. Ее уникальность заключается в том, что она создавалась «с чистого листа», не имея аналогов в прошлом и настоящем. Существовавшая до нее в Российской империи система права формировалась в процессе естественного созревания общества, его постепенной правовой эмансипации, ее можно отнести к системам эволюционного типа. Отдельные правовые реформы Петра I, Екатерины II, Александра I, других российских императоров хотя и оказали заметное влияние на нее, но в целом не изменили ее эволюционной природы. Она вплоть до 1917 г. оставалась по своему «духу», социальной природе восточно-патриархальной, постепенно «дрейфующей» в сторону западной цивилизации. В советском же праве прежние ценностные ориентиры, идеалы, традиции были отвергнуты, впервые во всемирной истории была практически осуществлена радикальная идея разрушения до основания старого правового строя и создания на его руинах новой социально-правовой системы.

В результате революционных преобразований прежняя история права закончилась, началось новое правовое летоисчисление, новая правовая история, и у этой правовой истории была своя конечная «цель». Если по отношению к дореволюционной системе понятие «цель права» малоприменимо, поскольку объединенные в Своде законов Российской империи акты представляли собой неоднородные по своим замыслам документы, у которых не было общей идеи, единой идеологии, кроме того, в ней отсутствовала конституция, устанавливающая принципы и цели социально-правового развития, то по отношению к советскому праву понятие цели вполне можно использовать.

Система советского права – целеустремленная, в ее основе лежала марксистская идея построения бесклассового общества, коммунизма. Конечным пунктом социально-правовых преобразований марксизм провозгласил создание общества без государства и права. Советское социалистическое право должно было подготовить почву, заложить необходимый социальный фундамент, условия для «отмирания» государ-

ства, а вместе с ним и права как самоценной системы социального общения¹. Право, как и государство, должно было, по представлениям основоположников марксизма, попасть «в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»². Участь права была предрешена, социалистическое право должно было стать могильщиком всей правовой надстройки, на нем правовая история должна была закончиться.

В целом теория социалистического права – это сгусток неразрешимых противоречий, несовместимых между собой идей. Заключение в марксистском учении о праве антиправовая цель есть главный источник его противоречий, причина теоретической рыхлости основных положений. Идея «отмирания» права не согласуется, несовместима с идеями формирования нового, советского права, создания системы социалистического правопорядка, социалистической законности и т. д. Почти два десятилетия (с 1917 до середины 30-х гг.) дилемма: постепенное «увядание», «отмирание» права или же, напротив, укрепление правовых основ, созидание нового, «пролетарского» права, призванного узаконить, конституировать зарождающийся социальный строй, – была предметом спора, теоретических разногласий советских правоведов, причиной возникновения противоположных научных течений.

Другое спорное положение марксизма – о буржуазном праве при социализме. Оно тесно связано с идеей «отмирания» права. Суть его заключается в том, что в коммунистическом обществе в период его зарождения сохраняются «родимые пятна старого общества» (Маркс), т. е. капитализма. Таким «родимым пятном», по мнению основоположников марксизма, является буржуазное право. Оно не уничтожается пролетариатом в ходе революции, а продолжает существовать при социализме, хотя и частично, не в полной мере, до тех пор, пока коммунистический строй не сформирует новый социальный фундамент, разовьется на своих собственных основаниях.

Данное положение, на наш взгляд, не согласуется с марксистской идеей пролетарской революции, с важнейшим тезисом марксизма о кардинальном сломе, разрушении буржуазной государственной «машины», теоретическое обоснование которого дано В. И. Лениным в работе «Государство и революция». Он, как и Маркс, настаивал на радикальном сломе, на разрушении старого государственного аппарата, поскольку его невозможно реформировать, преобразовать для целей диктатуры пролетариата. Для новой государственной «машины», нового общественного строя необходимо новое право. Кардинальное разрушение существующего социального строя и постепенное его реформирование с частичным сохранением элементов прошлого – две разные стратегии, у каждой из них собственная логика.

Смысл сохранения старого права, по мнению В. И. Ленина, заключался в необходимости осуществления основного принципа социализма: «От каждого по способности – каждому по труду». Однако для этих целей не было необходимости в буржуазном праве, нужны, как отмечал сам автор данной идеи, социалистический учет и контроль. Дело в том, что системы оценки труда в буржуазном праве и при социализме – разные³. При капитализме оценка стоимости труда осуществляется на основе рыночных критериев, поэтому интеллектуальный труд может оцениваться многократно выше физического, при социализме же главным образом учитывались временные

¹ См., например: Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 18–19, 83, 93–99.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 173.

³ К. Маркс в «Критике Готской программы» писал: «Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда» (Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 18). Для правового регулирования трудовых отношений и «справедливой» оплаты труда, как показал советский правовой опыт, нет необходимости в буржуазном праве. Оплата за труд в СССР производилась не на основе «буржуазных» критериев, а на основе системы социалистического учета и контроля. Неслучайно, когда возник вопрос об оплате труда работников советского государственного аппарата, В. И. Ленин предложил их труд уравнивать с трудом квалифицированных рабочих, оценивая его в 6000 руб.

затраты и физические усилия, поэтому труд рабочих оплачивался обычно выше труда инженеров.

Кроме того, идея сохранения буржуазного права при социализме не стыкуется, несовместима с важнейшим ленинским тезисом: «Мы ничего „частного“ не признаем, для нас все в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»¹. Частное право – это не второстепенный элемент, а стержень, основа буржуазного права, в нем заключен его «дух», исходные принципы, правовые начала. Отказ от частного права в новом мироустройстве означал принципиальный отказ от капитализма и буржуазного права.

В. И. Ленин справедливо отмечал: «Вся теория Маркса есть применение теории развития – в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме – к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма»². Маркс, по его мнению, исходил из того, что будущее развитие коммунизма определяется теми же общественными силами, которые рождены капитализмом, он сравнивал его с естествоиспытателем, биологом, исследующим эволюционные процессы формирования новых биологических разновидностей. В этом, на наш взгляд, кроется причина появления концепции существования буржуазного права при социализме.

Право – это не биологическая система, оно есть порождение человеческого сознания, «духа». Для нее определяющим фактором является цель. Право как целевая система живет по своим законам, не биологическим, не законам природы. В социально-правовой сфере, в отличие от сферы природы, от живых организмов, возможны и даже неизбежны «скачки», перерывы постепенности. Таким социальным скачком, разрывающим эволюционный процесс, стало формирование советской государственности и права.

Те социальные силы, которые сформировали систему капиталистических отношений, буржуазное право, были низвергнуты в результате революционной стихии. Уже в начале 30-х гг. в стране не было ни буржуазии, ни дворянства как классов, они юридически и фактически были упразднены. Земля, средства производства, банки стали государственной собственностью, тем самым были разрушены основы, фундамент прежнего строя. Вместе с капиталистическими отношениями в СССР прекратили существование и открытые Марксом экономические законы капитализма. Маркс полагал, что правовые отношения возникают из экономических, обусловлены ими³, однако в условиях, когда прежний социальный, экономический строй разрушен, когда «экспроприаторы экспропрированы», нет прежних экономических отношений, можно по аналогии с библейским изречением утверждать: «В начале было Право».

Право в период социальных революций становится важнейшим фактором общественных преобразований, основой нового миропорядка. Когда разрушен старый социальный строй, экономические законы рыночных отношений уже не действуют, тогда исходным пунктом для социального созидания выступает право. Оно выходит на авансцену новой социальной истории. В связи с этим, на наш взгляд, спорным представляется важнейший тезис марксистской юриспруденции, что предметом социалистического права являются объективно, т. е. независимо от сознания людей, существующие общественные отношения. По сути, данный тезис есть развитие идеи Маркса о социальной эволюции, а также о приоритете экономического базиса над правовой надстройкой.

Для обществ, основанных на рыночных отношениях, где экономические интересы являются приоритетными для социальных субъектов, право действительно следует за экономическими отношениями, определяется базисом. Но совершенно иная ситуация складывается в социальных системах, где идеология берет верх над экономическими интересами, где во имя высших целей разрушается прежний миропорядок и его экономический базис. В этих системах у права нет объективной основы, соци-

¹ Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому. 20 февраля // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 398.

² Ленин В. И. Государство и революция. С. 84.

³ Он писал: «Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических?» (Маркс К. Указ. соч. С. 16).

ального фундамента, который определяет ее внутреннее строение. Для нее главным, системообразующим фактором является господствующая идеология, те цели, которые преследуют пришедшие к власти социальные силы. В этих «целеустремленных», «идеологических» социальных системах полюса меняются: право становится тем базисом, на основе которого формируется новый хозяйственный уклад.

Если главным идеологом создания системы советского права был В. И. Ленин, то ее главным «архитектором» – А. Я. Вышинский. Заслуга В. И. Ленина заключалась в определении основных задач, вектора развития советского права, а также его общего строения, исходных принципов (включая принцип социалистической законности). Что касается А. Я. Вышинского, то, не будучи законодателем, он сформулировал «официальную» дефиницию права и в общем виде представил его структуру. Как справедливо отметил В. В. Лазарев, говоря о различных ипостасях права (сферах, областях, аспектах), концепциях законодательства: «Генеральный прокурор Вышинский не только их осмысливал, но и формировал»¹.

В докладе «Основные задачи науки советского социалистического права» на первом совещании по вопросам советского государства и права в 1938 г. А. Я. Вышинский сформулировал концептуальные положения, определяющие перспективы развития советского права как целостной системы. Прежде всего он категорически отверг идею отмирания права при социализме, а также тезис о буржуазной природе социалистического права². Если для Е. Б. Пашуканиса и его сторонников переход к коммунизму предполагал не замену категорий буржуазного права категориями пролетарского права, а отмирание юридической формы вообще, «освобождение от этого наследия буржуазной эпохи»³, то, по мнению А. Я. Вышинского, задачи социалистического строительства требуют не отмирания, не «выветривания» права, а его укрепления, усиления его роли в обществе, создания права нового типа – социалистического, представляющего собой высшую ступень правового развития.

Оценивая состояние науки буржуазного права, он пришел к радикальному выводу о том, что «наука, которая могла быть названа таковой в подлинном смысле этого слова, ее нет»⁴. Таким образом, его идея заключалась в том, что советским юристам предстоит создать настоящую правовую науку: не эмпирическое учение, основанное на догматико-юридическом методе, а науку, созидающую новое право. При этом в качестве «верного компаса» в правовой сфере А. Я. Вышинский предлагал советским правоведам взять марксистско-ленинскую методологию диалектического материализма.

Согласно его концепции нельзя создать общую теорию права лишь посредством логической обработки норм позитивного права: «Теория права это есть система правовых принципов, на основе которых строится вся наука права, все отрасли науки права, независимо от их конкретного содержания... выработка этих принципов не может брать свое начало в нормах позитивного права. Наоборот, нормы позитивного права, как и все позитивное право в целом, должны строиться в соответствии с началами, принципами, установленными теорией права, опирающейся в свою очередь на принципы социализма, социалистической революции, социалистического государственного и общественного строя. Следовательно, надо выработать сначала принципы теории права»⁵.

¹ Лазарев В. В. *Онтология законодательства: источники развития // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сб. ст. / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 92.* Фигура главного прокурора СССР А. Я. Вышинского до сих пор вызывает в литературе неоднозначные оценки. С одной стороны, многие правоведа отмечают его заслуги как теоретика права, внесшего заметный вклад в советскую юридическую науку, с другой стороны, обращают внимание на «темные» стороны его личности, справедливо утверждая, что он был сталинским «инквизитором», отправившим «на Голгофу» многих известных российских правоведа и политиков.

² Вышинский А. Я. *Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 199, 201.*

³ Пашуканис Е. Б. *Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. С. 23.*

⁴ Вышинский А. Я. *Основные задачи науки советского социалистического права. С. 214.*

⁵ Там же. С. 218.

Исходя из логики его рассуждений, принципы социалистического права нельзя найти в позитивном праве, их должна выработать, сформулировать юридическая наука, общая теория права, основываясь при этом не на абстрактных правовых идеалах или высших правовых ценностях, а на «принципах социализма», «социалистической революции». Данный вывод означает, что истоки их следует искать вне правовой сферы, они обусловлены не правовыми, а политическими соображениями, идеями («Право, разумеется, есть категория политическая»¹, – утверждал А. Я. Вышинский). В конечном счете принципы социалистического права определяются стратегическими целями и задачами коммунистической партии, ее программными документами.

Основываясь на сформулированных принципах права, юридическая наука должна создать, построить систему социалистического права. Подчеркнем, не открыть, не выявить в процессе исследования существующих социально-правовых отношений, действующих правовых предписаний, а именно построить: «Построить систему советского социалистического права это значит, во-первых, систематизировать те принципы, на которые опирается советское право, во-вторых, классифицировать советские юридические дисциплины, показав конкретное содержание этих дисциплин, и, в-третьих, дать исчерпывающее описание и определение тех задач, которые стоят перед каждой из этих дисциплин в отдельности и перед всей наукой советского права в целом, и тех методов, при помощи которых эти задачи могут и должны быть решены»².

С одной стороны, для правоведов политический заказ на построение совершенно новой системы права открывал невиданные ранее перспективы участия в правотворческом процессе, в формировании не существовавшей ранее правовой реальности. Подобно «священнослужителям» права в Древнем Риме советские правоведы получили возможность создать своего рода «право юристов». С другой стороны, новая система права должна была основываться не на «чистых» принципах права, не на высших правовых ценностях, сформированных человечеством, а на идеологических постулатах, отрицающих собственную ценность права, предполагающих использование формы права в сугубо политических целях: в качестве инструмента диктатуры пролетариата, для построения коммунистического общества, в котором нет места праву.

Определяя субстанцию, «материю» права, А. Я. Вышинский писал: «Право не есть система общественных отношений, право не есть форма производственных отношений, право есть совокупность правил поведения, или норм, но не только норм, но и обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и защищаемых ею в принудительном порядке»³. Он противопоставлял свою точку зрения позиции П. И. Стучки, который рассматривал право как систему (или порядок) общественных отношений, соответствующую интересам господствующего класса и охраняемую организованной силой этого класса⁴. Хотя сам автор доклада утверждал, что его определение не имеет ничего общего с нормативистскими определениями, тем не менее оно, на наш взгляд, выражает позитивистский, узконормативный подход к пониманию права.

Система права согласно данной позиции не включает в себя правовые отношения, судебные решения, договоры, правовые доктрины, правовые идеалы и т. д. Ничего, что так или иначе связано с собственно правовым общением, с правовым «духом». В ней представлены лишь технико-юридические инструменты, причем не совмещения интересов, согласования произволов субъектов права (например, договоры), а нормы, правила как средства, инструменты классового господства, диктатуры пролетариата. Это не просто еще одна версия юридического позитивизма, а, как справедливо утверждал В. С. Нерсисянц, «антиюридический позитивизм»⁵. Право из сфе-

¹ Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 225.

² Там же. С. 238–239.

³ Там же. С. 234. В окончательной (письменной) редакции доклада А. Я. Вышинского было сформулировано следующее определение права: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу» (Там же. С. 233–234).

⁴ Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст., 1917–1930. М.: Гос. юрид. изд-во, 1931. С. 42.

⁵ Нерсисянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. С. 122.

ры, «царства» свободы превратилось в свою противоположность – институт политического насилия, диктатуры.

Когда А. Я. Вышинский, как и другие участники совещания по вопросам науки, исходили из понимания права как совокупности правил поведения, выражающих волю пролетариата – господствующего класса, то они, на наш взгляд, игнорировали одно важное обстоятельство. Согласно марксистско-ленинской теории «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹. Пролетариат как социальный класс существует в исторически определенной системе общественного производства – в системе рыночных, капиталистических отношений, его отношение к средствам производства оформляется «буржуазным» правом.

В середине 30-х гг. в СССР эта система общественного производства прекратила существование; вместе с рынком, капитализмом, «буржуазным» правом и буржуазией исчез и ее «сиамский близнец» – пролетариат. Сохранились рабочие, нанимаемые государством (государственными предприятиями, трестами), но пролетариат как социальный класс, если основываться на представлениях К. Маркса и В. И. Ленина о социальных классах, прекратил свое существование, следовательно, не могло быть и речи о системе пролетарского права, о правовом господстве пролетариата. В этом смысле позиция Е. Б. Пашуканиса и его сторонников была гораздо более марксистской, чем взгляды А. Я. Вышинского и поддержавших его участников совещания 1938 г.

Поскольку из системы советского права был исключен важнейший структурный элемент, заключающий в себе «дух» правовой свободы, – частное право, – то вся система права свелась к совокупности норм, выражающих государственную, политическую власть. Как утверждал А. Я. Вышинский, «по существу все отрасли права могут быть включены в круг государственного права, если под этим последним понимать учение о всех сторонах развития и деятельности государства, как они проявляются в тех или иных правовых формах»². Что это означает с точки зрения осуществления идеи формирования, «построения» системы советского социалистического права? Это значит исключение так называемого социального, негосударственного права из системы права. Система права превращается в своего рода пирамиду властных норм³, каждый элемент которой служит общей идее государственного господства. В правовой пирамиде есть главные элементы и есть служебные, обеспечивающие уголовно-правовыми, административно-правовыми санкциями, процедурными и иными гарантиями юридически оформленную волю государства.

Проектируемые правовые отрасли и институты представляют собой не оформление сущего, которого еще нет, его еще предстоит создать, а конституирование должно. Предмет правового регулирования как основа дифференциации отраслей нового, социалистического права и его правовых институтов – это не отражение объективной реальности в сознании юристов, а скорее образ желаемого правового будущего, определяемого задачами, поставленными партией и государством. Исходя из властной природы советского права, можно говорить о том, что его деление по отраслям и институтам лишь внешне схоже с делением, существующим в системах эволюционного типа, у него другая основа, иной внутренний стержень. В основе структурного деления в системе советского права лежит принцип дифференциации, сегментации государственной власти применительно к разным сферам общественной жизни. Государство лишает субъектов права свободного правового общения, превращая их из исходных центров правовой коммуникации, осуществляющих в ней собственные интересы, свою правовую волю, в исполнителей воли суверена.

¹ Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 15.

² Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 243–244.

³ См., например, выступление на совещании Н. Н. Полянского: Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.). Окончание // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 134.

Важным итогом совещания по вопросам науки советского государства и права 1938 г. стало инициирование дискуссии о системе советского социалистического права. Первая «волна» – с 1938 по 1946 г. В продолжение и развитие высказанных на I Совещании идей А. Я. Вышинский опубликовал в 1939 г. в журнале «Советское государство и право» статью «XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права». В ней автор высказал мысль о том, что государственная диктатура сохранится не только в период перехода к коммунизму, но и при коммунизме (!), пока не будет ликвидировано капиталистическое окружение¹. Также он уточнил сформулированное им на совещании определение права, указав, что право есть не совокупность, а *система* правил поведения (норм), выражающих *волю трудящихся*, всего советского народа (в редакции Совещания – волю господствующего класса), таким образом, он учел замечания, высказанные отдельными участниками совещания в отношении признака системности права (С. Ф. Кечекияна, В. С. Тадевосяна и др.). Кроме того, он «поправил» ранее предложенный им список отраслей советского права, исключил из него «без объяснения причин» земельное право, заменив его семейным правом. Уточненный список – десять отраслей права: 1) государственное; 2) трудовое; 3) колхозное; 4) административное; 5) бюджетно-финансовое; 6) семейное; 7) гражданское; 8) уголовное; 9) судебное; 10) международное право. Надо понимать, что высказанные им мысли – это отнюдь не «частное» мнение одного из многих советских правоведов, а позиция, претендующая на статус «официальной», соответствующей «линии партии».

В том же номере журнала «Советское государство и право» были опубликованы статьи по системе права члена-корреспондента АН СССР М. А. Аржанова и академика АН СССР И. П. Трайнина. М. А. Аржанов полагал, что не следует рассматривать систему права как «вещь в себе и для себя», пытаться достичь логически стройной и законченной схемы отраслей права, надо исходить не из чисто научных соображений, а из практической пользы. В качестве критерия группировки норм он, как и другие участники дискуссии, предлагал предмет правового регулирования: «Мы можем и должны – и с нашей точки зрения, это – единственно правильный путь – построить и определить все без исключения отрасли советского права по предмету правового регулирования»². Он полагал, что нет «вообще» систем права, они существуют в конкретной, определенной исторической форме и советская система права не является исключением. Основываясь, очевидно, на соображениях, высказанных А. Я. Вышинским, он утверждал, что «невозможно заранее предопределить систему права с ее отраслями каким-то принципом, взятым в самом праве»³. Система права не статична, она развивается, но не из своих внутренних предпосылок, оснований; она «следует за предметом», за меняющимися общественными отношениями, регулируемым правом.

И. П. Трайнин, как и М. А. Аржанов, исходил из того, что система права в целом и государственное право в частности зависят «не от априорных юридических правил»⁴, а от действительности. Действительность же сталинской эпохи имела мало общего с осуществлением правовых идеалов. Как справедливо отметил автор статьи, теоретическим основанием советского государственного права являются: марксистско-ленинское учение о диктатуре рабочего класса и партийные программы и постановления. Не теории правового государства и гражданско-правового состояния легли в основу Конституции и конституционного права, исходным фундаментом советского конституционного (государственного) права стали не правовые, а политические доктрины. Правовые идеалы вместе с буржуазным правом были отвергнуты как

¹ Вышинский А. Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 10.

² Аржанов М. О принципах построения системы советского социалистического права // Там же. С. 29. Свои представления о предмете правового регулирования М. А. Аржанов развил позднее в статье «Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе права» (Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 12–28). В данной статье он отмечал то обстоятельство, что предмет – это не только определенный круг общественных отношений, но и их содержательная характеристика, это отношения «известного порядка, известного типа»; «определяя предмет... мы уже тем самым по существу входим в круг основных и решающих вопросов о целях, задачах, политике, планах и мероприятиях государства» (с. 16, 18).

³ Аржанов М. О принципах построения системы советского социалистического права. С. 29.

⁴ Трайнин И. О содержании и системе государственного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 36.

враждебные, «не марксистские», поэтому систему советского государственного права лишь условно можно именовать правовой по причине отсутствия в ней правовой «материи», в сущности, сталинская Конституция и основанное на ней конституционное право – это стержневой элемент политической системы. Конституция стала основой пирамиды властных государственных норм, «краеугольным камнем» системы политической власти.

Для советских правоведов-конституционалистов возникла терминологическая проблема: разграничения государственного права в «узком» и в «широком» смысле, поскольку все советское право было государственным. Предложение И. П. Трайнина заключалось в том, чтобы государственное право в «узком» смысле именовать конституционным.

Кульминационным пунктом первой «волны» дискуссии о системе советского права стало коллективное обсуждение проблемы на объединенном заседании секции общей теории права и гражданского права Института права АН СССР 2 июля 1940 г. В рамках проведенной дискуссии обнаружилось, что у идеи системы права есть не только сторонники, но и противники. Оказалось, что есть правоведы, которые отрицают саму возможность и необходимость построения системы советского права (на это обстоятельство обратил внимание М. О. Рейхель¹). М. М. Мороз, в частности, отмечал, что «классификация права не представляет собой вообще теоретической проблемы, ибо она дается самим законодателем – в названии закона, в кодексе, в оглавлении»².

Большинство участников обсуждения в качестве критерия отраслевого деления права называли предмет правового регулирования (М. М. Агарков, Д. М. Генкин, Г. М. Свердлов, М. А. Аржанов и др.). Некоторые же (в частности, С. Ф. Кечекьян) полагали, что не следует проводить резкую грань между предметом и методом регулирования отношений, что предмет и метод суть едины³. В целом солидарен с этой точкой зрения был С. Н. Братусь, который отметил, что его напрасно относят к сторонникам идеи единственного критерия – метода правового регулирования; «при построении системы права нельзя отказываться от выяснения связи между предметом и методом»⁴.

Важный, на наш взгляд, акцент был сделан М. А. Аржановым при подведении итогов дискуссии о системе советского права: «Система определяется той задачей, которая перед ней поставлена»⁵. По сути, одной фразой он перечеркнул все свои ранее заявленные идеи о том, что система права «следует за предметом», за меняющимися общественными отношениями, что именно предмет надо брать за основу деления права. В этой фразе – отражение реальности, настоящего положения «вещей»: в основе построения системы советского права действительно лежали программные задачи партии, среди которых важнейшая – осуществление диктатуры пролетариата правовыми средствами. Предмет, методы правового регулирования, да и принципы советского права в период формирования его как целостной системы были напрямую обусловлены этой важнейшей задачей. Система советского права «следовала» не за существующими отношениями, которые сами определялись ею, она следовала за «линией партии», за ее решениями, установками.

В правовых системах эволюционного типа, где нормы права юридически закрепляют существующие социальные отношения, предмет (как его понимал М. А. Аржанов) действительно имеет определяющее значение, но в системах революционного типа (искусственно созданных) предмет правового регулирования, понимаемый не в смысле должного, а в смысле сущего, не может быть основой для системы права. Общественные отношения, социальное мироустройство сами определяются системой революционного права, которое заключает в себе образ желаемого будущего.

Первая «волна» дискуссии о системе советского права завершилась в 1946 г., заключительным ее «аккордом» стали статьи известных правоведов: С. Ф. Кечекьяна и М. С. Строговича. Развивая высказанную им ранее идею о единстве предмета и метода правового регулирования, С. Ф. Кечекьян писал: «Нельзя не заметить, что метод

¹ К дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 197.

² Там же. С. 201.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 202.

⁵ Там же. С. 204.

правового регулирования неотделим от его предмета. Предмет регулирования, т. е. те или иные общественные отношения, составляет одно целое с их правовым оформлением, следовательно, включает в себя определенный метод регулирования¹. Метод, по его убеждению, не может быть положен в основу в качестве самостоятельного критерия деления права, таким критерием должен быть предмет правового регулирования.

Построить систему права по предмету означает «ориентировать ее на систему общественных отношений»², представляющих собой, по его мнению, некоторое законченное целое, единство. В теоретических построениях автор статьи явно исходил из предпосылки, что процесс разрушения старого буржуазного строя и становления нового, социалистического, близится к завершению, что его фундамент уже в основном сформирован, поэтому он рассуждал о наличии целостной системы общественных отношений, некапиталистического хозяйственного уклада. Применительно к этой, в значительной мере сформировавшейся системе новых общественных отношений правовая форма (способы, методы правового регулирования), исходя из логики автора публикации, должна следовать за содержанием, за предметом правового регулирования.

В статье М. С. Строговича «Принципы системы советского социалистического права» отмечалось, что «проблема системы права – проблема не формально-юридическая, а методологическая, и она вовсе не сводится к простой распланировке правового материала по рубрикам и разделам, а свой смысл имеет в раскрытии в праве реальной связи правовых явлений, существующих в обществе»³. С одной стороны, автор статьи полагал, что систему права можно «построить на подлинно научных основаниях», для этого надо вскрыть единство действующего права, внутри этого единства обнаружить все различия групп, видов правовых норм, а также установить связь этих различных групп правовых норм друг с другом. С другой стороны, система права – это, по его мнению, «само действующее право в его единстве и делении на отрасли»⁴.

В концепции М. С. Строговича, на наш взгляд, произошло смешение правовой реальности (система права как состояние правовой материи) и представлений о ней (система права – теоретическая модель, созданная правоведами). Что касается научных представлений о системе права, то мысль ученого о том, что система права должна быть орудием познания права, средством его усовершенствования и развития, заслуживает внимания. Действительно, основательная научная теория системы права, отражающая закономерности правового развития общества, может быть фактором прогресса. Напротив, антинаучная теория, в которой революционная идеология игнорирует социально-правовые законы, может стать препятствием на пути правового прогресса общества.

М. С. Строгович, как и С. Ф. Кечекьян, отстаивал идею единства предмета и метода правового регулирования. При этом метод, по его убеждению, имеет производное значение при построении отраслей права, он связывал его с целями правового регулирования отношений, т. е. с волей законодателя. Метод правового регулирования, «не будучи тем основанием, на котором производится построение системы права, может служить дополнительным, подсобным признаком при разграничении отдельных отраслей права»⁵. Таким образом, принцип единства предмета и метода правового регулирования не означает признание их равноценности, отрасли права формируются на основе предмета – регулируемых правом общественных отношений, которые не являются неизменными. Динамика общественных отношений обуславливает динамизм, изменчивость системы права. Поэтому нет и не может быть исчерпывающего, «универсального» перечня отраслей права, пригодного для «всех времен и народов».

Обозначим результаты первой «волны» дискуссии о системе права. Во-первых, юристы в целом достигли консенсуса в отношении необходимости «построения» сис-

¹ Кечекьян С. Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 41.

² Там же. С. 44.

³ Строгович М. С. Принципы системы советского социалистического права // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 2. С. 85.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Там же. С. 92.

темы советского социалистического права; теории «засыпания», «отмирания» права были отвергнуты как не соответствующие вызовам времени. Во-вторых, утвердилось понимание системы права как деления правовых норм по отраслям. В-третьих, в качестве главного, а для многих юристов – единственного критерия деления права признан предмет правового регулирования. В-четвертых, официально отвергнуто римское деление права на частное и публичное, хотя отдельные советские юристы выступали за его сохранение в советском праве¹.

Следующая «волна» дискуссии о системе советского права прошла во второй половине 50-х гг., в период, когда начинался процесс либерализации политического режима (хрущевская «оттепель»). Отдельные авторы, учитывая изменившиеся социальные условия, указывали на отставание юридической науки от потребностей практики. Так, В. С. Тадевосян отмечал, что еще не выработано стройного учения о системе советского права, отвечающего требованиям времени². По его мнению, необходимо нацелить юридическую науку на развитие экономической сферы, народного хозяйства. Для более эффективного регулирования экономической деятельности он предлагал сформировать самостоятельную отрасль – хозяйственное право, которое должно включать в себя различные подотрасли: промышленное, сельскохозяйственное, кооперативное, транспортное, торговое, банковско-кредитное право.

Л. И. Дембо также полагал, что в рамках первой дискуссии о системе права проблема в целом не была решена, сама постановка проблемы неправильная, необходим более широкий взгляд на систему права. Предыдущее обсуждение, по его мнению, свелось к вопросу о предмете и методе правового регулирования как критериях разграничения отраслей права; «нужна новая постановка проблемы. Проблема должна быть поставлена в общей форме и с принципиальных общетеоретических позиций»³. Он предложил понимать систему права как совокупность правовых принципов и обусловленной ими систематики права (классификации отраслей права). Принципам права он отводил важнейшую роль в формировании системы права, «каждая отрасль права конкретизирует отдельные общие принципы в соответствующей области правоотношений»⁴. Один из принципов права всегда имеет в каждой отдельной отрасли доминирующее значение. Поскольку автор статьи признал невозможным дать исчерпывающий перечень принципов советского права, то, следуя его логике, и состав отраслей советского права должен быть открытым. В качестве предпосылок, необходимых для формирования самостоятельной отрасли права, Л. И. Дембо выделял: а) наличие соответствующей области общественных отношений; б) единство этих отношений; в) объективно обусловленный интерес у господствующего класса в самостоятельном регулировании данного комплекса отношений. Относительно новый элемент в его перечне – это третья предпосылка, участники первой дискуссии выделяли в качестве важного фактора цели, задачи, стоящие перед законодателем, государством.

Д. М. Генкин, анализируя позицию Л. И. Дембо, пришел к выводу, что принципы регулирования не могут быть критериями для построения системы советского права. По его мнению, принцип эквивалентности, на который ссылается Л. И. Дембо, ха-

¹ Кроме Б. Б. Черепихина (Черепихин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск: [б. и.], 1926) в защиту сохранения деления права на частное и публичное выступали, например, Н. И. Челябинов, С. Н. Братусь, Я. Ф. Миколенко. С. Н. Братусь предложил модифицированную версию формулы Ульпиана: делить советское право на публичное (государственное) и гражданское (Братусь С. Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 43). М. П. Карева, критикуя позицию С. Н. Братуся и Я. Ф. Миколенко, пришла к выводу о том, что деление права на частное и публичное является «попыткой проникнуть в сущность права», а не принципом его разделения; по ее мнению, противопоставление публичного и частного права следует относить к числу «юридических иллюзий» (Карева М. К вопросу о делении права на частное и публичное // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 18, 22). Как утверждает Д. М. Азми, «официально (официозно) отвергнутая, дуалистическая концепция права поддерживалась видными представителями отечественного правоведения в „режиме непризнания“ частного права. В скрытой форме ее модификации прослеживаются в воззрениях многих участников Совещания» (Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. С. 243).

² Тадевосян В. С. Некоторые вопросы системы советского права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 99.

³ Дембо Л. И. О принципах построения системы права // Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 95.

рактен не только для гражданского права, но и для трудового и колхозного права; принцип демократического централизма – для административного, а также гражданского права и т. д.¹ В основу построения системы советского права должен быть положен единый классификационный признак – предмет правового регулирования. Как и в статье, опубликованной в 1939 г.², он отмечал то обстоятельство, что методы правового регулирования, применяемые законодателем в рамках одной отрасли права, например советского гражданского права, могут быть различны, поэтому метод регулирования не может быть положен в основу разделения права на отрасли, в том числе как добавочный, вторичный критерий. Что касается предложения В. С. Тадевояна о выделении в качестве самостоятельной отрасли хозяйственного права, то Д. М. Генкин выступил категорически против данной инициативы. Он полагал, что, несмотря на существенные различия отношений, возникающих между гражданами и между социалистическими организациями, между ними существует тесная связь, основанная на общей природе социалистической собственности. Кроме того, значительное число норм гражданского права являются общими для имущественных отношений между гражданами и между организациями, те же нормы, которые предлагается включить в хозяйственное право, по своей сути, характеру разнородные (административно-правовые и гражданско-правовые), они несовместимы друг с другом, не образуют единое правовое целое.

Против критерия предмета правового регулирования как единого, универсального основания отраслевого деления права, отстаиваемого Д. М. Генкиным, а также другими советскими правоведом, возражала Ц. А. Ямпольская. По ее мнению, он не дает и не может дать готовых решений в отношении разграничения отдельных отраслей права, необходимы дополнительные критерии³. В целях решения данной проблемы она предлагала взять за основу сформулированные Л. И. Дембо три предпосылки, необходимые для формирования самостоятельной отрасли права. Что касается принципов права, их роли в построении системы права, то в этой части Ц. А. Ямпольская не разделяла точку зрения Л. И. Дембо: «Основные принципы, лежащие в основе советского права, являются общими, едиными для всех отраслей права и в каждой из отраслей права *каждый* из общих принципов находит свои специфические для данной отрасли права формы проявления»⁴. Схожую позицию по поводу принципов права отстаивал С. И. Вильнянский, он полагал, что «доминирующий принцип» не может быть положен в основу отраслевого деления права, поскольку не позволяет установить четкую границу между отраслями права, «вообще следует заметить, что тот или иной принцип определяется предметом, а не наоборот»⁵.

Против идеи основного, доминирующего отраслевого принципа выступали также М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе. Принципы как положения, провозглашенные людьми, по их мнению, сами нуждаются в объяснении и обосновании⁶. М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе отмечали ненадежность, произвольность использования критерия основного принципа права в качестве «краеугольного камня» при разграничении отраслей права. Они выделили три основные особенности, которые отличают систему права от систематики правовых норм. Во-первых, система права представляет собой «объективное структурное качество действующего в данном обществе права». Систематика же производится «на основе классификационного критерия, субъективно избранного систематизатором сообразно с характером разрешаемых им задач»⁷. Во-вторых, составные части системы права (отрасли права) также отграничиваются друг от друга в силу объективных качеств, свойственных каждой из них. К чис-

¹ Генкин Д. М. К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 84.

² Генкин Д. М. Предмет советского гражданского права // Там же. 1939. № 4. С. 32, 33, 37.

³ Ямпольская Ц. А. О месте административного права в системе советского социалистического права // Там же. 1956. № 9. С. 92. С возражениями Ц. А. Ямпольской в отношении представлений Л. И. Дембо о роли принципов права в разделении отраслей был солидарен Г. И. Петров (Петров Г. И. Место административного права в системе советского права // Там же. 1957. № 1. С. 94).

⁴ Ямпольская Ц. А. Указ. соч. С. 97.

⁵ Вильнянский С. И. К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 107.

⁶ Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Там же. № 6. С. 101.

⁷ Там же. С. 103.

лу таких объективных качеств они относили предмет (основной критерий) и особый метод правового регулирования (вспомогательный критерий), присущие каждой из отраслей права. В-третьих, входящие в систему права отрасли не дублируют, а, наоборот, взаимно исключают друг друга. Одна и та же норма не может одновременно быть в разных частях системы права, в правовой же систематике правовые нормы можно группировать по своему усмотрению. В качестве примера такого относимого ими к систематике произвольного объединения правовых норм они называли хозяйственное право. Что касается собственно системы права, то М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе выделяли пять отраслей права: государственное, административное, гражданское, уголовное, процессуальное право (включающее в себя уголовный, гражданский и административный процессы).

М. С. Строгович, развивая свои представления о системе права, изложенные в рамках первой дискуссии, отмечал: «Система права – это не просто структура действующего права, это проявляющаяся в нем закономерность развития и действия права. Научная разработка системы советского права может иметь своей целью совершенствование всех звеньев процесса правового регулирования, содействие развитию права, улучшению законодательства»¹. По его мнению, не стоит преуменьшать значение дискуссии о системе права 30-х гг., ее результатом явилось правильное по существу положение о предмете правового регулирования как основе построения системы права, теперь же необходимо новое углубленное исследование системы права. Рассматривая место уголовно-процессуального права в системе советского права, он отмечал то обстоятельство, что предметом регулирования в данной сфере являются не фактические, а правовые отношения, что процессуальные отношения существуют только как правовые отношения². Хотя уголовно-процессуальное право тесно связано с уголовным правом, тем не менее это отдельная, самостоятельная отрасль права. Вместе с тем М. С. Строгович полагал, что есть все основания говорить о советском процессуальном праве, которое включает в себя уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное право. Он считал оправданной теоретически и практически конструкцию, объединяющую оба процесса вместе с судоустройством в одну отрасль процессуального или судебного права³. Судебное право, по его словам, представляет собой сложную, комплексную отрасль советского права, включающую в себя более «узкие» отрасли права: уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное и судоустройство.

Интересные идеи в рамках второй «волны» дискуссии о системе права были высказаны также другими советскими правоведом. Н. Г. Александров, например, отмечал, что «отрасль права образует только такая совокупность юридических норм, которая, кроме особого метода и формы правового регулирования, характеризуется также специфическими общими, принципиальными положениями для данной совокупности норм»⁴. И. В. Павлов наряду с предметом правового регулирования, основным критерием деления права по отраслям, методом как вспомогательным, дополнительным критерием, предлагал также учитывать важный, по его мнению, субъективный фактор – волю господствующего класса⁵. М. А. Тарасов отстаивал идею выделения в качестве самостоятельной отрасли транспортного права, включающего в себя железнодорожное, речное, морское, воздушное и автомобильное право⁶. Некоторые советские правоведы (Л. Я. Гинцбург, В. П. Ефимочкин, Г. М. Свердлов, В. С. Покровский) в ходе научной сессии, организованной Институтом права АН СССР 30 июня – 3 июля 1958 г., выступили за признание хозяйственного права в качестве самостоятельной отрасли, большинство же высказались против.

В целом в рамках второй «волны» дискуссии о системе советского права, как справедливо отметил И. В. Павлов, проявилось стремление большинства советских пра-

¹ Строгович М. С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 102.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 107.

⁴ Александров Н. Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 117–118.

⁵ Павлов И. В. О системе советского социалистического права // Там же. № 11. С. 10.

⁶ Тарасов М. А. Система транспортного права Советского Союза // Там же. 1957. № 4. С. 110–111.

ведов не осуществлять кардинальных преобразований, коренной ломки созданной системы права, а совершенствовать ее в соответствии с новыми задачами. Однако данная позиция, на наш взгляд, предполагала наступление не только позитивных последствий, заключающихся в сохранении стабильности, устойчивости системы советского права, но и негативных, связанных с возможным торможением в развитии отечественной экономики, с потенциальной утратой ее конкурентоспособности. Проблема в том, что система права, созданная в 30-е гг., была ориентирована на осуществление идеи диктатуры пролетариата, поэтому представляла собой систему властных норм, своего рода «правовой кулак» для борьбы с внутренними и внешними врагами. В послевоенный же период, когда главная задача для юристов заключалась в создании эффективной системы стимулов для успешной экономической, хозяйственной деятельности, научно-технического прогресса, жесткое правовое регулирование скорее препятствовало, чем способствовало решению новых задач. Властный «кулак» хорош на войне, но малопригоден в повседневной работе, особенно творческой.

В методологическом плане главный дефект сформировавшегося в советской юридической науке взгляда на систему права заключался в том, что система права отождествлялась с отраслевой дифференциацией правовых норм. Вместо гибкого, многоаспектного подхода, отражающего функциональные, генетические, структурные и иные связи, существующие в праве, советские правоведы взяли за основу односторонний, патолого-анатомический подход, нацеленный на расчленение «живой» правовой материи на отдельные ее части и оперирование ими как самоценными элементами. Само по себе деление права по отраслям еще не является угрозой для целостности права как системы, но лишь до тех пор, пока не создает препятствий естественному движению правовой материи, свободному правовому «кровообращению». Когда же отдельные части системы права искусственно отделяются друг от друга, рассматриваются как самоценные элементы, то система утрачивает гибкость, эластичность. Вместо свободного движения правовой материи по всей правовой сфере создается относительно замкнутая ее циркуляция в рамках отдельных отраслей права, где формируются собственные отраслевые принципы, связи норм, отраслевые институты, подотрасли и т. д.

В рамках единого правового поля возникают отраслевые перегородки, стены, препятствующие решению общеправовых, а также межотраслевых задач. Происходит раздел и своего рода «присвоение» правовых сфер по отраслевому принципу: законодательные инициативы по регулированию отношений собственности становятся достоянием гражданско-правовой отрасли, управленческих отношений – административного права и т. д. Отраслевые «фильтры» не пропускают предложений, новаций, нарушающих установленное системное размежевание. Другим следствием отраслевого раздела права является борьба против «инакомыслящих» – сторонников идеи существования комплексных отраслей и институтов права, а также иных альтернативных систем. Отраслевое «мироустройство» поддерживается системой образования, профессиональной подготовки юристов, осуществляемой также по отраслевому принципу.

Подобно медикам, которые лечат не человека, а отдельные части его тела, советские юристы, да и современные российские правоведы, занимаются не правом вообще, а решением конкретных отраслевых проблем. При этом главные, стратегические задачи социально-правового развития страны, прогресса общества оказываются «ничейными». Советское государственное (ныне конституционное) право изначально не было нацелено на правовой прогресс, на осуществление правовых идеалов, оно создавалось для осуществления политических задач, связанных с построением общества, не основанного на правовых принципах. Созданная в СССР система права скорее по форме, технико-юридической оболочке была правовой, по сути же в ней отсутствовал «дух» права, идея правового прогресса. Неслучайно многие известные советские правоведы основу, фундамент системы права искали вовне правовой материи. Как голая юридическая форма, созданная для осуществления главной политической сверхидеи, она оказалась ее заложницей и в конечном счете разделила ее судьбу.

Список литературы

Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. 392 с.

Александров Н. Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 117–124.

Аржанов М. О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26–35.

Аржанов М. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 12–28.

Братусь С. Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 36–52.

Вильнянский С. И. К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 102–109.

Вышинский А. Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 1–26.

Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 191–284.

Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.). Окончание // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 131–278.

Генкин Д. М. К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 80–91.

Генкин Д. М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 28–40.

Дембо Л. И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 88–98.

К дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 197–204.

Карева М. К вопросу о делении права на частное и публичное // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 14–27.

Кечежян С. Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 41–50.

Лазарев В. В. Онтология законодательства: источники развития // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сб. ст. / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 85–94.

Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 1–29.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.

Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому. 20 февраля // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 396–400.

Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 9–32.

Нерсисянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. 160 с.

Павлов И. В. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 3–18.

Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. 128 с.

Петров Г. И. Место административного права в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 91–101.

Строгович М. С. Принципы системы советского социалистического права // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 2. С. 81–98.

Строгович М. С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 102–109.

Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст., 1917–1930. М.: Гос. юрид. изд-во, 1931. 236 с.

Тадевосян В. С. Некоторые вопросы системы советского права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 99–108.

Тарасов М. А. Система транспортного права Советского Союза // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 110–114.

Траинин И. О содержании и системе государственного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 36–45.

Черепакхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск: [б. и.], 1926. 26 с.

Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101–110.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 23–178.

Ямпольская Ц. А. О месте административного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 92–102.

References

Aleksandrov N. G. (1958) O meste trudovogo i kolkhoznogo prava v sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the place of labour and collective farm law in the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 5, pp. 117–124.

Arzhanov M. (1939) O printsipakh postroeniya sistemy sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the principles of building the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 26–35.

Arzhanov M. (1940) Predmet i metod pravovogo regulirovaniya v svyazi s voprosom o sisteme prava [The subject and method of legal regulation in connection with the issue of the legal system]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 8–9, pp. 12–28.

Azmi D. M. (2014) *Sistema prava i ee stroenie: metodologicheskie podkhody i resheniya* [The system of law and its structure: methodological approaches and solutions]. Moscow, Yustitsinform, 392 p.

Bratus' S. N. (1940) O predmete sovetskogo grazhdanskogo prava [On the subject of Soviet civil law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 36–52.

Cherepakhin B. B. (1926) *K voprosu o chastnom i publichnom prave* [On the issue of private and public law]. Irkutsk, 26 p.

Dembo L. I. (1956) O printsipakh postroeniya sistemy prava [On the principles of building a legal system]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 8, pp. 88–98.

Engel's F. (1961) Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. In Marks K., Engel's F. *Sochineniya: v 30 t.*, 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 21, pp. 23–178.

Genkin D. M. (1939) Predmet sovetskogo grazhdanskogo prava [The subject of Soviet civil law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 28–40.

Genkin D. M. (1956) K voprosu o sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the issue of the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 9, pp. 80–91.

K diskussii o sisteme prava (1940) [Towards a discussion about the legal system]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 8–9, pp. 197–204.

Kareva M. (1939) K voprosu o delenii prava na chastnoe i publichnoe [On the question of the division of law into private and public]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 14–27.

Keчек'ян S. F. (1946) O sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 41–50.

Lazarev V. V. (2026) Ontologiya zakonodatel'stva: istochniki razvitiya [The ontology of legislation: sources of development]. In Lazarev V. V. (Ed.) *Zakonodatel'stvo v obustroistve rossiiskoi zhizni: istoriya i sovremennost' (K 250-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo): sbornik statei*. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, Norma, INFRA-M, pp. 85–94.

Lenin V. I. (1969) Gosudarstvo i revolyutsiya [State and the revolution]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.*, 5th ed. Moscow, Politizdat, vol. 33, pp. 1–120.

Lenin V. I. (1970) O zadachakh Narkomyusta v usloviyakh novoi ekonomicheskoi politiki. Pis'mo D. I. Kurskomu. 20 fevralya [On the tasks of the People's Commissariat of Justice in the context of the new economic policy. Letter to D. I. Kursky. February 20]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.*, 5th ed. Moscow, Politizdat, vol. 44, pp. 396–400.

Lenin V. I. (1970) Velikii pochin (O geroizme rabochikh v tylu. Po povodu «kommunisticheskikh subbotnikov») [The Great Initiative (About the heroism of the workers in the rear. Concerning the «communist subbotniks»)]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.*, 5th ed. Moscow, Politizdat, vol. 39, pp. 1–29.

Marks K. (1961) Kritika Gotskoi programmy [Criticism of the Gotha program]. In Marks K., Engel's F. *Sochineniya: v 30 t.*, 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 19, pp. 9–32.

Neresyants V. S. (1996) *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* [Law – mathematics of freedom. The experience of the past and prospects]. Moscow, Yurist, 160 p.

Pashukanis E. B. (1927) *Obshchaya teoriya prava i marksizm* [General theory of Law and Marxism], 3rd ed. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, 128 p.

Pavlov I. V. (1958) O sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 11, pp. 3–18.

Petrov G. I. (1957) Mesto administrativnogo prava v sisteme sovetskogo prava [The place of administrative law in the system of Soviet law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 91–101.

Shargorodskii M. D., Ioffe O. S. (1957) O sisteme sovetskogo prava [On the system of Soviet law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 6, pp. 101–110.

Strogovich M. S. (1946) Printsipy sistemy sovetskogo sotsialisticheskogo prava [Principles of the system of Soviet socialist law]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie ekonomiki i prava*, no. 2, pp. 81–98.

Strogovich M. S. (1957) Ugolovno-protsessual'noe pravo v sisteme sovetskogo prava [Criminal procedure law in the system of Soviet law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 102–109.

Stuchka P. I. (1931) *13 let bor'by za revolyutsionno-marksistskuyu teoriyu prava: sbornik statei, 1917–1930* [13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law: collection of articles, 1917–1930]. Moscow, Gosudarstvennoe yuridicheskoe izdatel'stvo, 236 p.

Tadevosyan V. S. (1956) Nekotorye voprosy sistemy sovetskogo prava [Some issues of the Soviet law system]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 8, pp. 99–108.

Tarasov M. A. (1957) Sistema transportnogo prava Sovetskogo Soyuza [The system of transport law of the Soviet Union]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 110–114.

Trainin I. (1939) O sodержanii i sisteme gosudarstvennogo prava [About the content and system of state law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 36–45.

Vil'nyanskii S. I. (1957) K voprosu o sisteme sovetskogo prava [On the issue of the system of Soviet law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 102–109.

Vyshinskii A. Ya. (1939) XVIII s"ezd VKP(b) i zadachi nauki sotsialisticheskogo prava [The XVIII Congress of the CPSU(b) and the tasks of the science of socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 1–26.

Vyshinskii A. Ya. (2009) Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava: Doklad na I Soveshchanii po voprosam nauki sovetskogo gosudarstva i prava (16–19 iyulya 1938 g.) [The main tasks of the science of Soviet socialist law: Report at the First Meeting on the Science of the Soviet State and Law (July 16–19, 1938)]. In *Voprosy pravovedeniya*, no. 1, pp. 191–284.

Vyshinskii A. Ya. (2009) Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava: Doklad na I Soveshchanii po voprosam nauki sovetskogo gosudarstva i prava (16–19 iyulya 1938 g.). Okonchanie [The main tasks of the science of Soviet socialist law: Report at the First Meeting on the Science of the Soviet State and Law (July 16–19, 1938). End]. In *Voprosy pravovedeniya*, no. 2, pp. 131–278.

Yampol'skaya Ts. A. (1956) O meste administrativnogo prava v sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the place of administrative law in the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 9, pp. 92–102.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.12.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2026_1_23

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: РОЛЬ ПРОКУРОРА КАК СУБЪЕКТА ПРОФИЛАКТИКИ ИХ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Ергашев Евгений Рашидович

Доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-4519-3171, e-mail: ergashever@mail.ru.

Бобина Римма Васильевна

Старший преподаватель кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), заслуженный работник прокуратуры Российской Федерации, ORCID: 0009-0007-3878-3046, e-mail: Rimma.uma@mail.ru.

В статье анализируются проблемы и актуальные на современном этапе вопросы формирования законопослушного поведения несовершеннолетних, противодействия их безнадзорности, совершению правонарушений и преступлений, а также особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства об образовании, профилактике девиантного поведения обучающихся, их интернет-зависимости, вовлечения в противоправную, террористическую, экстремистскую и иную аутодеструктивную деятельность с использованием сети Интернет, защите от противоправного контента. Авторы подробно рассматривают проблемные решения, подлежащие прокурорской проверке в данном направлении прокурорской деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, несовершеннолетние, образование, профилактика правонарушений, интернет-зависимость, терроризм, экстремизм

Для цитирования: Ергашев Е. Р., Бобина Р. В. Проблемы противодействия преступности несовершеннолетних: роль прокурора как субъекта профилактики их безнадзорности и правонарушений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 23–30. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_23.

PROBLEMS OF COMBATING JUVENILE DELINQUENCY: THE ROLE OF THE PROSECUTOR AS A SUBJECT OF PREVENTING THEIR NEGLIGENCE AND DELINQUENCY

Ergashev Evgeny

Doctor of legal sciences, professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-4519-3171, e-mail: ergashever@mail.ru.

Bobina Rimma

Senior lecturer, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, ORCID: 0009-0007-3878-3046, e-mail: Rimma.uma@mail.ru.

This article analyzes the problems and current issues related to fostering law-abiding behavior in minors, combating neglect, offenses and crimes, as well as the specifics of prosecutorial oversight of the implementation of education legislation, preventing deviant behavior among students, their Internet addiction, involvement in illegal, terrorist, extremist and other self-destructive activities using the Internet and protection from illegal content. The authors examine in detail the problematic solutions subject to prosecutorial review in this area of prosecutorial activity.

Key words: prosecutorial oversight, minors, education, offense prevention, internet addiction, terrorism, extremism

*For citation: Ergashev E., Bobina R. (2026) Problems of combating juvenile delinquency: the role of the prosecutor as a subject of preventing their neglect and delinquency. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 23–30, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_23.*

Пекинскими правилами¹ закреплено, что государства-члены должны стремиться к созданию условий, позволяющих обеспечить содержательную жизнь подростка в обществе, которая в тот период жизни, когда она или он наиболее склонны к неправильному поведению, будет благоприятствовать процессу развития личности и получения образования, в максимальной степени свободному от возможности совершения преступлений и правонарушений.

Несмотря на снижение преступности среди несовершеннолетних за последние годы в стране, проблема остается актуальной. Так, в 2024 г. более 21 тыс. несовершеннолетних совершили свыше 26,3 тыс. преступлений. При этом не удается коренным образом переломить ситуацию в сфере вовлечения детей в совершение преступлений, а также иных действий, представляющих опасность для их жизни, в том числе с использованием сети Интернет². В 2024 г. на 3 % по сравнению с 2023 г. возросло число случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений³. Следовательно, борьба с преступностью и правонарушениями несовершеннолетних по-прежнему является одним из основных направлений деятельности государственных органов.

Считаем, что для эффективного противодействия подростковой преступности, ликвидации причин, ее порождающих, самое важное – правильное воспитание несовершеннолетних, обнаружение и устранение недостатков воспитания, что безусловно влияет на состояние безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Существенную роль в этом направлении играют специально уполномоченные органы и учреждения системы профилактики⁴, среди которых велико значение органов образования. На органы управления в сфере образования возложены обязанности по учету несовершеннолетних, не посещающих занятия; разработке и внедрению в работу образовательных организаций программ и методик по формированию законопослушного поведения обучающихся; проведению мероприятий по раннему выявлению потребления учащимися наркотических средств и психотропных веществ. Образовательные организации обязаны оказывать социально-психологическую и педагогическую помощь несовершеннолетним с отклонениями в поведении, имеющим проблемы в обучении; выявлять несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, принимать меры по их воспитанию и получению ими общего образования; выявлять неблагополучные семьи, оказывать им помощь в обучении и воспитании детей. Таким образом, главными задачами органов образования являются не только передача учащимся знаний, но и формирование у них законопослушного поведения путем проведения мероприятий воспитательного воздействия, реализации соответствующих программ и методик.

Основными законодательными актами, регламентирующими вопросы обучения, воспитания, оказания помощи учащимся и семье в получении образования, профилактики безнадзорности и правонарушений, выступают федеральные законы от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 г.) «Об образовании в Российской

¹ Подробнее см.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. (п. 1.2).

² Подробнее см.: Прокурорский надзор за исполнением законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: пособие / рук. авт. коллектива Д. И. Ережипалиев и др.; Ген. прокуратура РФ; Ун-т прокуратуры РФ. М., 2021. 168 с.

³ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 29.07.2025).

⁴ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Федерации», от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 1 апреля 2025 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», указы Президента РФ, постановления Правительства РФ¹.

Важные функции по исполнению требований об образовании, профилактике безнадзорности и правонарушений среди обучающихся выполняют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП), которые дают образовательным организациям согласие на отчисление несовершеннолетних, достигших возраста 15 лет и не получивших основного общего образования, а также на оставление лицами, достигшими 15 лет, общеобразовательной организации до получения основного общего образования, принимают меры по получению такими лицами основного общего образования в иной форме или их трудоустройству².

Обязанность по противодействию безнадзорности и правонарушениям несовершеннолетних, посещению детьми образовательных организаций, получению ими общего образования возложена на родителей, иных законных представителей несовершеннолетних³.

Важнейшее место в системе мероприятий по противодействию безнадзорности и преступности несовершеннолетних отводится прокурорскому надзору. Генеральный прокурор РФ обязал считать одной из основных задач реализацию постоянного надзора в отношении всех органов и учреждений системы профилактики, в том числе их взаимодействия⁴. Особенность прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних заключается в том, что Закон о прокуратуре не наделяет прокурора полномочиями по профилактике правонарушений и преступлений. В то же время Федеральный закон от 23 июня 2018 г. № 182-ФЗ (ред. от 1 апреля 2025 г.) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» официально ввел в деятельность органов прокуратуры новую функцию – профилактика правонарушений, определив полномочия прокурора, формы профилактического воздействия, которые должны проводиться в пределах компетенции, установленной Законом о прокуратуре и другими федеральными законами⁵. Полагаем, что надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов об образовании, профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, являясь одной из форм профилактики правонарушений, осуществляется в первую очередь при рассмотрении обращений, иных сведений о нарушении прав несовершеннолетних на образование, при этом прокурор не должен подменять иные государственные органы и вмешиваться в деятельность органов образования. Проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в прокуратуру информации о нарушениях законов, требующих принятия мер прокурором в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения проверки.

Поводами для проведения проверки могут быть не только обращения граждан, но и сообщения СМИ, общественных организаций, анализ статистических данных о структуре, динамике и состоянии преступности, безнадзорности и правонарушениях несовершеннолетних, данные общей уголовной статистики суда, результаты изучения конкретных уголовных дел (при утверждении обвинительного заключения (акта),

¹ См., например: постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие образования“». Программа направлена в том числе на повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан РФ.

² Бобина Р. В. Надзор за исполнением законодательства комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав // Законность. 2021. № 10. С. 21–25.

³ Подробнее см.: Декларация прав ребенка, принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1959 г. Декларацией закреплено, что наилучшее обеспечение интересов ребенка должно быть руководящим принципом для тех, на ком лежит ответственность за его образование и обучение, прежде всего для его родителей (принцип 7). В российском законодательстве закреплена ответственность родителей, иных законных представителей за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 156 УК РФ, ст. 5.35 КоАП РФ).

⁴ Приказ Генерального прокурора РФ от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов».

⁵ Воеводина Т. Г. Взаимодействие науки о прокурорской деятельности и других юридических наук в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 47–52.

поддержании государственного обвинения в суде), материалы гражданских дел (о лишении либо ограничении в родительских правах, об усыновлении либо отмене усыновления, определении места жительства несовершеннолетнего и др.), иные сведения о личности несовершеннолетних правонарушителей, обстоятельствах, причинах и условиях, способствующих совершению преступления несовершеннолетним или в отношении него. Считаем, что эти сведения могут как в целом свидетельствовать о результативности воспитательной работы в отношении обучающихся со стороны органов образования, так и позволять выявить отдельно взятую образовательную организацию, учащиеся которой чаще всего совершают правонарушения или уголовно наказуемые деяния. Именно в этих образовательных организациях необходимо планировать и проводить проверки исполнения законодательства об образовании, профилактике безнадзорности и правонарушений среди обучающихся.

Полагаем, что к началу проверки прокурор должен располагать такой информацией, которая была бы конкретизирована применительно к определенному поднадзорному объекту (поднадзорным объектам). К примеру, анализ данных о контингенте правонарушителей (условиях жизни, воспитания), о семьях (многодетная, малоимущая, неполная, социально неблагополучная и т. п.), учебе, несовершеннолетних, не приступивших к занятиям или оставивших обучение, состоящих на учетах в ПДН, КДНиЗП и др., позволит прокурору определить цель проверки, составить ее план. Необходимо установить, насколько сама образовательная организация осведомлена о данных, характеризующих исполнение законодательства об образовании, профилактике безнадзорности и правонарушений в отношении обучающихся, о непосещении образовательных организаций детьми школьного возраста, которые должны обучаться в первых и других классах, принятых мерах по отношению к несовершеннолетним, исключенным или добровольно оставившим учебу, их поступлении в другую образовательную организацию, выборе иной формы обучения либо трудоустройстве.

Следовательно, в целом результативность прокурорского надзора, особенно в данном направлении, зависит от имеющейся в прокуратуре своевременной и полной информации, от того, насколько прокурор способен правильно выбрать сведения, которые свидетельствуют о неблагополучии и неисполнении законодательных требований об образовании, профилактике безнадзорности и правонарушений среди обучающихся. Если имеются сведения о разнообразных нарушениях (значительное число детей, не посещающих образовательную организацию, скрытый отсев учащихся с «советами» о переводе в другую образовательную организацию, нарушение норм об общедоступности и бесплатности образования¹, взимание денежных средств на ремонт помещений, приобретение мебели, учебной литературы, пересдача ОГЭ, ЕГЭ за плату, применение насилия в отношении учащихся как преподавателями, так и учащимися, несоответствие уставов образовательных организаций федеральному законодательству, несоблюдение информационной безопасности обучающихся, неисполнение образовательными организациями санитарно-эпидемиологического, противопожарного законодательства и т. п.), к участию в проверке целесообразно привлечь специалистов органов, осуществляющих управление в сфере образования, КДНиЗП, ПДН, Госпотребнадзора, Роспотребнадзора, Роскомнадзора и др. Перед началом проверки необходимо ознакомить специалистов в пределах их компетенции с целями, задачами и вопросами проверки, с информацией о состоянии безнадзорности, преступности, иных правонарушений обучающихся, что, по нашему мнению, будет способствовать эффективности проверки.

Первоначально следует истребовать и проанализировать данные о посещении общеобразовательных организаций детьми школьного возраста от 7 до 15–16 лет. Специального внимания заслуживают сведения о выбывших из образовательных организа-

¹ Статья 43 Конституции РФ гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.) провозглашает право ребенка на образование, с целью постепенного достижения осуществления этого права на основе равных возможностей государства-члены вводят бесплатное и обязательное начальное образование.

ций несовершеннолетних, о причинах и принятых мерах по дальнейшему их обучению или устройству на работу. Образовательные организации совместно с КДНиЗП должны не только выявлять таких несовершеннолетних, но и оказывать содействие в их обучении или трудоустройстве, устранять обстоятельства, способствующие безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних¹. Соблюдение указанных требований проверяется путем сверки данных, полученных из образовательных организаций (об обучающихся и отчисленных), КДНиЗП (о рассмотренных материалах об отчислении несовершеннолетних из образовательных организаций, о привлечении родителей (законных представителей) по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ), ПДН (о состоящих на учете обучающихся с девиантным поведением, отчисленных, не получивших общего основного образования и об их родителях). Важно устанавливать, насколько своевременно образовательные организации направляют материалы в КДНиЗП об отчисленных несовершеннолетних, поскольку после оставления школы, вышедшие из-под контроля и воспитательного влияния образовательной организации, они зачастую совершают противоправные и иные антиобщественные и уголовно наказуемые деяния.

С учетом того, что в основном родители работают, следовательно, не могут обеспечить должный надзор за детьми, в образовательных организациях создаются группы продленного дня, в связи с этим прокурор особое внимание обязан уделять вопросам организации образовательными организациями учета всех семей, нуждающихся в определении детей в такие группы, и того, насколько эта потребность удовлетворяется.

Общие требования к организации воспитания обучающихся закреплены в ст. 12.1 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ: в образовательную программу включаются рабочая программа воспитания и календарный план воспитательной работы, которые разрабатываются и утверждаются образовательными организациями самостоятельно. Таким образом, каждая образовательная организация должна быть центром воспитательной работы с обучающимися. Надзор прокурора за исполнением требований закона о воспитательной работе, по нашему мнению, должен заключаться в том, чтобы проверить, насколько результативно эта работа проводится. Об ее эффективности свидетельствуют статистические данные о состоянии безнадзорности, преступности и иных правонарушений среди обучающихся (какие именно нарушения совершаются учащимися, а также учащимися каких образовательных организаций). Эти сведения можно получить из общей статистики МВД о преступности, статданных ПДН, КДНиЗП. На основе их анализа возможно сделать вывод о состоянии воспитательной работы в той или иной образовательной организации. Немаловажные сведения прокурор получит при изучении материалов доследственных проверок об отказе в возбуждении уголовного дела, уголовных дел, при поддержании государственного обвинения по преступлениям, совершенным несовершеннолетними или в отношении них². Так, прокурор может выявить факты сокрытия образовательной организацией случаев совершения учащимися краж, буллинга, хулиганских поступков и иных противоправных деяний на территории образовательной организации. Скрывая такие случаи, образовательная организация, несомненно, оказывает отрицательное воспитательное воздействие на правонарушителя, на принятие в отношении него соответствующих мер реагирования, поскольку через какой-то промежуток времени этот несовершеннолетний может совершить уже более опасное правонарушение или уголовно наказуемое деяние. Более того, в процессе рассмотрения уголовных дел судами могут вскрываться факты того, что семья учащегося неблагополучная и такая обстановка сложилась задолго до совершения несовершеннолетним преступления. Обобщенные данные прокурор обязан использовать при проведении проверки соблюдения законодательства об образовании, профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Относительно организации внеклассной работы, вовлечения обучающихся в систему дополнительного образования, организации их досуга, обеспечения доступ-

¹ Подробнее см.: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ст. 11); постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав».

² Бобина Р. В. Особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних // Законность. 2020. № 6. С. 23–27.

ности отдыха и оздоровления, направления несовершеннолетних с деструктивным поведением, проявляющимся под воздействием информации негативного характера, распространяемой в том числе в сети Интернет, в общедоступные спортивные секции, технические и иные кружки считаем правильным сопоставить сведения образовательных организаций о количестве обучающихся, вовлеченных во внешкольные мероприятия, с данными ПДН, КДНиЗП с целью установления, вовлечены ли именно эти несовершеннолетние, состоящие на учетах в ПДН, КДНиЗП, в досуговые мероприятия. Такой анализ даст возможность сделать вывод, как образовательные организации осуществляют задачу по предупреждению безнадзорности и правонарушений среди обучающихся.

В сфере информационной безопасности несовершеннолетних в образовательных организациях важно проверять, насколько эффективно соблюдаются требования законодательства¹, реализуются ли программы и методики, направленные на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних, в том числе на профилактику интернет-зависимости, вовлечения обучающихся в противоправную и аутодеструктивную деятельность с использованием сети Интернет, на защиту от противоправного контента; налажено ли взаимодействие с правоохранительными органами по обмену информацией о несовершеннолетних, состоящих в интернет-сообществах деструктивной направленности; владеют ли педагоги необходимыми профессиональными навыками по выявлению учащихся, склонных к суициду или вовлеченных в интернет-группы с деструктивным контентом; оказывается ли социально-психологическая помощь несовершеннолетним, склонным к интернет-зависимости (проверить укомплектованность образовательных организаций педагогами-психологами); как организована образовательными организациями защита обучающихся от противоправного контента с помощью административных и организационных мер, технических и программно-аппаратных средств защиты детей от вредной информации, установлено ли на учебных компьютерах программное обеспечение, блокирующее доступ к негативной информации, компьютерным играм с возрастными ограничениями, в которых содержатся сцены насилия и убийства; имеется ли в открытом доступе подключение Wi-Fi в местах общего пользования (библиотеки, коридоры, холлы и др.), позволяющее свободно посещать сайты, содержащие негативную информацию, способную нанести вред здоровью, жизни, нравственному и духовному развитию несовершеннолетнего.

Важно проверить, имеется ли в образовательной организации актуализированный федеральный список экстремистских материалов, разработаны ли локальные акты об информационной безопасности учащихся; соответствуют ли они требованиям закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию; ведутся ли на образовательных порталах разделы «Информационная безопасность» согласно требованиям региональных программ (локальных актов); размещены ли на сайтах информационно-справочные материалы по правовому просвещению учащихся и их родителей о защите детей от негативной информации, а также ссылки на форму для приема обращений о наличии на страницах сайтов в Интернете запрещенной информации.

Учитывая, что в настоящее время увеличивается число подростков, вовлекаемых в террористическую и экстремистскую деятельность, считаем, что существенным направлением прокурорского надзора выступают проверки исполнения образовательными организациями деятельности по противодействию распространению среди обучающихся террористических и экстремистских проявлений. В связи с этим прокурору необходимо проверять, какую работу в данном направлении проводят образовательные организации². По мнению С. В. Расторопова и др., необходимо «...вплетать

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

² Подробнее см.: Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму, терроризму и их финансированию: учеб. пособие / О. Н. Коршунова [и др.]; под ред. О. Н. Коршуновой. СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2023; приказы Генерального прокурора РФ от 21 марта 2018 г. № 156 (ред. от 24 марта 2023 г.) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности», от 17 мая 2018 г. № 295 (ред. от 24 марта 2023 г.) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму».

соответствующие воспитательные, профилактические и просветительские мероприятия [по противодействию экстремизму] в образовательный процесс и во внеучебную жизнь образовательных организаций. При этом профилактика должна осуществляться не избирательно, а, так сказать, поголовно. Избирательными могут быть только методы и средства, в зависимости от особенностей объекта воздействия (трудные подростки, подростки из неблагополучных семей, лица с девиантными отклонениями поведения...)»¹. Немаловажными являются проверки в части антитеррористической защищенности самих образовательных организаций, прокурору надлежит реагировать на выявленные нарушения путем направления в суд заявлений по понуждению к принятию мер по обеспечению антитеррористической защищенности.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ закрепил, что обучающиеся по образовательным программам начального общего образования в государственных и муниципальных образовательных организациях обеспечиваются учредителями этих организаций не менее одного раза в день бесплатным горячим питанием, предусматривающим наличие горячего блюда, за счет средств федерального бюджета, регионального и местного бюджетов, иных источников финансирования, предусмотренных законодательством РФ. Проверяя эти требования, прокурор выясняет, все ли дети обеспечиваются бесплатным питанием, имеются ли факты недоиспользования или использования не по целевому назначению выделенных финансовых средств.

Не должны оставаться без внимания прокурора случаи применения антипедагогических мер воспитания учащихся, психического, физического насилия со стороны преподавателей. Сведения об этом можно получить из обращений родителей (законных представителей), сообщений СМИ, материалов доследственных проверок, уголовных, гражданских, административных дел. Полагаем, что прокурор по каждому подобному факту должен проверить, какие меры приняты органом образования к каждому преподавателю, их своевременность и адекватность.

Подводя итог, следует согласиться с мнением авторского коллектива, изложенному в пособии Генеральной прокуратуры РФ и Университета Генеральной прокуратуры РФ², о том, что наличие значительного числа органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних еще не гарантирует укрепление защитных и превентивных механизмов в сфере детства. По нашему мнению, правильное сочетание воспитательно-профилактических мероприятий образовательных организаций в отношении обучающихся и их родителей, административно- и уголовно-правовых мер, направленных на противодействие безнадзорности и правонарушениям несовершеннолетних, своевременное вскрытие и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям и иным антиобщественным действиям несовершеннолетних, вовлечение общественности в профилактическую работу, совершенствование деятельности государственных органов, ведущих борьбу с преступностью, являются залогом успеха. Полагаем, что инициативный прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних – одно из важнейших средств предупреждения и искоренения безнадзорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних. Деятельность прокуратуры должна проводиться на основе ежедневного контактирования и взаимодействия с уполномоченными органами и учреждениями системы профилактики, иными государственными органами и общественными организациями. Также считаем, что специализация прокурорских работников по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних повысит качество такого надзора.

Список литературы

Бобина Р. В. Надзор за исполнением законодательства комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав // Законность. 2021. № 10. С. 21–25.

Бобина Р. В. Особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних // Законность. 2020. № 6. С. 23–27.

¹ Расторопов С. В., Агапов П. В., Закомолдин Р. В. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов о предупреждении экстремистской деятельности несовершеннолетних // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 2. С. 74–80.

² Прокурорский надзор за исполнением законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: пособие.

Воеводина Т. Г. Взаимодействие науки о прокурорской деятельности и других юридических наук в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 47–52.

Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму, терроризму и их финансированию: учеб. пособие / О. Н. Коршунова [и др.]; под ред. О. Н. Коршуновой. СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2023. 216 с.

Прокурорский надзор за исполнением законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: пособие / рук. авт. коллектива Д. И. Ережипалиев и др.; Ген. прокуратура РФ; Ун-т прокуратуры РФ. М., 2021. 168 с.

Расторопов С. В., Агапов П. В., Закомолдин Р. В. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов о предупреждении экстремистской деятельности несовершеннолетних // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 2. С. 74–80.

References

Bobina R. V. (2020) Osobennosti podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya po ugovolnym delam o prestupleniyakh nesovershennoletnikh [Peculiarities of maintaining state prosecution in criminal cases involving crimes committed by minors]. In *Zakonnost'*, no. 6, pp. 23–27.

Bobina R. V. (2021) Nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva komissiyami po delam nesovershennoletnikh i zashchite ikh prav [Supervision of compliance with legislation by commissions on minors and the protection of their rights]. In *Zakonnost'*, no. 10, pp. 21–25.

Korshunova O. N., et al. (2023) *Deyatel'nost' prokuratury po protivodeistviyu ekstremizmu, terrorizmu i ikh finansirovaniyu: uchebnoe posobie* [The activities of the prosecutor's office to counter extremism, terrorism and their financing: textbook]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut (filial) Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 216 p.

Rastoropov S. V., Agapov P. V., Zakomoldin R. V. (2024) Osobennosti prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o preduprezhdenii ekstremistskoi deyatel'nosti nesovershennoletnikh [Features of prosecutorial supervision over the implementation of laws on the prevention of extremist activities of minors]. In *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, no. 2, pp. 74–80.

Voyevodina T. G. (2019) Vzaimodeistvie nauki o prokurorskoi deyatel'nosti i drugikh yuridicheskikh nauk v sfere profilaktiki pravonarushenii nesovershennoletnikh [Interaction of the science of prosecutorial activity and other legal sciences in the field of prevention of juvenile delinquency]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA)*, no. 8, pp. 47–52.

Yerezhipaliyev D. I., et al. (2021) *Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov o profilaktike beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh: posobie* [Prosecutor's supervision of the implementation of laws on the prevention of child neglect and juvenile delinquency: tutorial]. Moscow, 168 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.12.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2026_1_31

МИНИМИЗАЦИЯ КАК ОБЩЕПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Метельков Александр Николаевич

Доцент кафедры прикладной математики и безопасности информационных технологий Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-6113-8981, e-mail: metelkov5178@mail.ru.

Статья посвящена необходимости выработки общепринятого определения понятия «минимизация» в теории права. Целью статьи является рассмотрение минимизации как общеправовой категории. Термин «минимизация» широко используется в отраслевом законодательстве применительно к различным отраслям права (трудовому, информационному, налоговому, уголовному, экологическому и др.). Указанная категория постепенно проникает и закрепляется в доктринальных источниках права. При этом данный термин в юридической науке формально не определен, не даны его легальное толкование и интерпретация. Содержание воспринимается правотворцами, правоприменителями и учеными-исследователями в большей степени подсознательно. В работе показано, что в цифровую эпоху, в обстановке возрастания юридических и социальных рисков, рисков в техносферной безопасности понятие минимизации наполняется более глубоким смыслом. Стремительное увеличение правовых массивов нуждается в минимизации энтропии – меры неопределенности или хаоса в системе права. Объем правовых массивов нарастает, они становятся рыхлыми, утрачивают системность и целенаправленность. В современном обществе риска минимизация проникает во многие отрасли права. С использованием методов анализа, синтеза и функционально-информационного подхода разработаны авторские определения понятий «минимизация рисков в праве» и «минимизация в праве». Особенности минимизации раскрываются в сравнении с категориями «умаление» и «ограничение».

Ключевые слова: минимизация рисков, умаление, ограничение, правовые риски, последствия

Для цитирования: Метельков А. Н. Минимизация как общеправовая категория // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 31–43. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_31.

MINIMIZATION AS A GENERAL LEGAL CATEGORY

Metelkov Alexander

Associate professor, Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-6113-8981, e-mail: metelkov5178@mail.ru.

The article is devoted to the need to develop a generally accepted definition of the concept of «minimization» in the theory of law. The purpose of the article is to consider minimization as a general legal category. The term «minimization» is widely used in sectoral legislation in relation to various sectoral legal institutions (labour, information, tax, criminal, environmental, etc.). This category is gradually penetrating and becoming entrenched in doctrinal sources of law. At the same time this term is not formally defined in legal science and its legal interpretation and explication are not given. The content of the term is perceived more subconsciously by law makers, law enforcement officers and research scientists. The paper shows that in an environment of increasing legal and social risks, risks in the technosphere of security, the concept of minimization in the digital age is filled with deeper content. The rapid increase in legal arrays in the legal system requires minimizing entropy, a measure of uncertainty or chaos in the legal system. Volume of legal arrays are increasing, they becoming loose,

losing their consistency and purposefulness. In today's risk society minimization, the legal content of which is poorly developed, penetrates into many branches of law. The author's definitions of the concepts of «risk minimization in law» and «minimization in law» have been developed using methods of analysis, synthesis and a functional information approach. The features of minimization are revealed in comparison with the categories of «diminution» and «limitation».

Key words: risk minimization, diminution, limitation, legal risks, consequences

*For citation: Metelkov A. (2026) Minimization as a general legal category. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 31–43, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_31.*

Идея минимизации в праве универсальна, ее проявления можно встретить во множестве правовых явлений, процессов, актов. Для общеправового исследования понятие «минимизация» нужно не только доктринально обосновать и интерпретировать, но и, что наиболее важно, осмыслить категорию в интересах правоприменения. Минимизацию можно рассматривать как процесс сведения чего-либо к минимально возможному уровню, количеству или степени либо процесс формирования впечатления, что что-либо менее важно или меньше, чем оно есть на самом деле.

Минимизация связана с публичными и частными интересами. Интересы человека – ориентир в повышении эффективности механизма правового регулирования, который с использованием дозволения, обязывания, запрещения и других способов регулирования способствует удовлетворению социальных интересов, формированию безопасной общественной среды, минимизации рисков. В противном случае «отрицательное отношение общественной среды может довести до минимума ценности жизни»¹.

Понятие «минимизация» претендует на статус общеправовой категории. Ценность общеправовых понятий состоит в том, что «они позволяют охватить множество жизненных реалий, имеют обобщающее значение»². Трудно выделить какую-либо отрасль права, в правовом регулировании которой законодателем не использовался бы термин «минимизация». Минимизация в основном направлена на снижение риска и возможных негативных последствий, но она может отражать благоприятствующее интересам субъектов права конструктивное действие (например, минимизация налогообложения). В российском законодательстве используются следующие словосочетания: «минимизация последствий терроризма», «минимизация последствий коррупционных правонарушений», «минимизация потенциальной выгоды», «минимизация повреждения здоровья», «минимизация отступлений от общего регулирования» и др. Так, минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма в Федеральном законе «О противодействии терроризму» выделены в качестве одного из основных принципов и направлений противодействия терроризму. Минимизация последствий теракта названа одной из целей введения правового режима контртеррористической операции. В антитеррористическом законодательстве понятие «минимизация» используется в сочетании со словами «возможные последствия», «последствия терроризма» или «последствия террористического акта». В этих комбинациях слов минимизация связывается с устранением или ослаблением влияния негативных факторов, способствующих реализации террористических преступлений.

Минимизация в первую очередь качественно, а также в определенной мере и количественно (например, в случае установления минимального размера оплаты труда) характеризует конкретные пределы ограничения прав и свобод в теории и практике. В юридической литературе категорию «минимизация» рассматривают как процесс, как деятельность, как реализацию мер, как принцип и норму, направленные на уменьшение какого-либо фактора, процесса, результата, последствий деятельности. Минимизацию обсуждают в качестве деятельности «по уменьшению, сведению к ми-

¹ Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 462.

² Юридическая техника: учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М.: Эксмо, 2010. С. 93.

нимуму, наименьшему из возможных объемов и тяжести вреда...»¹. Минимизация в праве нами понимается как способ, процесс (процедура), правовой принцип², составляющий элемент конкретной юридической нормы, направление юридической деятельности и ее результат.

Минимизация в праве нами определяется как воздействие правовых норм на общественные отношения и поведение субъектов права путем смягчения или снижения до допустимого (приемлемого) уровня возможного вреда от нежелательных юридических и связанных с ними иных социальных последствий. Минимизацию рисков в праве можно представить как процесс воздействия на элементы системы права при помощи специальных юридических средств и методов для снижения вероятности возникновения неблагоприятных последствий в регулировании выделенных общественных отношений.

Риски в праве, как нам представляется, могут принимать форму когнитивного искажения юридического мышления (ошибки в установлении причинно-следственной связи, подмена понятия (тезиса, аргумента), ложное или поспешное обобщение, вывод без достаточного основания)³, что способно привести к снижению эффективности правового регулирования, помочь субъекту права избежать признания негативного явления и необходимости борьбы с ним, в том числе в правовой сфере, уменьшая важность и влияние событий, которые вызывают эти явления. Н. В. Кичигин при анализе эколого-правовых рисков делает акцент на рисках, возникающих при разработке проектов нормативных правовых актов в области охраны окружающей среды и природопользования. Ученым выделены такие средства их минимизации и предупреждения, как правовые экспертизы проектов нормативных правовых актов, антикоррупционная экспертиза, процедура оценки регулирующего воздействия, общественные обсуждения законопроектов⁴. Е. А. Корольков, пытаясь провести философско-методологический анализ минимизации издержек, обозначает минимизацию как сокращение и снижение⁵.

Термин «минимизация» в доктрине права проработан явно поверхностно, дефиниция в теории права и в российском законодательстве не разработана. Например, минимизация социальных последствий насильственной преступности определяется как «деятельность федеральных, региональных и местных органов государственной власти и управления, институтов гражданского общества»⁶. Мы не разделяем мнение об отнесении местных органов в этом утверждении к субъектам государственной власти. В определении отмечено, что такая деятельность осуществляется в целях «сокращения масштабов и уменьшения»⁷ тяжести вреда, причиняемого преступностью. Анализ практики применения права показывает сведение деятельности по минимизации последствий коррупционных правонарушений «к мерам, связанным с возмещением материального ущерба, причиненного актами коррупции, к взысканию сумм»⁸. Минимизация представляется и как принятие «действий для смягчения, уменьшения до допустимого остаточного уровня возможного ущерба»⁹ от различных негативных последствий.

¹ *Афанасьева О. Р.* Минимизация социальных последствий насильственной преступности: теоретические и прикладные проблемы // Научный портал МВД России. 2018. № 4. С. 7–8.

² См.: *Метельков А. Н.* Общеправовой характер принципа минимизации // Образование и право. 2024. № 4. С. 198–204; *Его же.* О категории минимизации в праве // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: материалы XXI междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД РФ, 2024. С. 193–196.

³ *Лебедев Д. В.* Преодоление когнитивных искажений юридического мышления средствами формальной логики // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 136.

⁴ *Кичигин Н. В.* Минимизация и предупреждение эколого-правовых рисков // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 153.

⁵ *Корольков Е. А.* Минимизация издержек: философско-методологический анализ // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 4. Ч. 2. С. 357.

⁶ *Афанасьева О. Р.* Указ. соч. С. 11.

⁷ Там же.

⁸ *Михайлов А. Е.* Сущность минимизации и ликвидации последствий правонарушений // Юридические науки. 2018. № 4. С. 44.

⁹ *Метельков А. Н.* Ядерный терроризм: минимизация последствий: моногр. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т ГПС МЧС России, 2022. С. 159.

В английском языке минимизация (англ. *minimization*) означает действие по сокращению чего-либо до минимально возможного уровня или величины, а также действие по приданию чему-либо меньшего значения, чем оно есть на самом деле. Синонимы позволяют глубже раскрыть смысл многозначного слова. Синонимами к минимизации в переводе на русский язык выступают «уменьшение», «сокращение», «снижение», а также «упадок», «ослабление», «замедление», «эрозия», «исчезновение», «спад», «намеренное недооценивание», «принижение», «смягчение». Синонимы к слову «минимизировать» – «сократить или свести к минимуму»; «намеренно недооценивать»; «принижать, смягчать»¹. В британском английском смысл слова «минимизировать» раскрывается в двух значениях: сводить к наименьшей возможной степени или величине (минимизировать риск); оценивать или относиться ниже истинной ценности, принижать (минимизировать чьи-либо достижения)².

Термин «минимизация» тесно связан с институтом риска, который относят к общей теории права. В условиях усложнения общественных отношений, активного развития и совершенствования законодательства и других составляющих нормативной правовой системы³ значительно усиливаются разнообразные риски, включая правовые. При анализе безопасности правовой системы общества «минимизация юридических факторов риска»⁴ рассматривается учеными как смысл юридической безопасности. При обосновании и формулировании целей социального управления элемент стихийности «должен быть сведен до минимума»⁵. Потребность в поддержании системности права, правового регулирования и, соответственно, «системности возникающих на их основе общественных отношений»⁶ связана с минимизацией энтропии права, т. е. меры неопределенности в праве. Правовой риск, ключом для понимания которого являются философские категории неопределенности и определенности⁷, присущ многим сферам правового регулирования, определяющим его специфику и особенности⁸.

Право и любая его отрасль должны реагировать на риски, сопровождающие их в разных сферах. И. П. Кожокарь вполне обоснованно считает, что разумное реагирование на дефекты в нормативно-правовой системе «в целях минимизации или устранения их последствий выступает одной из первоочередных теоретических задач в правоведении»⁹.

В правовой науке и российском законодательстве термин «минимизация» используется в сочетании со словами «риски» (конституционные, правотворческие, правовые, конституционных прав и свобод, нарушений прав, коррупционные, эколого-правовые, правозащитные, информационно-правовые, утраты права собственности), «юридические последствия», «вред», «ущерб», «угрозы», «тайны», «ответственность» и т. п. Ю. А. Тихомиров считает, что в правовом пространстве риск «отражает разнообразность правового регулирования и возможные отклонения от правовых моделей и актов»¹⁰, поэтому «анализ и предотвращение рисков должны быть важной задачей теории права»¹¹.

Под минимизацией рисков исследователи понимают «систему мероприятий, способных перевести риски в область приемлемых»¹², «уменьшение вероятности ущем-

¹ MINIMIZE. Definition & Meaning // Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/minimize> (дата обращения: 27.08.2025).

² MINIMIZATION. Definition and meaning // Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/minimization> (дата обращения: 27.08.2025).

³ Юридическая техника: учеб. пособие. С. 5.

⁴ Теория государства и права: учеб. / под ред. А. В. Малько, А. Ю. Саломатина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. С. 338.

⁵ Юридическая техника: учеб. пособие. С. 8.

⁶ Исаков В. Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 13.

⁷ Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: моногр. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2014. С. 79.

⁸ Там же. С. 78.

⁹ Кожокарь И. П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 5.

¹⁰ Тихомиров Ю. А. Риски в правовом пространстве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 35.

¹¹ Там же.

¹² Гривков О. Д., Шичанин А. В. Некоторые аспекты минимизации правовых рисков при осуществлении инвестиционной деятельности // Право и экономика. 2007. № 6. С. 17.

ления нематериальных интересов субъекта права»¹, «принятие комплекса различных мер, направленных, с одной стороны, на устранение и (или) снижение до экономически приемлемого уровня воздействия неблагоприятных обстоятельств, препятствующих удовлетворению имущественного интереса, а с другой стороны, на использование благоприятных обстоятельств (возможностей) для... удовлетворения интереса»². Наиболее емко актуальность минимизации в праве раскрыл Г. В. Мальцев, который утверждал, что при потере законодателем контроля над правотворческими процессами и способности «управлять ими, он скорее всего получит переизбыток юридических норм со всеми вытекающими отсюда последствиями»³.

Риски в праве основательно исследованы в трудах Ю. А. Тихомирова⁴. В зависимости от стадии механизма правового регулирования общественных отношений в этом случае возможно выделить минимизацию в процессе правотворчества и право-реализации. Ученый считает, что постоянно увеличивающиеся масштабы правотворческой и правоприменительной деятельности сопровождаются отклонением от обозначенных целей, ошибками, изменениями и поправками, вносимыми в правовые акты. Риск, включая правовой, является одним из основных источников таких «процессов, событий и фактов»⁵.

По словам Г. В. Мальцева, избыток формально действующих норм приводит к снижению эффективности их действия, нормативной инфляции⁶ и, следовательно, к правовым рискам и необходимости минимизации и оптимизации правового регулирования. Е. А. Лукашова в результате анализа развития государства и права в постсоветский период приходит к выводу, что «минимизация роли государства привела к тому, что общественные процессы стали развиваться хаотично, утратили целенаправленность, а это с неизбежностью повлекло за собой цепную реакцию государственного и правового нигилизма»⁷.

Минимизация нередко сопряжена с риском, а риск – с правом. Минимизация риска в праве – это уменьшение, сокращение, понижение в определенных исторических условиях развития права до допустимого приемлемого уровня отклонений от предполагаемых расхождений с нормативной моделью, отступлений от принципов права, от существующей правовой системы.

В обстановке принятия правовых решений на основании результатов использования алгоритмов и протоколов объективно существует потребность в правовой минимизации рисков. Право применительно к риску выполняет такие функции, как его легальное признание и допущение, «установление средств... минимизации риска»⁸.

Для идентификации и минимизации рисков используются различные юридические средства признания «его опасности и вредных последствий, установления субъектов, призванных предотвращать риски, процедуры выявления, предупреждения и устранения рисков»⁹. В отраслях права существуют своеобразные взаимосвязанные правовые риски, юридические пределы которых динамичны.

Ю. А. Тихомиров справедливо отмечает, что «право как универсальный публичный механизм регулирования обязано реагировать на риск... По сути дела, все отрасли права „реагируют“ на риски... причем надо видеть и взаимосвязи рисков в разных отраслях права»¹⁰. Право легализует и минимизирует риски, устанавливает компен-

¹ Лубин А. Ф., Кондратьева Е. Е., Нурутдинов О. А. Общие положения рискологии – теории риска в деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений // Российский следователь. 2007. № 3. С. 4.

² Цит. по: Власова А. С. Гражданско-правовые средства регулирования риска предпринимательской деятельности // Нотариус. 2007. № 5. С. 28.

³ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 744.

⁴ Тихомиров Ю. А. Риск в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 9–19; Его же. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16; Его же. Риск в фокусе правового регулирования // Право и современные государства. 2017. № 6. С. 9–23.

⁵ Тихомиров Ю. А. Риски в правовом пространстве. С. 28.

⁶ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 744.

⁷ Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 300.

⁸ Тихомиров Ю. А. Правовые риски // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 88. См. также: Тихомиров Ю. А. Риски в правовом пространстве.

⁹ Тихомиров Ю. А. Риски в правовом пространстве. С. 31.

¹⁰ Там же.

саторные механизмы, фиксирует средства их предупреждения, определяет и регламентирует меры юридической ответственности¹. Например, правовой принцип минимизации повреждения здоровья работников означает обязанность работодателя предусмотреть меры, обеспечивающие готовность к снижению (минимизации) последствий реализации профессиональных рисков. В случае угрозы радиационной аварии должны минимизироваться риски радиационного заражения.

В нормах законодательства определение понятия «минимизация» не закреплено. В то же время для правовой характеристики явлений это понятие приобретает все большую значимость. Ранее в юридической литературе, отечественной и мировой юридической практике минимизация последствий преступного деяния упоминалась очень редко². Развитие и внедрение новых цифровых технологий, как нам представляется, открывает широкие возможности для введения этого понятия в научный оборот не только отраслевых юридических наук, но и теории права. В юридической литературе представлены отдельные попытки раскрытия данного термина.

Минимизация является широко распространенной концепцией, встречающейся в различных областях, включая математику (поиск минимальных значений функций), информатику (оптимизация кода), психологию (защитный механизм, сдерживающий эмоции) и конфиденциальность данных (сбор только необходимой информации). В праве категория «минимизация» рассматривается как процесс, как возможное содержание нормы права и как принцип права. Например, в информационном праве принцип минимизации данных направлен на сокращение объема собираемых, обрабатываемых или хранимых данных. Сущность принципа заключается в сведении к минимуму вероятности их неправомерного использования, несанкционированного доступа к ним или утечки конфиденциальной информации. Принцип минимизации данных проявляется в ограничении их обработки конкретной, заранее установленной и законной целью сбора данных и их релевантностью этой цели. Принцип минимизации данных, основанный на концепции «конфиденциальность по умолчанию», одобрен международными нормативными актами.

В праве и законодательстве ряда зарубежных стран континентальной и англосаксонской правовых систем термин «минимизация» применительно к информационному обществу часто связывают с данными. Минимизация данных особенно важна, когда речь заходит о правовом регулировании технологически усовершенствованного поиска информации о третьих лицах, который потенциально может охватить большое количество личной информации, выходящей за рамки первоначально запрашиваемой. Субъекты правоприменительной деятельности могут достичь этого различными способами. Например, некоторые модели беспилотных летательных аппаратов можно запрограммировать таким образом, чтобы они следовали определенной траектории полета и не направляли свои видеокамеры в любое место, куда не распространяется действие соответствующего разрешения. При поиске информации о местонахождении человека, чтобы подтвердить, находился ли этот человек вблизи места преступления, сотрудники полиции могут воздержаться от поиска информации по любым другим адресам или местоположениям.

В Общем регламенте защиты данных (GDPR) Европейского союза среди семи основополагающих принципов защиты информации выделен принцип минимизации данных (*Dataminimization*). GDPR как законодательный акт вступил в силу в Европе в 2018 г. Он изменил способы сбора и обработки личной информации компаниями во всем мире с целью защиты прав на неприкосновенность частной жизни отдельных лиц в ЕС и Европейской экономической зоне, предоставив им контроль над использованием личных данных в сети Интернет. Минимизация данных является основным правовым принципом GDPR и определяется как сбор минимального количества персональных данных, необходимых для определенной цели. Правовое содержание принципа легко для понимания: у обработчика не должно быть данных больше, чем это необходимо для целей обработки.

¹ Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере. С. 8.

² Троицкий С. В. Международно-правовые и национально-правовые основы минимизации и ликвидации последствий терроризма и иных тяжких преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2011. № 3. С. 146.

Минимизация нашла отражение в разделе 18 Кодекса (Свода законов) США § 251818 (U.S.C. § 2518(5)) «Порядок перехвата телеграфных, устных или электронных сообщений» в виде принципа права, означающего ограничения объема полицейской деятельности, основанной на оправдывающих рассматриваемое вторжение подозрениях, до уровня, который не должен превышать необходимый для получения информации или доказательств. Минимизация требует принятия мер, чтобы свести к минимуму получение информации от третьих лиц, которые сами не могут осуществить расследование должным образом. Суды в США обычно постановляют, что обыск должен быть ограничен конкретными лицами или местами, в которых искомый предмет может быть найден. Офицер полиции не должен, например, искать обрез в маленькой шкатулке для драгоценностей. В майском номере журнала «Бюллетень правоохранительных органов ФБР» (1987 г.) дано краткое определение требования к минимизации в уголовном праве применительно к электронному наблюдению. В частности, сотрудникам полиции, использующим прослушивание телефонных разговоров на основании ордера, предписано контролировать только разговоры, имеющие отношение к ордеру. При этом им следует постараться перехватить как можно меньше разговоров, не связанных с ордером. Данное требование означает, что офицеры должны свести к минимуму количество не относящейся к делу информации, которую они собирают в ходе расследования. Например, если выдан ордер на прослушивание телефонных разговоров подозреваемого в торговле ядерными материалами, сотрудники полиции должны прослушивать только разговоры, связанные с их незаконным оборотом. Они не могут прослушивать личные разговоры подозреваемого с его семьей или друзьями, не имеющие отношения к расследованию. Требование о минимизации введено для защиты прав на неприкосновенность частной жизни лиц, не участвующих в расследовании. Это гарантирует, что сотрудники правоохранительных органов не перейдут границы и не соберут информацию, не имеющую отношения к делу.

В разделе 50 Кодекса США § 1861(g) применяется термин «процедуры минимизации», который имеет несколько значений. Определенный в этом разделе термин означает конкретный порядок, который разработан в целях получения вещественных доказательств для сведения к минимуму их хранения и запрещает распространение закрытой для общественности информации, касающейся лиц, не выражающих согласия, в соответствии с потребностями США в получении, производстве и распространении информации внешней разведки. Кроме того, эти процедуры требуют, чтобы непубличная информация, которая не является информацией иностранной разведки, не распространялась таким образом, чтобы идентифицировать какое-либо лицо в США, без его согласия. При этом как исключение указываются случаи необходимости идентификации лица для понимания информации иностранной разведки или оценки ее важности. Такие правила устанавливаются несмотря на общепринятый порядок хранения и распространения в правоохранительных целях доказательственной информации о совершаемом или совершенном преступлении.

Федеральный закон США о подслушивании не дает определения минимизации и не устанавливает каких-либо конкретных стандартов, по которым можно установить, была ли минимизация проведена должным образом. Однако положение о минимизации имеет конституционную основу и представляет собой ответ Конгресса на два решения Верховного суда США 1967 г., касающихся применения четвертой поправки к электронному наблюдению. В деле «*Кац против Соединенных Штатов*» Верховный суд постановил, что электронное наблюдение ФБР за общественной телефонной кабиной без предварительного получения его агентами разрешения суда представляет собой необоснованный обыск и выемку. В деле «*Бергер против Нью-Йорка*» сотрудники полиции получили судебное разрешение на наблюдение за адвокатской конторой. Однако Верховный суд США постановил, что в законе штата отсутствуют определенные защитные процедуры. В этих решениях минимизация определяется как требование к должностным лицам полиции, осуществляющим наблюдение, прилагать разумные усилия для недопущения перехвата не относящихся к делу или невинных разговоров, их прослушивания и записи. При этом суд в своем решении признал невозможность отсеивать все не относящиеся к делу разговоры. Суд определил два типа минимизации. Внешняя минимизация фокусируется на временных факторах и ограничивает продолжительность мониторинга. Внутренняя минимизация вклю-

чает в себя ситуации, в которых время преступных коммуникаций не соответствует обычным закономерностям. В этих случаях решение по делу «Скотт против Соединенных Штатов» (1978 г.) установило, что факты и обстоятельства каждого дела должны использоваться для установления того, была ли минимизация проведена должным образом. Минимизацию в праве рассматривают и как процесс. Например, в ходе допроса следователь пытается уменьшить сопротивление подозреваемого признанию, преуменьшая серьезность преступления. В этом случае при даче правдивых показаний минимизация может означать, что подозреваемому в дальнейшем суд может смягчить уголовное наказание.

В целях повышения эффективности правового регулирования социальных отношений традиционные направления (совершенствование правотворчества и правоприменения, повышение уровня правовой культуры), по нашему мнению, можно дополнить факультативным направлением – минимизацией негативных последствий низкого качества законов, которые «опасны для участников правоотношений, угрожают их интересам»¹. В разгар «шоковых реформ» к обществу пришло понимание, что «многие законы, указы, поспешно принятые в период обновления, оказались... малоэффективными и не привели к достижению желаемых целей, а некоторые дали отрицательный результат»².

В юридической науке обсуждается вопрос о соотношении закрепленных в законодательстве терминов «ограничение», «умаление» и «отмена». В одном ряду с этими терминами можно поставить и родственное им понятие «минимизация». Синонимами минимизации являются «умаление», «уменьшение», «принижение». В словарях русского языка «умаление» (устаревшее) трактуется как действие по значению глагола «умалять» – «уменьшение», «сокращение», а также «принижение», «преуменьшение». Слово «отмена» означает признание недействительным, прекращение существования или упразднение чего-либо, т. е. действие по значению глаголов «отменить», «отменить», «ликвидировать», «уничтожить».

Минимизацию в системе права можно определить как процесс преобразования законодателем и другими субъектами права системы права с целью уменьшения количества входящих в нее элементов и (или) упрощения связей между ними, необходимых и достаточных для достижения целей правового регулирования общественных отношений в определенный исторический период развития государства. Содержанием минимизации в праве является установление социально обоснованных критериев достижения какой-либо переменной величины значения правового явления. Граница этого явления может быть подвижной, она в каждом конкретном случае устанавливает предел, после которого разрушается или становится неэффективным правовое регулирование общественных отношений. В контексте теории права минимизацию можно идентифицировать как правовое явление, отражающее воздействие юридических средств (принципов, норм) на социальные отношения и поведение субъектов права путем смягчения или уменьшения до допустимого уровня возможного вреда таким отношениям от нежелательных юридических и связанных с ними иных социальных последствий. Такой предел – ключевой признак, характеризующий понятие минимизации и отграничивающий его от понятия «умаление». Следует отметить, что в правовой литературе умаление прав и свобод человека и гражданина представляется не только как их сужение или уменьшение их материального содержания, но и как минимизация конституционных гарантий таких прав и свобод³. Таким образом, в некотором смысле умаление и минимизация пересекаются.

Для раскрытия смысла понятия «минимизация» отграничим его от схожих понятий: «ограничение», «умаление» и «отмена».

В Словаре синонимов русского языка⁴ для слова «ограничение» предлагается 63 синонима, для «умаление» – 39, а для «минимизация» – только 9. Минимизация совпа-

¹ Бурмистров С. В. Проявление правового нигилизма в правотворчестве и правоприменении // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 118.

² Матузов Н. И. Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4. С. 24.

³ Яшина М. С. Категории «отмена» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 98.

⁴ Словарь синонимов русского языка – онлайн подбор. URL: <http://sinonim.org> (дата обращения: 27.08.2025).

дает в четырех значениях из 39 (сокращение, уменьшение, понижение, редукция) со словом «умаление» и в двух значениях из 63 со словом «ограничение» (сокращение, уменьшение). В этих рядах общеупотребительные слова славянского происхождения сочетаются с редко употребляемыми старославянизмами и специально употребляемыми заимствованиями. Специфические синонимы минимизации – митигация (смягчение), минимизирование, сведение к минимуму, сжатие данных, оптимизация.

В отличие от ограничения и умаления минимизация в праве в большей мере может иметь позитивную мотивацию (минимизация риска, минимизация ущерба, минимизация затрат, минимизация вредных последствий, минимизация задержки). Смысл минимизации более емок по сравнению с умалением, отменой, ограничением. Минимизацию в ряду понятий «умаление» и «ограничение» возможно рассматривать как процесс регулятивного воздействия на нормативное содержание права, его границы и объем. Минимизация направлена не только на сокращение или сведение к минимуму количественных, объемных характеристик правового явления, но и на принижение и смягчение сущностных характеристик. При этом качественное и количественное воздействие могут существовать как раздельно, так и одновременно. Неслучайно минимизацию и умаление иногда отождествляют по количественному критерию. Например, Б. С. Эбзеев полагает, что «умаление» есть «уменьшение материального содержания основных прав, объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю, минимизация гарантий основных прав...»¹.

«Ограничения» законодателем определены как «наличие... условий, запрещений, стесняющих правообладателя при осуществлении права»², установленных легально. Некоторые права и свободы человека, гарантируемые Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколами к ней, ни при каких условиях не могут быть ограничены. Хотя практике известны объяснимые и «более чем целесообразные исключения из теоретических канонов. Например, убийство террориста, взявшего в заложники неповинных людей (лишение террориста права на жизнь), не вызывает сомнений»³.

В. В. Лазарев выделяет два смысла ограничения прав человека: исключение и «сужение объема и (или) содержания конкретных прав и свобод путем установления пространственных пределов, временных рамок, круга лиц или определенных вариантов поведения индивидов»⁴. Правовые ограничения, всесторонне исследованные в трудах А. В. Малько, определяются им как «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите»⁵, «установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»⁶. Таким образом, понятие «ограничение права» охватывает весьма широкий диапазон изменения субъективного права в определенных законодателем границах и возможности поведения субъектов права. Минимизация, в отличие от ограничения, в большей степени характеризует качественную характеристику правового регулирования.

Категория «минимизация» в праве имеет свое содержание, близкое по смыслу к отдельным значениям понятия «умаление». Категорию «умаление» рассматривают как установление законодателем «меры свободы, меньшей, чем необходимая с точки зрения основного содержания»⁷ соответствующих прав и свобод. В контексте ч. 2 ст. 55 Конституции РФ умаление законом прав и свобод, по мнению правоведов, может означать «необоснованное ограничение их объема или действия по кругу лиц,

¹ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. С. 231.

² Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утратил силу с 1 января 2020 г.).

³ Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 45.

⁴ Там же.

⁵ Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. 2-е изд. М.: Проспект, 2023. С. 240.

⁶ Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 240.

⁷ Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / А. С. Автономов [и др.]; отв. ред. В. А. Четвернин. М.: Центр конституц. исследований Моск. обществ. науч. фонда, 1997. С. 31.

во времени, сокращение гарантий или усечение механизма правовой защиты и т. п.»¹. В. В. Лапаева считает такую трактовку не вполне соответствующей лингвистическому значению слова «умаление» и правовому смыслу, заложенному законодателем в термин «умаление прав»².

Правовые категории «умаление» и «минимизация» разграничиваются. Термин «умаление» не содержит какого-либо четкого предела ограничения такого умаления, в то время как предел минимизации содержит возможный допустимый, приемлемый для субъекта права уровень ограничения (например, согласно ст. 6 Бюджетного кодекса РФ минимальная бюджетная обеспеченность – «минимально допустимая стоимость государственных или муниципальных услуг в денежном выражении»). Представления о допустимом уровне минимизации в доктрине и законодательстве могут меняться в зависимости от конкретно-исторического периода развития государственно-правовой системы и уровня ее зрелости.

Специфика умаления заключается в том, что это не регулятивный процесс по воздействию на объем субъективного права или на поведение индивида. Поэтому умаление необходимо рассматривать отдельно от ограничения, минимизации и отмены. При этом существуют точки соприкосновения и различия этих понятий.

Ограничение можно рассматривать в широком смысле как объединяющее понятия отмены, умаления и минимизации, хотя в собственном значении они различаются. Недопустимое вмешательство в право может одновременно являться отменой (уменьшение количественных характеристик) и умалением (уменьшение качественных характеристик в виде нарушения общих принципов права, потери эффективности правовой нормы)³. Умаление трактуют в качестве фактора, воздействующего не на объем права, а на его аксиологическое содержание. С позиций филологии умаление – это принижение сущностных характеристик объекта регулирования (чего-то возвышенного, уменьшение его значения, роли, ценности). Поэтому термин «умаление» применим лишь к основному содержанию конституционных прав, выражающему качественные характеристики этих прав, и означает уменьшение их критериально-регулятивной роли для текущего законодательства, девальвацию их ценности для правовой системы. Умаление содержания конституционных прав может быть следствием их неправомерного ограничения законодателем.

Минимизация в праве влияет на качественные и количественные характеристики прав, в то время как ограничение и отмена влияют на количественные характеристики, а умаление – на качественные.

В общеправовом смысле минимизацию можно определить как правовое явление, отражающее воздействие правовых средств на общественные отношения и поведение субъектов права с целью удовлетворения или согласования их интересов путем уменьшения до допустимого уровня возможного вреда таким отношениям от нежелательных юридических и связанных с ними иных социальных последствий.

Широкое использование термина «минимизация» в юридической литературе и позитивном законодательстве позволяет говорить о приобретении этой категорией общеправового характера и дальнейших перспективах ее исследования как общеправовой категории.

Список литературы

Афанасьева О. Р. Минимизация социальных последствий насильственной преступности: теоретические и прикладные проблемы // Научный портал МВД России. 2018. № 4. С. 7–13.

Болдырев Н. А. Соотношение конституционных понятий «ограничение», «умаление» и «отмена» прав и свобод человека // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6. С. 453–455.

Бурмистров С. В. Проявление правового нигилизма в правотворчестве и правоприменении // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 117–119.

Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: моногр. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2014. 157 с.

¹ См., например: Комментарий к Конституции РФ / под ред. В. Д. Карповича. М.: Юрайт-М; Новая правовая культура, 2002. С. 380.

² Лапаева В. В. Право и политика (научные очерки). М.: РАП, 2009. 272 с.

³ Болдырев Н. А. Соотношение конституционных понятий «ограничение», «умаление» и «отмена» прав и свобод человека // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6. С. 455.

Власова А. С. Гражданско-правовые средства регулирования риска предпринимательской деятельности // Нотариус. 2007. № 5. С. 28–32.

Гривков О. Д., Шичанин А. В. Некоторые аспекты минимизации правовых рисков при осуществлении инвестиционной деятельности // Право и экономика. 2007. № 6. С. 16–20.

Исаков В. Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 5–19.

Кичигин Н. В. Минимизация и предупреждение эколого-правовых рисков // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 144–154.

Кожокаръ И. П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 414 с.

Комментарий к Конституции РФ / под ред. В. Д. Карповича. М.: Юрайт-М; Новая правовая культура, 2002. 956 с.

Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / А. С. Автономов [и др.]; отв. ред. В. А. Четвернин. М.: Центр конституц. исследований Моск. обществ. науч. фонда, 1997. 702 с.

Корольков Е. А. Минимизация издержек: философско-методологический анализ // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 4. Ч. 2. С. 351–368.

Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 35–47.

Лапаева В. В. Право и политика (научные очерки). М.: РАП, 2009. 272 с.

Лебедев Д. В. Преодоление когнитивных искажений юридического мышления средствами формальной логики // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 136–141.

Лубин А. Ф., Кондратьева Е. Е., Нурутдинов О. А. Общие положения рискологии – теории риска в деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений // Российский следователь. 2007. № 3. С. 4–6.

Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М., 2013. 384 с.

Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.

Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 800 с.

Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. 656 с.

Матузов Н. И. Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4. С. 19–27.

Метельков А. Н. О категории минимизация в праве // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: материалы XXI междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД РФ, 2024. Ч. 2. С. 193–196.

Метельков А. Н. Общеправовой характер принципа минимизации // Образование и право. 2024. № 4. С. 198–204.

Метельков А. Н. Ядерный терроризм: минимизация последствий: моногр. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т ГПС МЧС России, 2022. 275 с.

Михайлов А. Е. Сущность минимизации и ликвидации последствий правонарушений // Юридические науки. 2018. № 4. С. 42–45.

Теория государства и права: учеб. / под ред. А. В. Малько, А. Ю. Саломатина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 420 с.

Тихомиров Ю. А. Правовые риски // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 87–95.

Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16.

Тихомиров Ю. А. Риск в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 9–19.

Тихомиров Ю. А. Риск в фокусе правового регулирования // Право и современные государства. 2017. № 6. С. 9–23.

Тихомиров Ю. А. Риски в правовом пространстве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 28–35.

Троицкий С. В. Международно-правовые и национально-правовые основы минимизации и ликвидации последствий терроризма и иных тяжких преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2011. № 3. С. 140–146.

Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. 576 с.

Юридическая техника: учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М.: Эксмо, 2010. 272 с.

Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. 2-е изд. М.: Проспект, 2023. 1136 с.

Яшина М. С. Категории «отмена» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 97–107.

References

Afanasyeva O. R. (2018) Minimizatsiya sotsial'nykh posledstviy nasil'stvennoi prestupnosti: teoreticheskie i prikladnye problemy [Minimization of the social consequences of violent crime: theoretical and applied problems]. In *Nauchnyi portal MVD Rossii*, no. 4, pp. 7–13.

Avtonomov A. S., et al. (1997) *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. Problemnyi kommentarii* [Constitution of the Russian Federation. Problematic commentary], ed. by V. A. Chetvernin. Moscow, Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy Moskovskogo obshchestvennogo nauchnogo fonda, 702 p.

Boldyrev N. A. (2023) Sootnoshenie konstitutsionnykh ponyatii «ogranichenie», «umalenie» i «otmena» prav i svobod cheloveka [The relationship between the constitutional concepts of «restriction», «diminution» and «abolition» of human rights and freedoms]. In *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 6, pp. 453–455.

Burmistrov S. V. (2018) Proyavlenie pravovogo nigilizma v pravotvorchestve i pravoprimenenii [The manifestation of legal nihilism in law-making and law enforcement]. In *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, no. 6, pp. 117–119.

Ebzeev B. S. (2005) *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiiskoi Federatsii* [Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 576 p.

Grivkov O. D., Shichanin A. V. (2007) Nekotorye aspekty minimizatsii pravovykh riskov pri osushchestvlenii investitsionnoi deyatel'nosti [Some aspects of minimizing legal risks in the implementation of investment activities]. In *Pravo i ekonomika*, no. 6, pp. 16–20.

Isakov V. B. (2021) Perspektivy reinzhiniringa pravovogo regulirovaniya, yuridicheskoi nauki i obrazovaniya [Prospects of reengineering legal regulation, legal science and education]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, vol. 25, no. 8, pp. 5–19.

Karpovich V. D. (Ed.) (2002) *Kommentarii k Konstitutsii RF* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation]. Moscow, 956 p.

Khabrieva T. Ya., Vlasenko N. A. (Eds.) (2010) *Yuridicheskaya tekhnika: uchebnoe posobie* [Legal technology: textbook]. Moscow, Eksmo, 272 p.

Kichigin N. V. (2018) Minimizatsiya i preduprezhdenie ekologo-pravovykh riskov [Minimization and prevention of environmental and legal risks]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 8, pp. 144–154.

Korolkov E. A. (2022) Minimizatsiya izderzhek: filosofsko-metodologicheskii analiz [Cost minimization: a philosophical and methodological analysis]. In *Idey i idealy*, vol. 14, no. 4, part 2, pp. 351–368.

Kozhokar I. P. (2020) *Tekhniko-yuridicheskie defekty v rossiiskom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Technical and legal defects in Russian law: a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 414 p.

Lapaeva V. V. (2009) *Pravo i politika (nauchnye ocherki)* [Law and Politics (scientific essays)]. Moscow, RAP, 272 p.

Lazarev V. V. (2009) Ogranichenie prav i svobod kak teoreticheskaya i prakticheskaya problema [Restriction of rights and freedoms as a theoretical and practical problem]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 9, pp. 35–47.

Lebedev D. V. (2023) Preodolenie kognitivnykh iskazhenii yuridicheskogo myshleniya sredstvami formal'noi logiki [Overcoming cognitive distortions of legal thinking by means of formal logic]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 3, pp. 136–141.

Lubin A. F., Kondratieva E. E., Nurutdinov O. A. (2007) Obshchie polozheniya riskologii – teorii riska v deyatel'nosti po vyavleniyu, rassledovaniyu i raskrytiyu prestuplenii [General provisions of riskology – risk theory in the identification, investigation and disclosure of crimes]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 3, pp. 4–6.

Lukasheva E. A. (2013) *Chelovek, pravo, tsivilizatsii: normativno-tsennostnoe izmerenie: monografiya* [Man, law, civilizations: normative and value dimension: monography]. Moscow, Norma, INFRA-M, 384 p.

Mal'ko A. V. (2018) Ogranicheniya v prave: problemy teorii, praktiki, politiki [Restrictions in law: problems of theory, practice, policy]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 12, pp. 238–248.

Mal'ko A. V. (Ed.) (2023) *Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Legal encyclopedic dictionary], 2nd ed. Moscow, Prospekt, 1136 p.

Mal'ko A. V., Salomatina A. Yu. (Eds.) (2007) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of the state and law: textbook]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 420 p.

Mal'tsev G. V. (2011) *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social foundations of law]. Moscow, Norma, INFRA-M, 800 p.

Marchenko M. N. (2012) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of the state and law: textbook], 2nd ed., revised and add. Moscow, Prospekt, 656 p.

Matuzov N. I. (2013) Pravovoi idealizm kak spetsificheskaya forma deformatsii obshchestvennogo soznaniya [Legal idealism as a specific form of deformation of public consciousness]. In *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 4, pp. 19–27.

Metelkov A. N. (2022) *Yadernyi terrorizm: minimizatsiya posledstviy: monografiya* [Nuclear terrorism: minimizing the consequences: monography]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet GPS MCHS Rossii, 275 p.

Metelkov A. N. (2024) O kategorii minimizatsiya v prave [On the category of minimization in law]. In *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: conference papers: in 2 parts*. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet MVD RF, part 2, pp. 193–196.

Metelkov A. N. (2024) Obshchepравovoi kharakter printsipa minimizatsii [The general legal nature of the principle of minimization]. In *Obrazovanie i pravo*, no. 4, pp. 198–204.

Mikhailov A. E. (2018) Sushchnost' minimizatsii i likvidatsii posledstviy pravonarusheniya [The essence of minimizing and eliminating the consequences of offenses]. In *Yuridicheskie nauki*, no. 4, pp. 42–45.

Tikhomirov Yu. A. (2012) Pravovye riski [Legal risks]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 2, pp. 87–95.

Tikhomirov Yu. A. (2014) Prognozy i riski v pravovoi sfere [Forecasts and risks in the legal sphere]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 3, pp. 5–16.

Tikhomirov Yu. A. (2016) Risk v prave: priroda i prichiny [Risk in law: nature and causes]. In *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 6, pp. 9–19.

Tikhomirov Yu. A. (2017) Risk v fokuse pravovogo regulirovaniya [Risk in the focus of legal regulation]. In *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 6, pp. 9–23.

Tikhomirov Yu. A. (2019) Riski v pravovom prostranstve [Risks in the legal space]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 13, pp. 28–35.

Troitskiy S. V. (2011) Mezhdunarodno-pravovye i natsional'no-pravovye osnovy minimizatsii i likvidatsii posledstviy terrorizma i inyykh tyazhkikh prestupleniy [International legal and national legal foundations of minimizing and eliminating the consequences of terrorism and other serious crimes]. In *Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki*, no. 3, pp. 140–146.

Vlasenko N. A. (2014) *Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii: monografiya* [Reasonableness and certainty in legal regulation: monography]. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, INFRA-M, 157 p.

Vlasova A. S. (2007) Grazhdansko-pravovye sredstva regulirovaniya riska predprinimatel'skoi deyatel'nosti [Civil law means of regulating the risk of entrepreneurial activity]. In *Notarius*, no. 5, pp. 28–32.

Yashina M. S. (2020) Kategorii «otmena» i «umalenie» prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Categories of «cancellation» and «diminution» of human and civil rights and freedoms]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 20, is. 1, pp. 97–107.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.12.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2026_1_44

СОЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РСФСР В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Сосенков Федор Сергеевич

Профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Ниžний Новгород), доктор юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-5645-9510, e-mail: f.sosenkov@yandex.ru.

Объект исследования – конституционно-правовые отношения, складывающиеся в процессе реформирования общесоюзных общественно-политических структур, прежде всего Коммунистической партии Советского Союза. Предметом исследования выступают доклады и речи Генерального секретаря партии М. С. Горбачева относительно создания в рамках общесоюзной партийной организации республиканской структуры – Коммунистической партии РСФСР. Цель исследования – изучение позиций руководства КПСС относительно создания Коммунистической партии Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Для достижения поставленной цели использовалась совокупность всеобщих (диалектика), общенаучных (синтез, дедукция, индукция, структурно-системный метод), частнонаучных (исторический метод, структурно-смысловой анализ текста) и специальных (формально-юридический) методов. Новизна исследования заключается в том, что на основе архивных документов автором изучена автономизация республиканских партийных организаций в рамках КПСС как проявление кризиса советского федерализма. Кроме того, доказана взаимная зависимость между сепаратизмом союзных республик и фрагментацией единого партийного механизма: последняя стала не только следствием, но и причиной ослабления связей союзного центра и республик. Автор приходит к выводу, что предложения по изменению структуры КПСС – центра политической системы советского общества – выходили далеко за рамки внутрипартийной жизни и предполагали дальнейшие изменения федеративных связей: переход от федеративных к фактически конфедеративным связям или полной суверенизации союзных республик. Отдельным вкладом автора в исследование темы является введение в научный оборот архивных документов из фондов Российского государственного архива новейшей истории.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Советского Союза, Коммунистическая партия РСФСР, государственное устройство, советский федерализм, суверенитет, асимметричная федерация

Для цитирования: Сосенков Ф. С. Создание Коммунистической партии РСФСР в контексте кризиса советского федерализма // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 44–50. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_44.

THE CREATION OF THE COMMUNIST PARTY OF THE RSFSR IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF SOVIET FEDERALISM

Sosenkov Fedor

Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod), doctor of juridical sciences, associate professor, ORCID: 0000-0002-5645-9510, e-mail: f.sosenkov@yandex.ru.

The object of the research is the constitutional and legal relations that develop in the process of reforming the all-Union socio-political structures and above all the Communist Party of the Soviet Union. The subject of the research are reports and speeches by the General Secretary of the party, Mikhail Gorbachev, regarding

the creation of a republican structure within the framework of the all-Union party organization, the Communist Party of the RSFSR. The purpose of this study was to study the positions of the leadership of the CPSU regarding the creation of the Communist Party of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. To achieve this goal we used a combination of universal (dialectics), general scientific (synthesis, deduction, induction, structural-system method), private scientific (historical method, structural and semantic analysis of the text), special (formal-legal) methods. The novelty of the research lies in the fact that based on archival documents the author examines the autonomization of republican party organizations within the CPSU as a manifestation of the crisis of Soviet federalism. In addition, the mutual dependence between the separatism of the Union republics and the fragmentation of the unified party mechanism was proved: the latter was not only a consequence, but also the reason for the weakening of ties between the Union center and the republics. The author concludes that the proposals to change the structure of the CPSU, the center of the political system of Soviet society, went far beyond the framework of internal party life and suggested further changes in federal ties: the transition from federal to actually confederate ties or the complete sovereignty of the Union republics. A separate contribution of the author to the research of the topic is the introduction into scientific circulation of archival documents from the collections of the Russian State Archive of Modern History.

Key words: Communist Party of the Soviet Union, Communist Party of the RSFSR, state structure, Soviet federalism, sovereignty, asymmetric federation

*For citation: Sosenkov F. (2026) The creation of the Communist Party of the RSFSR in the context of the crisis of Soviet federalism. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 44–50, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_44.*

Введение

Ослабление советских федеративных связей в конце 80-х – начале 90-х гг. охватило различные области общественной и государственной жизни, в том числе партийные структуры. Дискуссии по поводу создания Коммунистической партии РСФСР иллюстрировали, на наш взгляд, противостояние центробежных и центростремительных сил. Исследование заявленной проблематики видится тем более актуальным в связи с отмеченным накануне столетием образования СССР и повышенным интересом к проблемам советской государственности.

Общие вопросы создания Коммунистической партии РСФСР исследовались Е. И. Волгиным¹, Е. В. Кузнецовой² и И. П. Осадчим³. Два уровня инициативы создания новой партийной структуры – провластный и «низовой» – изучил Ю. Д. Козырев⁴. Региональный аспект создания российской коммунистической партии в рамках КПСС нашел отражение в статьях И. И. Бойко, проанализировавшего соответствующие процессы в Чувашской АССР⁵, В. С. Имярекова, в круг научных интересов которого входит демонтаж однопартийной политической системы в Мордовии⁶, В. И. Козина, исследо-

¹ Волгин Е. И. Проблема становления законодательства о политических партиях СССР и РСФСР в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 26: Государственный аудит. 2018. № 1. С. 86–105; Его же. Создание Компартии РСФСР в контексте политического кризиса КПСС (1990–1991 гг.) // Клио. 2018. № 3. С. 97–106.

² Кузнецова Е. В. Создание и основные направления деятельности Коммунистической партии РСФСР // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3. С. 97–98; Ее же. Создание Коммунистической партии в РСФСР: за достоверность фактов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 13. № 9. С. 1741–1751.

³ Осадчий И. П. Как это было... К истории Компартии РСФСР – КПРФ: заметки историка – участника событий. М.: ИТРК, 2013. 896 с.

⁴ Козырев Ю. Д. Создание российской коммунистической партии в годы перестройки 1990 г. // Историческая наука завтрашнего дня: Пятая всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 22 октября 2021 г.: сб. ст. М.: РГГУ, 2022. С. 130–138.

⁵ Бойко И. И. Чувашская областная (республиканская) организация КПСС (КП РСФСР) в условиях политического противостояния: опыт и уроки 1985–1991 годов // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 45–60.

⁶ Имяреков В. С. Кризис и демонтаж однопартийной политической системы в СССР (на примере событий в Мордовской АССР) // Вестник Мордовского университета. 2005. Т. 15. № 3–4. С. 7–11.

вавшего историю партийно-государственных органов Марийской ССР¹. Вместе с тем дискуссионные вопросы связи центробежных процессов в КПСС с кризисом советского федерализма освещены в современной научной литературе достаточно слабо. Восполнить соответствующий пробел отчасти призвана настоящая статья, в которой с опорой на архивные документы в контексте общего кризиса советской федеративной государственности планируется проанализировать основные позиции руководства КПСС относительно создания КП РСФСР.

Методология исследования

В ходе проведения исследования использовалась совокупность методов. Среди всеобщих методов следует выделить диалектику, позволившую подойти к предмету исследования с точки зрения его развития, выявив закономерности возникновения и развития. К использованным общенаучным методам отнесем синтез эмпирического материала; дедуктивный и индуктивный методы, позволившие изучить факторы, способствовавшие оформлению концепции создания Коммунистической партии РСФСР; структурно-системный метод, давший возможность обосновать предполагаемое место КП РСФСР в рамках КПСС. Частнонаучные методы представлены историческим методом, который применен в процессе изучения предмета исследования с учетом опыта партийного и государственного советского строительства; структурно-смысловым анализом позиций Генерального секретаря КПСС М. С. Горбачева, выраженных в архивных материалах. Среди специальных методов были особенно востребованы формально-юридический, позволивший рассмотреть предложения М. С. Горбачева по изменению советского конституционного законодательства с точки зрения юридической техники.

Обсуждение

Ослабление федеративных связей в конце 80-х – начале 90-х гг. охватило в том числе партийные структуры. КПСС долгое время была своеобразным политическим каркасом Советского Союза, поэтому процессы по созданию коммунистической партии РСФСР иначе как проявлением центробежных сил назвать нельзя. В связи с этим вызывает удивление оценка такой фрагментации и размывания единого партийного фронта Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. В июне 1990 г. он отмечал: «Мы собрались на первую конференцию коммунистов России в исключительно сложное время... Страна и КПСС переживают острейший кризис. Партия реально утрачивает свою роль политического авангарда советского народа. В условиях политического плюрализма, формирующейся многопартийности, появления множества различных политических движений, фронтов, КПСС уже практически не оказывает решающего воздействия на происходящие в стране процессы как правящая партия... Немаловажной причиной этого является недостаточное внимание центра к проблемам республики, ее ограниченный государственный и экономический суверенитет. Следует сказать и о том, что на успешное решение назревших вопросов развития Российской Федерации коммунисты не смогли оказать должного воздействия из-за отсутствия единой республиканской организации КПСС»².

Итак, первое лицо в партии выдвинуло в пользу необходимости КП РСФСР несколько аргументов, наглядно иллюстрирующих кризис советского федерализма. Во-первых, обозначено стремление подстроить партийную структуру под изменения федеративных связей внутри Советского Союза: «Постановка на Первом съезде народных депутатов республики вопроса о новом союзном договоре и государственном суверенитете РСФСР в составе СССР диктует необходимость иметь свою республиканскую коммунистическую организацию, образование которой позволит укрепить политический статус Российской Федерации, упрочить ее самостоятельность»³. Во-вторых, М. С. Горбачев указывал на якобы несколько приниженное положение РСФСР по отношению к другим республикам, поскольку Российская Федерация исторически была лишена некоторых властных институтов, которые заменялись союзными, в том

¹ Козин В. И. Партийно-государственные органы Марийской ССР в период чрезвычайного положения 1991 г. // Регионоведение. 2005. № 56. С. 14–25.

² РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 84. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–6.

³ Там же. Л. 8.

числе партийной организации: «До последнего времени в РСФСР отсутствовали более полутора десятков административных, идеологических и других структур, органов управления, которые имеются в других советских республиках. Сейчас набирает силу процесс их создания, что логично ведет к необходимости образования компартии Российской Федерации. Это, несомненно, поможет согласованной работе в высших органах власти России, упрочит позиции коммунистов в советах, государственных и общественных организациях»¹. Отметим, что к этому времени уже были созданы комсомольская и профсоюзная организации РСФСР, что приведено М. С. Горбачевым как дополнительный аргумент в пользу создания республиканской компартии: «Недавно завершил работу учредительный съезд комсомола. Он создал Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи в составе ВЛКСМ, принял Устав и Программу Российского комсомола. Коммунисты России видят в нем своего политического союзника... Российские коммунисты в целом поддерживают прогрессивные изменения в профсоюзном движении. Как известно, в этом году создана Федерация независимых профсоюзов РСФСР»². В-третьих, Генеральный секретарь ЦК КПСС анонсировал более активное противодействие антисоциалистическим движениям в РСФСР посредством создания Компартии России: «В РСФСР, как и в ряде других республик страны, в условиях политического плюрализма, возникновения различных партий, ассоциаций, союзов и в обстановке нарастания антисоциалистических настроений нужна консолидация российских коммунистов как наиболее последовательных борцов за социализм, за коммунистическую перспективу, объединение их в республиканскую организацию»³. Последний аргумент также вызывает неоднозначную оценку, поскольку давно существующие в других союзных республиках коммунистические партии никак не помещали нарастанию антипартийных настроений и возникновению соответствующих организаций.

М. С. Горбачев выразил опасение по поводу нарастания в партии тенденций на федерализацию и даже разделение Коммунистической партии Советского Союза: «Как избежать раскола КПСС по национальному признаку? Как сдержать нарастание тенденций сепаратизма и федерализма? Как при этом не допустить ослабления позиций компартий других республик? Удастся ли предотвратить вспышку великодержавных устремлений и неизбежно порождаемых этим обвинений России в гегемонизме и шовинизме? И не подогреет ли это антирусские настроения»⁴. Тем самым Генеральный секретарь ЦК КПСС косвенно подтвердил, что правящая в Советском Союзе партия была построена преимущественно на основе принципа централизации. Разрушение партии – политического каркаса СССР – очевидно нарушало основы советского федерализма, об этом можно сделать вывод даже из достаточно бодрого выступления лидера СССР: «Высказываются опасения, не ослабнет ли КПСС в результате создания Компартии РСФСР и не превратится ли КПСС в федерацию (или союз) республиканских компартий. Появляется озабоченность судьбой всего Союза Советских Социалистических Республик как единого союзного многонационального государства»⁵. Впрочем, по его мнению, при создании Коммунистической партии РСФСР сохранялись действенные механизмы обеспечения единства КПСС: «Целостность КПСС и в организационном, и в идейно-политическом плане будет обеспечиваться единым партбилетом, единым Уставом и единой Программой, обязательными для всех коммунистов всех компартий союзных республик. В этой связи заслуживает внимания и предложение – именовать компартии республиканскими органами КПСС»⁶.

Выдвинут достаточно спорный тезис об укреплении КПСС и вообще Советского Союза за счет появления Коммунистической партии РСФСР и расширения самостоятельности самой Российской Федерации: «Создание Компартии России, ее политическая ориентация, последовательное претворение в жизнь программы возрождения Российской Федерации позволяет охладить сепаратистские устремления многих „тео-

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 97. Л. 8.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ретиков“ раскола КПСС и Союза ССР, совершенно по-другому заставит строить взаимоотношения между союзными республиками на основе равноправных политических соглашений, взаимовыгодных экономических условий. Это не даст возможности обвинить во всех просчетах и недостатках центр, подразумевая под этим Россию»¹.

Не вполне понятна аргументация, связанная со смешанным этническим составом компартий союзных республик: «Если учесть, что и компартии всех союзных республик являются многонациональными, и то, что в их составе значительный удельный вес коммунистов, принадлежащих к нациям и народностям, населяющим РСФСР, – это усилит фактор взаимного притяжения, взаимопонимания, взаимодействия всех коммунистов в единой КПСС»². Подобная ситуация была и накануне, и во время нарастания антипартийных и даже антисоюзных настроений в союзных республиках, тем не менее она никак не повлияла на предотвращение нарастания центробежных тенденций. Неубедительной была и апелляция к истории компартий союзных республик: «...становление коммунистических организаций в целом ряде союзных республик (Казахстан, Средняя Азия) было в значительной мере обусловлено работой многих коммунистов Российской Федерации, их традиционно бескорыстной, разносторонней помощью трудящимся всех национальных образований страны. И это тоже важнейший фактор, способствующий их совместной дружной работе по укреплению и развитию новой советской федерации, в составе единого политического авангарда КПСС»³. Благодарность могла проявляться в личных связях конкретных людей, но не в политической сфере республиканского или союзного масштаба.

В завершение своей речи Генеральный секретарь ЦК КПСС призывает к единству уже Коммунистической партии РСФСР: «Основой организационного построения Компартии РСФСР должен стать принцип демократического централизма, что исключает проявление федерализма в партийном строительстве, а также настроения сепаратизма в национальных партийных организациях. Вместе с тем в условиях демократизации внутрипартийных отношений необходимо признание самостоятельности партийных организаций автономных образований в осуществлении партийной политики на местах»⁴. Однако нельзя не отметить, что, призывая к единству партийной организации, соблюдению принципа демократического централизма, М. С. Горбачев фактически ведет линию дальнейшей политической фрагментации советского федеративного пространства.

От рассуждений о допустимости и, более того, важности создания Коммунистической партии РСФСР М. С. Горбачев перешел к опасениям за состояние федеративных связей в Советском Союзе в целом, во многом находящимся под угрозой в связи с обострением межнациональных конфликтов: «В последнее время подвергается серьезным испытаниям на прочность наш Союз Советских Социалистических Республик. Во многом это стало возможным из-за недооценки национального вопроса, который считался у нас решенным»⁵. Вместе с тем предлагаемый выход из положения, на наш взгляд, оказался весьма противоречивым: «Исходя из новых реалий, сентябрьский (1989 года) Пленум ЦК КПСС выработал ключевые принципы современной национальной политики партии. Суть ее – в обновлении Советской Федерации, в установлении подлинного суверенитета каждой союзной республики, в утверждении принципиально новых, подлинно демократических отношений между всеми национальными образованиями, гарантированное обеспечение равных прав и возможностей для всестороннего развития граждан всех национальностей и народностей нашей страны, независимо от места их проживания. Решение проблем России также заключено в ее полноценном экономическом и политическом суверенитете»⁶.

Таким образом, консолидированная позиция партии, поддержанная ее руководителем, состояла в укреплении советского федерализма через расширение суверенитета советских республик, что, как показали последующие события, было явно разнонаправленными процессами. Тенденции в самом деле были противоречивыми. С од-

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 97. Л. 10.

² Там же.

³ Там же. Л. 10–11.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 33.

⁶ Там же.

ной стороны, это экономическая самостоятельность – базис для политической самостоятельности государства: «Главное здесь – это исключительное право Российской Федерации владеть и распоряжаться всеми своими природными богатствами, всем экономическим, научно-техническим и интеллектуальным потенциалом. Мы поддерживаем позицию Съезда народных депутатов РСФСР – все, что находится на территории России, должно целиком и полностью принадлежать ее народам»¹. С другой стороны, утверждается, что подобные меры ведут к укреплению союзных связей: «Речь, однако, идет не об обособлении и самоизоляции. Магистральный путь современного развития Советской Федерации – национальный прогресс и гармонизация отношений, свободное и равноправное развитие всех народов и национальностей»².

Выступление М. С. Горбачева по вопросу создания Коммунистической партии РСФСР выходило далеко за рамки внутрипартийной политики. Он осуществил легитимацию идеи о пересмотре конституционно установленного порядка взаимодействия союзных республик и союзного центра, замены его на договорный, что, конечно, не придавало прочности советскому федерализму: «Особо следует сказать о необходимости пересмотра характера взаимоотношений Союза ССР и Российской Федерации. Мы поддерживаем идею Съезда народных депутатов РСФСР о заключении нового Договора Российской Федерации с Союзом ССР»³.

При этом подразумевалось и дальнейшее повышение политического веса автономных образований в составе самой России: «Надо четко зафиксировать в нем, что РСФСР – это суверенное советское социалистическое федеративное государство, в которое на договорных началах включены автономные республики как социалистические государства – субъекты Союза ССР, автономные области и округа, другие равноправные административно-территориальные образования – субъекты Российской Федерации. При этом важно продумать вопрос о предоставлении автономным республикам статуса союзно-автономной территории, предусматривающего полную самостоятельность в хозяйственной деятельности, в области культуры и языка»⁴. Характерно, что предпринимаемые меры по дальнейшей децентрализации СССР и РСФСР, переходу практически к конфедеративным отношениям подаются как шаги к сохранению единства Советского Союза: «Российская Федерация должна, на наш взгляд, выступить с инициативой необходимости распространения принципа равноправия на все сферы общественной жизни и взаимоотношения со всеми союзными республиками и Союзом в целом. Этим самым мы еще раз подтверждаем свою приверженность идее добровольного объединения и сохранения целостности СССР как федерации свободных и равноправных республик»⁵.

Заключение

В качестве выводов относительно создания Коммунистической партии РСФСР можно отметить следующие.

1. Коммунистическая партия Советского Союза, являясь ядром советской политической системы, лежала в основе связи между союзным центром и республиками. Поэтому фрагментация единого партийного механизма стала не только следствием, но и причиной ослабления связей союзного центра и республик.

2. Внутрипартийная дискуссия относительно целесообразности создания Коммунистической партии РСФСР предполагала предложения по изменению конституционного законодательства. При этом союзный центр в лице Генерального секретаря КПСС поддерживал центробежные тенденции, парадоксально аргументируя такие позиции необходимостью укрепления советской государственности.

3. Предложения по изменению структуры КПСС – центра политической системы советского общества – выходили далеко за рамки внутрипартийной жизни и предполагали дальнейшие изменения федеративных связей: переход от федеративных к фактически конфедеративным связям или полной суверенизации союзных республик.

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 97. Л. 33.

² Там же.

³ Там же. Л. 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Список литературы

Бойко И. И. Чувашская областная (республиканская) организация КПСС (КП РСФСР) в условиях политического противостояния: опыт и уроки 1985–1991 годов // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2007. № 1. С. 45–60.

Волгин Е. И. Проблема становления законодательства о политических партиях СССР и РСФСР в начале 1990-х гг. // *Вестник Московского университета. Сер. 26: Государственный аудит*. 2018. № 1. С. 86–105.

Волгин Е. И. Создание Компартии РСФСР в контексте политического кризиса КПСС (1990–1991 гг.) // *Клио*. 2018. № 3. С. 97–106.

Имяреков В. С. Кризис и демонтаж однопартийной политической системы в СССР (на примере событий в Мордовской АССР) // *Вестник Мордовского университета*. 2005. Т. 15. № 3–4. С. 7–11.

Козин В. И. Партийно-государственные органы Марийской ССР в период чрезвычайного положения 1991 г. // *Регионология*. 2005. № S6. С. 14–25.

Козырев Ю. Д. Создание российской коммунистической партии в годы перестройки 1990 г. // *Историческая наука завтрашнего дня: Пятая всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых*. Москва, 22 октября 2021 г.: сб. ст. М.: РГГУ, 2022. С. 130–138.

Кузнецова Е. В. Создание и основные направления деятельности Коммунистической партии РСФСР // *Евразийский юридический журнал*. 2024. № 3. С. 97–98.

Кузнецова Е. В. Создание Коммунистической партии в РСФСР: за достоверность фактов // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2025. Т. 13. № 9. С. 1741–1751.

Осадчий И. П. Как это было... К истории Компартии РСФСР – КПРФ: заметки историка – участника событий. М.: ИТРК, 2013. 896 с.

РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 84. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–6, 8–11, 25, 33, 34.

References

Boyko I. I. (2007) Chuvashskaya oblastnaya (republikanskaya) organizatsiya KPSS (KP RSFSR) v usloviyakh politicheskogo protivostoyaniya: opyt i uroki 1985–1991 godov [The Chuvash regional (Republican) organization of the CPSU (KP RSFSR) in the context of political confrontation: experience and lessons of 1985–1991]. In *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik*, no. 1, pp. 45–60.

Volgin E. I. (2018) Problema stanovleniya zakonodatel'stva o politicheskikh partiyaх SSSR i RSFSR v nachale 1990-kh gg. [The problem of the formation of legislation on political parties of the USSR and the RSFSR in the early 1990s]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 26: Gosudarstvennyi audit*, no. 1, pp. 86–105.

Volgin E. I. (2018) Sozdanie Kompartii RSFSR v kontekste politicheskogo krizisa KPSS (1990–1991 gg.) [Creation of the Communist Party of the RSFSR in the context of the political crisis of the CPSU (1990–1991)]. In *Klio*, no. 3, pp. 97–106.

RGANI [The Russian State Archive of Modern History]. Collection 84. Inventory 1. File 97. Lists 1–6, 8–11, 25, 33, 34.

Imyarekov V. S. (2005) Krizis i demontazh odnopartiinoy politicheskoi sistemy v SSSR (na primere sobytii v Mordovskoi ASSR) [Crisis and dismantling of the one-party political system in the USSR (on the example of events in the Mordovian ASSR)]. In *Vestnik Mordovskogo universiteta*, vol. 15, no. 3–4, pp. 7–11.

Kozin V. I. (2005) Partiino-gosudarstvennye organy Mariiskoi SSR v period chrezvychainogo polozheniya 1991 g. [Party and state bodies of the Mari SSR during the state of emergency in 1991]. In *Regionologiya*, no. S6, pp. 14–25.

Kozyrev Yu. D. (2022) Sozdanie rossiiskoi kommunisticheskoi partii v gody perestroiki 1990 g. [The creation of the Russian Communist Party during the years of perestroika in 1990]. In *Istoricheskaya nauka zavtrashnego dnya: conference papers*. Moscow, RGGU, pp. 130–138.

Kuznecova E. V. (2024) Sozdanie i osnovnye napravleniya deyatel'nosti Kommunisticheskoi partii RSFSR [Establishment and Main Activities of the Communist Party of the RSFSR]. In *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 97–98.

Kuznecova E. V. (2025) Sozdanie Kommunisticheskoi partii v RSFSR: za dostovernost' faktov [The Creation of the Communist Party in the RSFSR: For the Accuracy of Facts]. In *Evraziiskii Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnoshenii*, vol. 13, no. 9, pp. 1741–1751.

Osadchy I. P. (2013) *Kak eto bylo... K istorii Kompartii RSFSR – KPRF: zametki istorika – uchastnika sobytii* [How it was... On the history of the Communist Party of the RSFSR – the Communist Party of the Russian Federation: notes by a historian who participated in the events]. Moscow, ITRK, 896 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

УДК / UDC 346

DOI: 10.34076/22196838_2026_1_51

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ БЫСТРЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Голубитченко Мария Александровна

Доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (Саратов), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-9603-3293, e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru.

Покачалова Анна Сергеевна

Доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (Саратов), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0009-0001-2394-8879, e-mail: annapokachalova@mail.ru.

Исследуются вопросы правового регулирования использования системы быстрых платежей (СБП) в страховой сфере. Данная проблематика приобретает особую публично-правовую значимость в условиях цифровой трансформации экономики и усиления финансового суверенитета Российской Федерации. Авторы анализируют роль СБП как инфраструктурного инструмента, обеспечивающего оперативный прием страховых премий. В ходе рассмотрения порядка применения СБП в обозначенной сфере была выявлена правовая неопределенность, возникающая при использовании СБП для уплаты страховых премий (взносов), что напрямую влияет на определение даты вступления договора страхования в силу. Авторы детально раскрывают гражданско-правовые и налоговые последствия данной неопределенности, указывая на риски для страховщиков и страхователей в связи с разночтениями в признании доходов и расходов. В качестве пути решения предлагается издание совместного разъяснительного документа Банка России и Минфина России, в котором был бы закреплён единый подход, согласно которому моментом уплаты страховой премии при расчетах через СБП следует считать дату зачисления денежных средств на счет страховщика. Это позволит унифицировать практику, снизить правовые и налоговые риски и будет способствовать дальнейшей интеграции цифровых платежных технологий в сфере страхования.

Ключевые слова: система быстрых платежей, страховой договор, Банк России, налог на прибыль страховых организаций, страховщик, страхователь

Для цитирования: Голубитченко М. А., Покачалова А. С. Правовое регулирование применения системы быстрых платежей в сфере страхования: публично-правовые аспекты // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 51–55. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_51.

LEGAL REGULATION OF THE FASTER PAYMENTS SYSTEM IN THE INSURANCE SECTOR: PUBLIC-LAW ASPECTS

Golubitchenko Maria

Associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9603-3293, e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru.

Pokachalova Anna

Associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov), candidate of legal sciences, ORCID: 0009-0001-2394-8879, e-mail: annapokachalova@mail.ru.

The article examines legal issues concerning the regulation of the Faster Payments System (SBP) in the insurance sector. This topic acquires particular public-law sig-

nificance in the context of the digital transformation of the economy and the strengthening of the financial sovereignty of the Russian Federation. The authors analyze the role of the SBP as an infrastructural tool that ensures the prompt receipt of insurance premiums. During the examination of the procedure for using the SBP in this sector, legal uncertainty was identified regarding the use of the SBP for paying insurance premiums. This uncertainty directly affects the determination of the effective date of an insurance contract. The authors provide a detailed analysis of the civil-law and tax implications of this uncertainty, highlighting the risks for insurers and policyholders arising from discrepancies in the recognition of income and expenses. As a proposed solution, the authors suggest the issuance of a joint explanatory document by the Bank of Russia and the Ministry of Finance of the Russian Federation. This document would establish a unified approach, stipulating that the moment of payment of an insurance premium via the SBP should be considered the date on which funds are credited to the insurer's account. This will help to unify practices, reduce legal and tax-related risks and will promote the further integration of digital payment technologies in the insurance sector.

Key words: the Faster Payments System (SBP), insurance contract, Bank of Russia, corporate income tax for insurance organizations, insurer, policyholder

For citation: Golubitchenko M., Pokachalova A. (2026) Legal regulation of the Faster Payments System in the insurance sector: public law aspects. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 51–55, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_51.

С учетом современного уровня развития мировой экономики и в условиях всеобъемлющего и стремительного технического и технологического прогресса, в том числе цифровизации разнонаправленных общественных отношений, меняется и модернизируется платежная инфраструктура Российской Федерации. Внедрение новых технологий в расчетные процессы, с одной стороны, позволяет обеспечивать конкурентоспособность российских платежных институтов внутри страны и на международном уровне, с другой – укрепляет финансово-технологический и платежный суверенитет России, что крайне актуально в период влияния напряженной международной обстановки на экономические процессы. Это в полной мере касается и страхового рынка, где ключевым процессом является прием страховых премий (взносов), формирующих финансовую основу для деятельности страховщиков – их страховые резервы, а также выплаты страхового возмещения по отдельным видам страхования. Внедрение системы быстрых платежей (далее – СБП) как наиболее прогрессивного формата расчетов создает новые возможности и вызовы для правового регулирования отношений между страхователем и страховщиком в момент уплаты взноса.

Система быстрых платежей представляет собой технологическую платформу, обеспечивающую в пределах установленных регуляторных лимитов осуществление межбанковских переводов и проведение платежных операций (включая оплату товаров, работ, услуг) с использованием в качестве идентификатора номера мобильного телефона получателя средств. Особое место в регулировании функционирования СБП занимает Центральный банк РФ, полномочия которого закреплены в гл. 5 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 г.) «О национальной платежной системе», в гл. XII.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и в Положении Банка России от 24 сентября 2020 г. № 732-П (ред. от 17 июня 2025 г.) «О платежной системе Банка России». Именно на основании этих норм Банк России определяет технологические стандарты, операционные правила и требования безопасности для участников СБП, обеспечивая тем самым ее стабильное и защищенное функционирование. Отметим, что отдельные аспекты правового регулирования СБП Банка России, запущенной в пилотном режиме 28 января 2019 г. и введенной в полноценную эксплуатацию 28 февраля того же года, нашли отражение в исследованиях ряда современных ученых, специализирующихся в области финансового права¹.

¹ См., например: Хромченко М. Д. Финансово-правовое регулирование системы быстрых платежей // Юридическое образование и наука. 2024. № 12. С. 40–44; Пастушенко Е. Н., Земцова Л. Н., Мацюпа К. В. Приоритеты финансово-правовой политики в стратегических документах Центрального банка Россий-

В силу нормативных предписаний Положения «О платежной системе Банка России» кредитные организации, соответствующие установленным критериям, обязаны подключить данный сервис для предоставления клиентам доступа к регламентированному перечню операций. Обязательным требованием является интеграция официального знака обслуживания СБП, правообладателем которого выступает Банк России, в программные интерфейсы банков-участников, через которые реализуется функционал сервиса. При этом с 1 октября 2023 г. на системно значимые кредитные организации возложена дополнительная обязанность по обеспечению доступа к СБП не только через мобильные приложения, но и посредством иных каналов дистанционного банковского обслуживания, в частности через интернет-банк.

Субъектный состав пользователей сервиса последовательно расширяется. Первоначально доступ к СБП был предоставлен физическим лицам для взаимных переводов, включая операции между собственными счетами в разных кредитных организациях. С 1 октября 2021 г. сервис стали использовать для расчетов физических лиц с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами в рамках гражданско-правовых сделок, где в качестве идентификатора выступают специальные электронные реквизиты в форме компьютерного кода. С 1 апреля 2024 г. СБП стала доступна для расчетов между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Отдельным этапом развития стала интеграция с бюджетным процессом. С 1 октября 2024 г. на системно значимые кредитные организации возлагается обязанность по обеспечению возможности осуществления платежей в бюджетную систему через СБП. Данное требование было предусмотрено указанием Банка России от 9 января 2024 г. № 6656-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 24 сентября 2020 года № 732-П „О платежной системе Банка России“» и распространяется на платежи, информация о начислениях по которым размещена в Государственной информационной системе о государственных и муниципальных платежах. Банки с универсальной лицензией, не относящиеся к системно значимым, должны реализовать аналогичный функционал в более поздние сроки, но не позднее 1 апреля 2025 г. Область практического применения СБП расширяется и в сфере обязательного страхования. Так, в декабре 2024 г. Агентство по страхованию вкладов анонсировало плановое внедрение данного сервиса для осуществления страховых выплат вкладчикам в рамках системы обязательного страхования банковских вкладов¹.

В целом, можно констатировать растущую роль системы быстрых платежей как инфраструктурного инструмента для осуществления массовых социально значимых платежей различными субъектами.

Вместе с тем введение новых способов расчетов, таких как СБП, актуализировало давнюю юридическую проблему в сфере страхования². Сформировалась правовая неопределенность при использовании СБП в сфере страхования, требующая научно-практического осмысления, по вопросу определения момента исполнения обязанности по уплате страховой премии³ и, как следствие, момента вступления договора страхования в силу. Согласно ст. 954 Гражданского кодекса РФ страховщик вправе применять последствия, предусмотренные этой статьей, при неоплате или неполной оплате взноса. Однако кодекс не содержит точной временной привязки «момента» оплаты в условиях электронных переводов, в ст. 957 ГК РФ указывается лишь, что до-

---

ской Федерации (Банка России) в сфере цифровизации российского финансового рынка // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11. № 2. С. 124–132; *Островская Н. Б., Гудкова М. В.* Актуальные проблемы национального денежного суверенитета Российской Федерации в условиях цифровизации мировой экономики и санкционного режима // Современный миропорядок и цифровая реальность: правовые новации национального денежного обращения и вопросы обеспечения финансового суверенитета России: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2024. С. 99–102.

¹ АСВ намерено запустить процедуру выплат вкладчикам через СБП // Российская газета. 2024. 18 дек. URL: <https://rg.ru/2024/12/18/asv-namereno-zapustit-proceduru-vyplat-vkladchikam-cherez-sbp.html> (дата обращения: 13.01.2026).

² См., например: *Белых В. С.* Договор страхования: понятие, признаки, виды // Гражданское право. 2015. № 5. С. 3–8; *Дедиков С. В.* Существенные условия договора страхования // Судья. 2015. № 4. С. 15–18; *Червань Л. А.* К вопросу о вступлении договора страхования в силу // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2009. № 3. С. 36–39.

³ *Овчинникова Ю. С.* Правовая природа страховой премии: основные черты // Право и экономика. 2017. № 8. С. 37–42.

говор страхования вступает в силу с момента уплаты страховой премии. Это создает правовую неопределенность, заключающуюся в установлении того, когда договор страхования признается действующим: с момента списания средств со счета страхователя, их зачисления на счет страховщика или же получения страхователем информации от оператора платежной системы, что сумма списана с его счета¹. На практике данный вопрос чаще всего регулируется правилами страхования, которые разрабатываются страховыми организациями по конкретным видам страхования. В типовых формулировках указывается, что «днем уплаты страховой премии считается дата поступления денежных средств на расчетный счет (или в кассу) Страховщика»².

Рассматриваемая правовая неопределенность имеет и публично-правовые последствия, поскольку момент уплаты страхового взноса (премии) является ключевым юридическим фактом, определяющим дату вступления договора страхования в силу, что, в свою очередь, выступает основанием для налогового учета как у страхователя, так и у страховщика³. Для страховщика – страховой организации дата уплаты страхового взноса (премии) непосредственно определяет момент признания дохода для налога на прибыль. Согласно ст. 330 Налогового кодекса РФ вся сумма взноса признается доходом на дату возникновения ответственности перед страхователем, которая совпадает с моментом вступления договора в силу после уплаты. Следовательно, обязанность исчислить налог возникает с даты получения первого платежа, независимо от условий рассрочки по договору. Для организации-страхователя расход в виде страхового взноса признается в налоговом учете в периоде его фактической уплаты. В зависимости от условий договора (разовый платеж или рассрочка) затраты списываются равномерно в течение соответствующего периода действия договора. При этом дата уплаты первого взноса определяет начало отсчета срока договора для расчета лимита, в рамках которого такие расходы могут быть приняты в уменьшение налогооблагаемой прибыли.

Таким образом, правовая неопределенность момента уплаты страхового взноса через СБП порождает две ключевые проблемы. Во-первых, в сфере гражданских правоотношений приводит к неясности в определении момента вступления договора страхования в силу, что, в свою очередь, ставит под сомнение начало действия страховой защиты и ответственности страховщика при наступлении страхового случая. Во-вторых, возникают сложности с налоговым учетом: страховщик и страхователь могут по-разному определять дату дохода и расхода. Указанные пробелы в регулировании обуславливают необходимость оперативного установления единого подхода уполномоченными государственными органами.

Представляется обоснованным издать совместное информационное письмо Банка России и Минфина России о применении единого подхода к определению момента уплаты страховой премии при расчетах через СБП. В указанном документе целесообразно закрепить, что для целей ст. 957 ГК РФ и ст. 330 НК РФ моментом уплаты страхового взноса надлежит считать дату зачисления денежных средств на корреспондентский счет страховщика. Выбранный способ правового регулирования обусловлен его способностью оперативно разрешить существующую неопределенность и унифицировать практику, не прибегая к длительной процедуре изменения кодексов. Он обеспечивает системное согласование норм гражданского и налогового права в условиях эволюции платежных сервисов.

¹ Следует различать разные аспекты понятия неопределенности: правовая неопределенность, в контексте которой обозначена проблема в рамках настоящей работы, и финансовая неопределенность в контексте вероятности неблагоприятного исхода тех или иных событий, связанных с деятельностью участников финансовых правоотношений (прежде всего, ввиду рисков). В науке справедливо отмечается, что государство проводит активную политику по снижению фактора финансовой неопределенности в сфере финансового рынка. См.: К вопросу о финансовой неопределенности / М. К. Бородавина [и др.] // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 1. С. 77–79.

² См., например: Комплексные правила страхования банковских карт № 43.7 ООО СК «Сбербанк страхование». URL: <https://online.sberbankins.ru/store/any-cases-online/assets/documents/Свод%20правил.pdf> (дата обращения: 12.01.2026); Правила страхования гражданской ответственности физических лиц СПАО «Ингосстрах». URL: https://www.ingos.ru/Upload/2019/insurance-rules/kb/pravila_go_fl.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

³ Письма Минфина России от 16 сентября 2016 г. № 03-03-06/1/54205, от 23 августа 2021 г. № 03-03-06/1/67715, от 20 марта 2024 г. № 03-03-06/2/25109.

В заключение важно отметить необходимость постоянной гармонизации правового регулирования с технологическими реалиями современных платежных систем, что обеспечит устойчивость страхового рынка в условиях цифровизации.

Список литературы

- Белых В. С. Договор страхования: понятие, признаки, виды // Гражданское право. 2015. № 5. С. 3–8.
- Дедиков С. В. Существенные условия договора страхования // Судья. 2015. № 4. С. 15–18.
- К вопросу о финансовой неопределенности / М. К. Бородавина [и др.] // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 1. С. 75–84. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(1).75-84.
- Овчинникова Ю. С. Правовая природа страховой премии: основные черты // Право и экономика. 2017. № 8. С. 37–42.
- Островская Н. Б., Гудкова М. В. Актуальные проблемы национального денежного суверенитета Российской Федерации в условиях цифровизации мировой экономики и санкционного режима // Современный миропорядок и цифровая реальность: правовые новации национального денежного обращения и вопросы обеспечения финансового суверенитета России: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2024. С. 99–102.
- Пастушенко Е. Н., Земцова Л. Н., Мацюпа К. В. Приоритеты финансово-правовой политики в стратегических документах Центрального банка Российской Федерации (Банка России) в сфере цифровизации российского финансового рынка // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11. № 2. С. 124–132.
- Хромченко М. Д. Финансово-правовое регулирование системы быстрых платежей // Юридическое образование и наука. 2024. № 12. С. 40–44. DOI: 10.18572/1813-1190-2024-12-40-44.
- Червань Л. А. К вопросу о вступлении договора страхования в силу // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2009. № 3. С. 36–39.

References

- Belikh V. S. (2015) Dogovor strakhovaniya: ponyatie, priznaki, vidy [Insurance contract: concept, features, types]. In *Grazhdanskoe pravo*, no. 5, pp. 3–8.
- Borodavina M. K., et al. (2020) K voprosu o finansovoi neopredelennosti [On the issue of financial uncertainty]. In *Pravoprimenie*, vol. 4, no. 1, pp. 75–84, DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(1).75-84.
- Chervan' L. A. (2009) K voprosu o vstuplenii dogovora strakhovaniya v silu [On the issue of the entry into force of the insurance contract]. In *Vestnik OmGU. Ser.: Pravo*, no. 3, pp. 36–39.
- Dedikov S. V. (2015) Sushchestvennyye usloviya dogovora strakhovaniya [Essential terms of the insurance contract]. In *Sud'ya*, no. 4, pp. 15–18.
- Khromchenko M. D. (2024) Finansovo-pravovoe regulirovanie sistemy bystrykh platezhei [Financial and Legal Regulation of the Fast Payment System]. In *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, no. 12, pp. 40–44, DOI: 10.18572/1813-1190-2024-12-40-44.
- Ostrovskaya N. B., Gudkova M. V. (2024) Aktual'nye problemy natsional'nogo denezhnogo suvereniteta Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh tsifrovizatsii mirovoi ekonomiki i sanktsionnogo rezhima [Current problems of the national monetary sovereignty of the Russian Federation in the context of digitalization of the global economy and sanctions regime]. In *Sovremennyyi miroporyadok i tsifrovaya real'nost': pravovye novatsii natsional'nogo denezhnogo obrashcheniya i voprosy obespecheniya finansovogo suvereniteta Rossii: sbornik nauchnykh trudov*. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii, pp. 99–102.
- Ovchinnikova Yu. S. (2017) Pravovaya priroda strakhovoi premii: osnovnyye cherty [Legal nature of the insurance premium: main features]. In *Pravo i ekonomika*, no. 8, pp. 37–42.
- Pastushenko E. N., Zemtsova L. N., Matsiupa K. V. (2024) Prioritety finansovo-pravovoi politiki v strategicheskikh dokumentakh Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii (Banka Rossii) v sfere tsifrovizatsii rossiiskogo finansovogo rynka [Priorities of financial and legal policy in the strategic documents of the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) in the field of digitalization of the Russian financial market]. In *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*, vol. 11, no. 2, pp. 124–132.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.10.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ ЛИЦА, ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аникина Марина Сергеевна

Аспирант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-0983-9828, e-mail: anikina97@mail.ru.

Буквальное толкование п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ позволяет говорить, что уголовное судопроизводство защищает не столько потерпевших как участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), сколько потерпевших от преступлений физических и юридических лиц. В свою очередь, защита прав и законных интересов этих лиц может быть реализована через иные процессуальные статусы. В статье обосновывается существование множественности процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, которая в рамках уголовного судопроизводства проявляется сразу в нескольких формах. Утверждается, что защита прав и законных интересов лица может осуществляться до вынесения постановления о признании его потерпевшим, в том числе через процессуальный статус заявителя. Самостоятельно анализируются отличия процессуального статуса частного обвинителя от процессуального статуса потерпевшего по делам публичного обвинения, а также соотношение процессуальных статусов частного и государственного обвинителя. Обосновывается важность гармонизации и развития указанных процессуальных статусов в рамках уголовного судопроизводства. Отдельно в статье рассматривается проблема совмещения процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого. Автор приходит к выводу, что наличие у лица процессуального статуса обвиняемого по одному уголовному делу в отдельных случаях предполагает необходимость признания его потерпевшим по другому уголовному делу.

Ключевые слова: множественность процессуальных статусов, потерпевший, заявитель, частный обвинитель, обвиняемый

Для цитирования: Аникина М. С. Множественность процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 56–64. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_56.

THE MULTIPLICITY OF PROCEDURAL STATUSES OF A VICTIM OF A CRIME

Anikina Marina

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-0983-9828, e-mail: anikina97@mail.ru.

A literal interpretation of paragraph 1 of part 1 of Art. 6 of the Code of Criminal Procedure suggests that criminal proceedings protect not so much victims as participants in criminal proceedings (part 1 of Art. 42 of the Code of Criminal Procedure), but rather individuals and organizations who are victims of crimes. In turn, the protection of the rights and legitimate interests of these persons can be implemented through other procedural statuses. The article substantiates the existence of a multiplicity of procedural statuses of a victim of a crime, which, in the framework of criminal proceedings, manifests itself in several forms. It is argued that the protection of a person's rights and legitimate interests can be carried out before a criminal case is initiated and a decision is made to recognize a person as a victim, in particular, through the applicant's procedural status. The correlation of the procedural statuses of a private prosecutor and a victim in cases of public and private-public prosecution,

as well as the procedural statuses of a private and public prosecutor, is independently analyzed. The importance of harmonization and development of these procedural statuses in the framework of criminal proceedings is substantiated. Separately, the article discusses the problem of combining the procedural statuses of the victim and the accused. The author concludes that a person's procedural status as an accused in one criminal case in some situations implies the need to recognize him as a victim in another criminal case.

Key words: multiplicity of procedural statuses, victim, applicant, private prosecutor, accused

*For citation: Anikina M. (2026) The multiplicity of procedural statuses of a victim of a crime. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 56–64, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_56.*

Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Буквальное толкование указанной нормы права позволяет предположить, что уголовное судопроизводство призвано защищать права и законные интересы не только и не столько потерпевших как прямо поименованных участников уголовного судопроизводства, признанных таковыми в установленном законом порядке, сколько непосредственно лиц и организации, потерпевших от преступлений. Представляется, что именно такое понимание назначения уголовного судопроизводства законодатель заложил в текст отечественного уголовно-процессуального закона, основанного на Конституции РФ (ч. 1 ст. 1 УПК РФ).

Так, по мнению председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, в ст. 52 Конституции РФ понятие «потерпевший» «не только и не столько означает известную процессуальную фигуру в уголовном правосудии, а восходит к более широкому международному правовому понятию жертвы»¹. Иными словами, понятие потерпевшего в его международно-правовом и конституционно-правовом смысле изначально гораздо шире этого же понятия в уголовном судопроизводстве.

Проблема соотношения этих понятий до сих пор вызывает вопросы на практике. Так, по мнению российских высших судебных органов, лицо является потерпевшим с момента причинения ему вреда преступлением. В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указано, что «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им».

Аналогичного мнения придерживается Конституционный Суд РФ, который в п. 5 постановления от 13 июня 2019 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова» отмечает, что «лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим».

Представляется, что Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ в указанных постановлениях говорят о потерпевшем в самом широком, конституционно-правовом смысле. Некоторая неопределенность в этом вопросе вызвана также тем, что Конституционный Суд РФ, упоминая потерпевшего в своих решениях, использует разные понятия. В частности, «потерпевший», «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления»². Поэтому определить, когда речь идет о потерпевшем в уголовно-процессуальном смысле, можно только исходя из контекста.

Так или иначе, потерпевший как участник уголовного судопроизводства появляется только после вынесения постановления о признании лица потерпевшим и реали-

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 485.

² См., например: абз. 3 п. 2 постановления Конституционного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко».

зовывать соответствующие процессуальные права и обязанности может не раньше этого момента. Именно поэтому в п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М. В. Золотарева и В. В. Фроловой» (далее – постановление № 26-П) уточняется, что «для реализации всей полноты процессуальных возможностей потерпевшего требуется официальное придание лицу такого статуса». Таким образом, утверждение, что потерпевший является таковым в силу самого факта причинения ему вреда преступлением, с процессуальной точки зрения видится несколько декларативным. Вместе с тем это не означает, что защита прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, может быть реализована только после получения этого процессуального статуса.

Процессуальный статус потерпевшего, безусловно, предоставляет лицу наиболее широкий перечень процессуальных прав и гарантий при производстве по уголовному делу, что, по мнению ряда авторов, обусловлено наличием у него самостоятельных интересов в уголовном деле¹. Однако ни одно лицо, потерпевшее от преступления, не получает этот статус автоматически. По смыслу ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании лица потерпевшим не может быть принято раньше возбуждения уголовного дела. По мнению Т. И. Ширяевой, «законодательная неурегулированность вопроса о процессуальном статусе такого лица в условиях существующей формы уголовного судопроизводства не позволяет получить допуск к участию в нем до момента возбуждения уголовного дела, то есть на максимально раннем его этапе, в связи с чем не может быть признана удовлетворяющей потребностям современного общества»². Соглашаясь с приведенным выше мнением, отметим, что с процессуальной точки зрения недопустимо, чтобы у лица, потерпевшего от преступления, отсутствовал процессуальный статус, поскольку в таком случае оно не сможет полноценно принимать участие в уголовном судопроизводстве и защищать свои права и законные интересы.

Функция защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в настоящее время ни на одного участника уголовного судопроизводства напрямую не возложена. Более того, в классической теории процессуальных функций функция защиты, существование которой обусловлено наличием такого свойства уголовно-процессуальной деятельности, как состязательность, необходима для полного или частичного отрицания подозрения или обвинения³. Получается, что фактически функцию защиты прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, реализует сам потерпевший и в отдельных случаях его законный представитель и (или) представитель.

Вместе с тем полагаем, что защита прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, может быть реализована и через другие процессуальные статусы, в частности через процессуальный статус заявителя. Кроме того, после возбуждения уголовного дела такая защита может осуществляться через процессуальный статус гражданского истца, а по делам частного обвинения – через процессуальный статус частного обвинителя.

Это процессуальное явление позволяет говорить о существовании *множественности процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления*, которая в рамках уголовного судопроизводства проявляется в самых разных формах, в том числе в последовательной смене процессуального статуса заявителя на процессуальный статус потерпевшего или в совмещении одним лицом нескольких процессуальных статусов.

Наличие множественности процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, обусловлено, с одной стороны, необходимостью обеспечения своевременной защиты прав и законных интересов такого лица на стадии возбуждения уголовного дела, а с другой – важностью реализации полноценной защиты. Несмотря на

¹ Сумин А. А., Химичева О. В. О достаточности процессуальных прав потерпевшего в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 46.

² Ширяева Т. И. О процессуальном статусе лиц, потерпевших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 130.

³ Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. С. 71.

то что в данной статье самостоятельно не рассматриваются варианты трансформации процессуальных статусов лиц, которые не являются лицами, потерпевшими от преступления, можно говорить о том, что множественность процессуальных статусов – это процессуальное явление, свойственное уголовному судопроизводству в целом.

В п. 10 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г.) совершенно справедливо отмечено: «...гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших от преступлений к правосудию в целях защиты своих прав и законных интересов». Представляется, что данное утверждение обуславливает возможность федерального законодателя устанавливать такой порядок защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, который обеспечивал бы их защиту на любой стадии уголовного судопроизводства.

В современном уголовно-процессуальном законе уже есть предпосылки к реализации защиты прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, не связанные с возбуждением уголовного дела и наделением лица процессуальным статусом потерпевшего. Так, ч. 1 ст. 144 УПК РФ обязывает соответствующих должностных лиц принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня его поступления. Стоит также отметить, что согласно ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ разумный срок уголовного судопроизводства для потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, включает период со дня подачи заявления о преступлении, а не со дня возбуждения уголовного дела.

В ст. 144 УПК РФ перечислены и другие процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, которые связаны в том числе с правами, обязанностями и ответственностью заявителя. Вместе с тем, по мнению отдельных авторов, «отсутствие в уголовно-процессуальном законе единого понимания заявителя и заинтересованного лица как лиц, которым причинен вред преступлением, отсутствие закрепления их правового статуса приводит к тому, что у данных лиц фактически отсутствует реальная возможность защищать свои права»¹. Речь, в частности, идет о необходимости развития процессуальных статусов лиц, которые нуждаются в защите и фактически участвуют в уголовно-процессуальной деятельности, но к участникам уголовного судопроизводства по смыслу раздела II УПК РФ не относятся.

Защита прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, до возбуждения уголовного дела действительно тесно связана с процессуальным статусом заявителя, которого, как правило, к участникам уголовного судопроизводства не относят. При этом, на наш взгляд, заявитель является участником уголовного судопроизводства сразу по нескольким причинам.

Во-первых, действия заявителя порождают процессуальные последствия. В частности, подача им заявления обязывает проводить проверку сообщения о преступлении, которая может напрямую влиять на права и обязанности лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. В свою очередь, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ч. 6 ст. 141 УПК РФ).

Во-вторых, участник уголовного судопроизводства – это лицо, принимающее участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Если исходить из содержания уголовно-процессуального закона, заявитель принимает участие в уголовно-процессуальной деятельности (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

В-третьих, несмотря на то что заявитель не назван в разделе II УПК РФ как участник уголовного судопроизводства, его права и обязанности обозначены сразу в нескольких статьях уголовно-процессуального закона (ст. 141, 144, 145, 146, 148 УПК РФ). Иными словами, заявителя можно отнести к участникам уголовного судопроизводства с неполным процессуальным статусом².

¹ Буфетова М. Ш., Гаврилов А. Д. Актуальные вопросы ознакомления заявителя и заинтересованного лица с материалами доследственной проверки и материалами уголовного дела // Адвокатская практика. 2025. № 1. С. 5.

² Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2022. С. 45.

Процессуальное положение заявителя в системе других участников уголовного судопроизводства является одним из самых сложных, поскольку после подачи заявления о преступлении заявитель потерпевшим может и не стать. Более того, необходимо различать заявителя как участника уголовного судопроизводства с неполным процессуальным статусом и как термин для обозначения лица, подающего заявление или жалобу, который в уголовно-процессуальном законе употребляется достаточно часто.

Вместе с тем заявитель как участник уголовного судопроизводства не подменяет собой потерпевшего, поэтому предоставлять ему значительную часть процессуальных прав и гарантий последнего нет необходимости. Особенно учитывая тот факт, что на момент проверки сообщения о преступлении могут отсутствовать достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Так, в п. 2 определения Конституционного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 1455-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дорохина Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 и частью второй статьи 159 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» совершенно верно отмечено: «...учитывая особенность стадии возбуждения уголовного дела, направленной лишь на установление повода и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, лица, участвующие в ней, обладают особым статусом, не предполагающим безусловное предоставление прав сторон уголовного судопроизводства». При этом защита прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, должна осуществляться до возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании его потерпевшим. Как верно отмечает О. С. Морозова, «процессуальные возможности необходимы заявителю, независимо от его перспективного процессуального статуса, именно на момент подачи заявления о преступлении, но не после возбуждения уголовного дела»¹.

Ученые-процессуалисты в своих исследованиях предлагают наделить заявителя правом знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении, правом давать показания, правом представлять доказательства, правом заявлять ходатайства и отводы, а также некоторыми иными правами, схожими с правами потерпевшего². Как было отмечено ранее, в предоставлении заявителю прав потерпевшего нет необходимости во избежание слияния этих процессуальных статусов. Кроме того, многие из перечисленных выше процессуальных прав могут быть реализованы только после возбуждения уголовного дела, в то время как заявитель зачастую появляется до этого момента. Вместе с тем представляется, что в контексте значимости защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, существующий неполный процессуальный статус заявителя требует дополнения. В частности, у потерпевшего есть право ходатайствовать о применении мер безопасности (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Полагаем, что такое право должно быть и у заявителя. В настоящее время согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ обеспечение безопасности участника досудебного производства, в том числе при приеме сообщения о преступлении, является правом, а не обязанностью соответствующих должностных лиц. Аналогичная ситуация складывается и с объяснениями заявителя. Существующий порядок рассмотрения сообщения о преступлении предполагает право дознавателя, органа дознания, следователя или руководителя следственного органа получать объяснения (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Вместе с тем очевидно, что объяснения заявителя на стадии возбуждения уголовного дела выступают ключевыми источниками сведений о фактах, которые имеют значение, в том числе при принятии решения о возбуждении уголовного дела.

Порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения тоже предполагает наличие заявителя, но непродолжительный период времени. Процессуальный статус заявителя по делам частного обвинения во многом отличается от этого же статуса по делам публичного обвинения. Так, на заявителя по делам частного обвинения возложена обязанность надлежащим образом составить заявление о преступлении (ч. 5 ст. 318 УПК РФ). Кроме того, именно заявитель предупреждается об уголовной ответ-

¹ Морозова О. С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 2. С. 273.

² Новиков В. Н. Профессиональное (адвокатское) представительство заявителя и потерпевшего на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. С. 13.

ственности за заведомо ложный донос и именно ему разъясняется право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление (ч. 6 ст. 318 УПК РФ). Ограничен и круг лиц, которые могут быть заявителями по делам частного обвинения (потерпевший или его законный представитель, близкий родственник).

Несмотря на то что по смыслу ч. 1 ст. 43 УПК РФ частным обвинителем является лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения, фактически лицо, потерпевшее от преступления, получает процессуальный статус частного обвинителя только после принятия такого заявления судом к производству (ч. 7 ст. 318 УПК РФ). Таким образом, уголовное дело частного обвинения возбуждается не путем подачи заявления потерпевшим (его законным представителем, близким родственником), а путем принятия такого заявления мировым судьей¹. Упрощенный порядок производства по уголовным делам частного обвинения призван обеспечивать наиболее оперативный доступ граждан к правосудию, однако на практике до сих пор возникают проблемы, которые связаны с несвоевременной защитой прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, и получением ими процессуального статуса частного обвинителя.

Например, в постановлении от 28 марта 2024 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой» Конституционный Суд РФ пришел к выводу о возможности применения института процессуальной аналогии, когда принятие районным судом к производству и рассмотрение им уголовных дел частного обвинения о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, осуществляется по правилам производства по уголовным делам, подсудным мировому судье. Основаниями для такого вывода стали обстоятельства дела Г. И. Баскаковой.

Из материалов дела следовало, что заявительница неоднократно требовала привлечь к уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость») бывшего супруга, который ранее за нанесение побоев уже подвергался административному наказанию. Однако за два года она так и не смогла получить процессуальный статус частного обвинителя.

Сначала отказ в возбуждении уголовного дела частного обвинения был обоснован несоблюдением формальных требований уголовно-процессуального закона (отсутствием сведений о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, и списка свидетелей, которых необходимо вызвать в суд), а также указанием на то, что обязательным признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, выступает факт привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в отношении именно того лица, которое является заявителем о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 116.1 УК РФ. Затем районный суд сослался на то, что дела указанной категории подлежат возбуждению дознавателем и могут быть рассмотрены районным судом по существу только после проведения дознания и направления уголовного дела с обвинительным актом в суд. В итоге из-за истечения сроков давности уголовного преследования возобновить уголовное производство по делу частного обвинения по заявлению гражданки Г. И. Баскаковой стало невозможно.

Вывод Конституционного Суда РФ о допустимости применения института процессуальной аналогии при рассмотрении уголовных дел частного обвинения районным судом, безусловно, положительно скажется на правоприменительной практике в будущем. Вместе с тем очевидно, что формальный подход судов к применению уголовно-процессуального закона до сих пор создает препятствия для защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений.

Несмотря на то что частный обвинитель – это, по существу, потерпевший по делам частного обвинения, на него фактически возложено гораздо больше процессуальных обязанностей, нежели на потерпевшего по делам публичного и частно-публичного обвинения. Так, частный обвинитель самостоятельно поддерживает обвинение и представляет доказательства по уголовному делу (исключение составляет ч. 2 ст. 319

¹ Белкин А. Р. Тонкости и недомолвки производства у мирового судьи // Мировой судья. 2020. № 8. С. 5.

УПК РФ). Непредставление доказательств частным обвинителем, в том числе по причине отсутствия у него юридического образования, зачастую становится основанием для вынесения оправдательного приговора. Кроме того, неявка частного обвинителя без уважительных причин влечет за собой прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Вместе с тем к уточнению процессуального статуса частного обвинителя следует подходить особенно внимательно, поскольку предоставление этому участнику уголовного судопроизводства дополнительных процессуальных прав не во всех случаях решает возникающие на практике вопросы. Например, участие в судебном заседании представителя частного обвинителя не всегда является гарантией представления стороной обвинения доказательств, которые могут быть положены в основу обвинительного приговора¹. Что касается неявки частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин как основания для прекращения уголовного дела, то К. Б. Калиновский считает, что однократная неоправданная неявка частного обвинителя не должна расцениваться в качестве самостоятельного и самодостаточного основания для прекращения дела².

Дополнительно частный обвинитель наделен отдельными правами государственного обвинителя (ч. 2 ст. 43 УПК РФ), однако соотношение двух этих процессуальных статусов вызывает вопросы. В частности, нереализуемой с практической точки зрения выглядит ч. 4 ст. 246 УПК РФ, которая предусматривает возможность замены одного частного обвинителя другим (если только речь не идет о процессуальном правопреемстве частного обвинителя в случае его смерти при производстве по уголовному делу). Также неясно, при каких условиях на практике может быть реализована ч. 6 ст. 246 УПК РФ, которая предполагает предъявление или поддержание частным обвинителем предъявленного по уголовному делу гражданского иска, если этого требует охрана прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Таким образом, процессуальный статус частного обвинителя как один из нескольких процессуальных статусов, направленных на защиту прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, также требует уточнения.

Предпосылкой появления множественности процессуальных статусов, прежде всего, является необходимость полноценной защиты прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, на всех стадиях уголовного судопроизводства. Вместе с тем множественность процессуальных статусов лица в некоторых ситуациях может создать проблемы на практике. Речь, в частности, идет о случаях совмещения одним лицом процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого.

В 2023 г. такой случай был рассмотрен Конституционным Судом РФ. Согласно материалам дела, изложенным в упомянутом ранее постановлении № 26-П, в отношении несовершеннолетней М. В. Золотаревой было возбуждено уголовное дело по признакам покушения на преступление, предусмотренное п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В свою очередь, в отношении Б. как лица, предположительно вовлекшего М. В. Золотареву в совершение преступления, было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 150 УК РФ. Таким образом, М. В. Золотарева, будучи обвиняемой по одному уголовному делу, должна была быть признана потерпевшей по другому, связанному с первым.

Однако потерпевшей по уголовному делу, возбужденному в отношении Б., ее не признали на основании того, что объектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, выступает не личность несовершеннолетнего, а совокупность общественных отношений в сфере государственной политики по реализации прав и законных интересов семьи и ребенка, а сведения о том, что Б. применял к М. В. Золотаревой насилие или угрозы, отсутствовали. В итоге суд оправдал Б. по обвинению в вовлечении несовершеннолетнего в совершение особо тяжкого преступления (ч. 4 ст. 150 УК РФ).

Что касается уголовного дела, возбужденного в отношении самой М. В. Золотаревой, то при его рассмотрении суд не затрагивал вопрос о влиянии Б. на совершение

¹ Поликашина О. В. Непредставление доказательств частным обвинителем по уголовным делам частного обвинения влечет постановление оправдательного приговора // Мировой судья. 2023. № 1. С. 16.

² Калиновский К. Б. Бездействие частного обвинителя по поддержанию обвинения // Там же. 2023. № 5. С. 30.

ею преступления. Таким образом, отсутствие у М. В. Золотаревой процессуальных прав стороны обвинения в уголовном деле, возбужденном в отношении Б., фактически лишило ее возможности участвовать в доказывании факта ее вовлечения Б. в совершение преступления, ссылаться на свои показания в качестве потерпевшей и, как следствие, претендовать на назначение ей более мягкого наказания.

Конституционный Суд РФ в п. 5 рассматриваемого постановления совершенно справедливо отметил, что «несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления любым способом, в том числе не связанным с применением к нему физического или психического принуждения, во всяком случае становится жертвой (потерпевшим в уголовно-правовом смысле) самостоятельного преступного посягательства со стороны взрослого». Фактически это означает, что несовершеннолетний в аналогичных случаях может совмещать процессуальные статусы потерпевшего и обвиняемого. Множественность процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, в таких ситуациях обусловлена взаимосвязью и взаимозависимостью нескольких преступлений.

Рассмотрение такого процессуального явления, как множественность процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, позволило в рамках данной статьи прийти к следующим выводам.

1. Назначением уголовного судопроизводства выступает защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а не потерпевших как участников уголовного судопроизводства, признанных таковыми в установленном законом порядке (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Иное понимание назначения уголовного судопроизводства на практике может повлечь ограничение прав и законных интересов лиц, которые не получили соответствующий процессуальный статус.

2. Фактически защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, реализуется только через процессуальный статус потерпевшего (в отдельных случаях через процессуальный статус представителя и (или) законного представителя потерпевшего), поскольку именно этому участнику уголовного судопроизводства законом предоставлен наиболее широкий спектр процессуальных прав и гарантий. Вместе с тем защита прав и законных интересов таких лиц может быть реализована через другие процессуальные статусы.

3. Существование множественности процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, объясняется в том числе необходимостью обеспечения своевременной защиты прав и законных интересов этого лица. Реализация такой защиты до возбуждения уголовного дела нередко связана со статусом заявителя, который по смыслу раздела II УПК РФ к участникам уголовного судопроизводства не относится. Вместе с тем заявителя при наличии определенных условий можно причислить к участникам уголовного судопроизводства с неполным процессуальным статусом.

4. Лицо, потерпевшее от преступления, может совмещать процессуальные статусы потерпевшего и обвиняемого, что создает объяснимые проблемы на практике. В частности, такое совмещение процессуальных статусов возможно при производстве по уголовному делу о совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), в случае, когда уголовное дело о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления и уголовное дело о преступлении, в которое несовершеннолетний был вовлечен, рассматриваются в суде одновременно.

Список литературы

Белкин А. Р. Тонкости и недомолвки производства у мирового судьи // Мировой судья. 2020. № 8. С. 3–10.

Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 96 с.

Буфетова М. Ш., Гаврилов А. Д. Актуальные вопросы ознакомления заявителя и заинтересованного лица с материалами доследственной проверки и материалами уголовного дела // Адвокатская практика. 2025. № 1. С. 2–7.

Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2022. 347 с.

Калиновский К. Б. Бездействие частного обвинителя по поддержанию обвинения // Мировой судья. 2023. № 5. С. 28–33.

Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.

Морозова О. С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 2. С. 263–273.

Новиков В. Н. Профессиональное (адвокатское) представительство заявителя и потерпевшего на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. 25 с.

Поликашина О. В. Непредставление доказательств частным обвинителем по уголовным делам частного обвинения влечет постановление оправдательного приговора // Мировой судья. 2023. № 1. С. 13–16.

Сумин А. А., Химичева О. В. О достаточности процессуальных прав потерпевшего в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 41–46.

Ширяева Т. И. О процессуальном статусе лиц, потерпевших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 130–132.

References

Belkin A. R. (2020) Tonkosti i nedomolvki proizvodstva u mirovogo sud'i [Subtleties and omissions of the proceedings of the judges of the peace]. In *Mirovoi sud'ya*, no. 8, pp. 3–10.

Bozrov V. M. (2012) *Osnovy teorii ugolovno-protsessual'nykh funktsii. Obshchaya chast'* [Fundamentals of the theory of criminal procedural functions. The general part]. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 96 p.

Bufetova M. Sh., Gavrilov A. D. (2025) Aktual'nye voprosy oznakomleniya zayavitelya i zainteresovannogo litsa s materialami dosledstvennoi proverki i materialami ugolovnogogo dela [Topical issues of familiarization of the applicant and the interested person with the materials of the pre-investigation check and the materials of the criminal case]. In *Advokatskaya praktika*, no. 1, pp. 2–7.

Davletov A. A. (2022) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossiiskoi Federatsii: kurs lektsii* [Criminal proceedings of the Russian Federation: a course of lectures]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UrYul MVD Rossii, 347 p.

Kalinovskii K. B. (2023) Bezdeistvie chastnogo obvinatelya po podderzhaniyu obvineniya [Inaction of the private prosecutor to support the prosecution]. In *Mirovoi sud'ya*, no. 5, pp. 28–33.

Morozova O. S. (2024) Optimizatsiya sostava uchastnikov ugolovnogogo dosudebnogo proizvodstva [Optimization of the composition of participants in criminal pre-trial proceedings]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 263–273.

Novikov V. N. (2004) *Professional'noe (advokatskoe) predstavitel'stvo zayavitelya i poterpevshego na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Professional (lawyer) representation of the applicant and the victim at the pre-trial stages of criminal proceedings: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Voronezh, 25 p.

Polikashina O. V. (2023) Nepredstavlenie dokazatel'stv chastnym obvinitelem po ugolovnym delam chastnogo obvineniya vlechet postanovlenie opravdatel'nogo prigovora [Failure to provide evidence by a private prosecutor in criminal cases of private prosecution entails an acquittal]. In *Mirovoi sud'ya*, no. 1, pp. 13–16.

Shiryayeva T. I. (2015) O protsessual'nom statuse lits, poterpevshevik ot prestuplenii, v stadii vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela [On the procedural status of victims of crimes at the stage of initiation of criminal proceedings]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 20, pp. 130–132.

Sumin A. A., Khimicheva O. V. (2021) O dostatochnosti protsessual'nykh prav poterpevshego v ugolovnom protsesse [On the sufficiency of the procedural rights of the victim in the criminal process]. In *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, no. 2, pp. 41–46.

Zor'kin V. D. (Ed.) (2013) *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Norma, INFRA-M, 1040 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2026_1_65

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОТ БИОЭТИЧЕСКОЙ ДИЛЕММЫ К МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Верховинина Лилия Владимировна

Соискатель кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0007-9639-2684, e-mail: verlilya58055@gmail.com.

Развитие трансплантологии во второй половине XX – начале XXI в. ознаменовало собой качественно новый этап в эволюции биомедицинских технологий и одновременно поставило перед международным сообществом ряд комплексных правовых проблем, требующих системного межгосударственного урегулирования. На протяжении десятилетий международно-правовая регламентация в данной области развивалась фрагментарно, отражая несовпадение правовых систем, культурных традиций и национальных интересов. Вместе с тем в международном сообществе постепенно формируется устойчивое осознание необходимости унификации подходов к трансплантационной деятельности, основанной на уважении человеческого достоинства, приоритете прав человека и принципе недопустимости эксплуатации тела и его частей в коммерческих целях. Наряду с социальными и этическими аспектами, трансплантация органов, тканей и клеток человека порождает необходимость решения принципиальных вопросов международного публичного права, включая определение правовой природы трансплантации, формулирование единых понятий и подходов к определению объектов трансплантации, а также соотнесение трансплантации с правом на здоровье как фундаментальным правом человека, признанным в универсальных и региональных актах. Цель настоящего исследования состоит в выявлении и систематизации ключевых международно-правовых проблем, возникающих в связи с трансплантацией органов, тканей и клеток человека, а также в постановке научной задачи по формированию целостной концепции международно-правового регулирования в данной сфере. Предполагается, что такая концепция должна основываться на балансе между суверенными интересами государств и необходимостью обеспечения единых стандартов правовой защиты личности в сфере трансплантологии.

Ключевые слова: международное право, право на здоровье, трансплантация органов, биомедицинское право, международно-правовое регулирование, объекты трансплантации

Для цитирования: Верховинина Л. В. Трансплантация в системе прав человека: от биоэтической дилеммы к международно-правовой концепции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 65–75. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_65.

TRANSPLANTATION IN THE HUMAN RIGHTS SYSTEM: FROM A BIOETHICAL DILEMMA TO AN INTERNATIONAL LEGAL CONCEPT

Verkhovinina Liliia

Applicant, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0007-9639-2684, e-mail: verlilya58055@gmail.com.

The development of transplantation in the second half of the XX and early XXI century marked a qualitatively new stage in the evolution of biomedical technologies and

at the same time posed a number of complex legal challenges requiring systemic intergovernmental regulation. For decades international legal regulation in this area evolved in a fragmented manner, reflecting disparities among legal systems, cultural traditions and national interests. Nevertheless, the international community has been gradually forming a stable understanding of the need to unify approaches to transplantation practices based on respect for human dignity, the primacy of human rights and the principle of inadmissibility of the commercial exploitation of the human body and its parts. Alongside its social and ethical dimensions, the transplantation of human organs, tissues and cells necessitates addressing fundamental issues of public international law, including the definition of the legal nature of transplantation, the development of common concepts and classifications of transplant objects and the correlation between transplantation and the right to health as a fundamental human right recognized in universal and regional instruments. The aim of this research is to identify and systematize key international legal issues arising in connection with the transplantation of human organs, tissues and cells, as well as to formulate a scientific task of developing a coherent international legal regulatory concept in this field. It is proposed that such a concept should be based on a balance between the sovereign interests of states and the need to ensure uniform standards of legal protection of individuals in the sphere of transplantation.

Key words: international law, right to health, organ transplantation, biomedical law, international legal regulation, objects of transplantation

*For citation: Verkhovina L. (2026) Transplantation in the human rights system: from a bio-ethical dilemma to an international legal concept. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 65–75, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_65.*

Современная трансплантология, зародившаяся в середине XX в., продемонстрировала беспрецедентные темпы развития. От первых экспериментальных операций она стремительно эволюционировала в высокоэффективную клиническую практику. В 1954 г. американским хирургом Дж. Мюрреем была выполнена первая успешная трансплантация почки. В 1963 г. Т. Старлз (США) впервые предпринял попытку пересадки печени, а уже через несколько лет были успешно выполнены трансплантации сердца (К. Барнард, 1967, ЮАР), легких (Дж. Харди, 1963, США), а также сердечно-легочного комплекса (Д. Кули, 1968, США)¹. Европейская трансплантологическая практика развивалась синхронно. В 1968 г. хирургом Р. Калном была проведена первая пересадка печени². К началу 1980-х гг. трансплантационные центры США и Европы демонстрировали стабильные клинические результаты. К 2000 г. общее число пересадок печени в мире достигло 100 000, а пятилетняя выживаемость пациентов после трансплантации к рубежу XXI в. достигала 75–80 %³. Это ознаменовало устойчивое вхождение трансплантации в систему высокоэффективной медицинской помощи. Данные достижения, являясь следствием научного прогресса, одновременно стали источником сложных правовых и этических вопросов, требующих осмысления в международно-правовой плоскости.

В первую очередь, трансплантация как форма высокотехнологичной медицинской помощи затронула фундаментальные принципы международно-правовой защиты прав человека, прежде всего право каждого индивида на здоровье. Право индивида на здоровье изначально принадлежит к группе неотъемлемых естественных прав и свобод человека, сопровождающих его жизнедеятельность, и представляет собой значимое достижение межгосударственного сотрудничества в социальной и медицинской сфере⁴. Следует подчеркнуть, что на протяжении десятилетий право на здо-

¹ Трансплантология и искусственные органы: учеб. / под ред. С. В. Готье. М.: Лаборатория знаний, 2019. С. 21–22.

² Там же. С. 21.

³ Ашимов И. А. Этические кредо трансплантации органов: концепты и комментарии. М.: Изд. решения, 2024. С. 1. Разд. 1. URL: <https://mybook.ru/author/ia-ashimov/eticheskie-kredo-transplantacii-organov-koncepty-i-reader/> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴ Ястребова А. Ю., Гуляева Е. Е. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 102.

ровые критиковалось за избыточную неопределенность и отсутствие четких правовых механизмов его реализации¹. Выделяются три формулировки, часто встречающиеся в англоязычной литературе и нормативных актах: «право на здоровье», «право на уход за здоровьем» и – реже – «право на защиту здоровья»². При этом термин «право на защиту здоровья» (*right to protection of health*) в международно-правовой доктрине, а также в некоторых нормативных актах все чаще заменяется на «право на охрану здоровья», поскольку он охватывает более широкий спектр государственных обязательств, направленных на создание условий для поддержания здоровья, в то время как «право на защиту здоровья» понимается как более ограниченная обязанность государства предотвращать посягательства третьих лиц на здоровье индивида³. Как отмечает Р. Эббинг, в доктринальной плоскости термин «право на уход за здоровьем» является более юридически значимым, поскольку предполагает наличие конкретного субъекта ответственности – государства – и, следовательно, может быть предметом правового требования со стороны индивида, так как существует законная обязанность государства оказывать медицинскую помощь⁴. В то же время именно выражение «право на здоровье» в настоящее время получило наибольшее распространение как в практике международных органов, так и в правовых позициях государств. Б. Тобес настаивает, что данное понятие, во-первых, наилучшим образом соответствует терминологии ключевых международных соглашений; во-вторых, охватывает более широкий спектр обязанностей государства, включая не только оказание медицинской помощи, но и обеспечение базовых условий, необходимых для сохранения здоровья⁵.

Наиболее полное и содержательное определение данного права содержится в ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (далее – МПЭСКП)⁶, которая закрепляет обязанность государств-участников признавать право каждого человека на «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». Впоследствии Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) в Замечании общего порядка № 14 (2000)⁷ конкретизировал содержание указанного положения, определив две ключевые составляющие этого права: с одной стороны, обеспечение своевременного, доступного и качественного медицинского обслуживания, с другой – наличие базовых социально-экономических условий, позволяющих создать условия для здоровой жизни, включая доступ к чистой воде, качественному питанию, условиям труда, жилищу, безопасной окружающей среде и гигиене. Такой подход связывает право на здоровье с социально-экономическими и экологическими детерминантами.

Отметим также, что в Замечании общего порядка № 14 Комитетом подчеркивается, что право на здоровье не следует понимать как право быть здоровым. Содержание данного права не предполагает юридического обязательства государства обеспечить каждому фактическое состояние здоровья, свободное от заболеваний, включая те, которые по современным медицинским меркам считаются неизлечимыми. Вместо этого право на здоровье следует рассматривать как правовое притязание на создание государством совокупности условий – материальных, институциональных, организационных и экологических, – необходимых для поддержания и восстановления здоровья. Речь идет о праве каждого пользоваться доступными, качественными и безопасными медицинскими услугами, учреждениями и сопутствующей инфраструктурой,

¹ Fidler D. Neither Science Nor Shamans: Globalization of Markets and Health in the Developing World // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1999. Vol. 7. № 1. P. 214.

² Тобес Б. Право на здоровье: теория и практика / пер. с англ. М. Кротова и др.; ред. Л. Скуратовская. М.: Устойчивый мир, 2001. Гл. I. Разд. 4.1. URL: http://yakov.works/libr_min/19_t/ob/es_01.htm (дата обращения: 30.07.2025).

³ Там же. Гл. I. Разд. 4.3.

⁴ Приводится по: Там же. Гл. I. Разд. 4.1.

⁵ Там же. Гл. I. Разд. 4.2.

⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.).

⁷ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000): Право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). 11 августа 2000 г., E/C.12/2000/4.

а также иными факторами, обеспечивающими достойное существование и благоприятные предпосылки для охраны здоровья.

При этом, несмотря на широкую практику включения права на здоровье в универсальные и региональные международные договоры, его реализация по-прежнему остается предметом активных научных дискуссий как в теоретико-доктринальном, так и в прикладном измерении. Ряд исследователей подчеркивает, что осмысление права на здоровья требует отхода от абстрактных правовых конструкций и должно основываться на анализе конкретных ситуаций его применения¹. В этом контексте акцент смещается на эмпирический подход, предполагающий выявление содержания данного права через практику международных соглашений, судебных прецедентов, а также сквозь призму развивающейся доктрины прав человека.

Особую значимость в данном контексте приобретает проблема правовой природы трансплантации. Следует определить, рассматривается ли трансплантация исключительно как средство реализации права на здоровье либо она формирует самостоятельный объект международно-правового регулирования. С одной стороны, трансплантация обеспечивает сохранение жизни и восстановление здоровья, а значит, может пониматься как средство реализации права индивида на «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», закрепленного в ст. 12 МПЭСКП и детализированного в Замечании общего порядка № 14. С этой точки зрения государства обязаны создавать условия для доступа к трансплантационным технологиям в рамках своих обязательств в сфере охраны здоровья. С другой стороны, трансплантация сопряжена с рядом уникальных биоэтических и правовых проблем, особенно в случае живого донорства. Факт хирургического вмешательства в организм донора, сопряженного с рисками и потенциальным ущербом его здоровью, порождает сложный вопрос о соотношении права реципиента на здоровье с правом донора на неприкосновенность личности и физическую целостность. Учитывая, что причинение вреда здоровью донора происходит в отсутствие прямых медицинских показаний и осуществляется на основании добровольного информированного согласия, возникает ситуация, которую традиционные модели реализации права на здоровье не способны однозначно охватить и разрешить.

В последние годы в международной правовой доктрине прослеживается тенденция к формированию концепции так называемых соматических прав. В международном праве эта категория обычно обозначается как «защита прав человека в сфере биоэтики» или «права человека и развитие биологии и медицины»². Под соматическими правами понимаются права, которые гарантируют индивиду свободу и контроль над своим собственным телом. Некоторые исследователи выделяют такие производные категории, как телесная неприкосновенность (*bodily integrity*)³ и морфологическая свобода (*morphological freedom*)⁴. Морфологическая свобода рассматривается как философско-правовая предпосылка формирования морфологических прав. Морфологические права представляют собой развитие идеи телесного суверенитета, охватывающее не только право индивида распоряжаться своим телом, но и право на его трансформацию в соответствии с субъективными представлениями и стремлениями⁵. Что касается права на телесную неприкосновенность, Европейский Суд по правам человека в своей практике неоднократно подчеркивал, что медицинское вмешательство вопреки воле субъекта непременно является вмешательством в физическую неприкосновенность личности⁶. Ю. И. Турянский также относит трансплантацию к новому поколению прав, вытекающих из достижений биомедицины, –

¹ Тобес Б. Указ. соч. Гл. I. Разд. 5.2.

² Абашидзе А. А., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 70–72.

³ Herring J., Wall J. The Nature and Significance of the Right to Bodily Integrity // The Cambridge Law Journal. 2017. Vol. 76. № 3. P. 567.

⁴ Fuller S. Morphological Freedom and the Question of Responsibility and Representation in Transhumanism // Confero: Essays on Education, Philosophy and Politics. 2016. Vol. 4. № 2. P. 33.

⁵ Sandberg A. Morphological Freedom: Why We Not Just Want it, but Need It // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology and Philosophy of the Human Future / ed. by M. More, N. Vita-More. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 56.

⁶ Glass v. the United Kingdom, no. 61827/00, judgment of 9 March 2004, § 70 // HUDOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-61663> (дата обращения: 30.07.2025).

прав на тело и автономное распоряжение им, включая более широкий контекст прав, возникающих в связи с развитием генной инженерии, репродуктивных технологий и других биотехнологий¹. В научной литературе вопросы трансплантации все чаще рассматриваются через призму личной идентичности и телесного самосознания².

Вместе с тем в современной международно-правовой системе концепция соматических прав не получила самостоятельного нормативного закрепления. Положения, касающиеся телесной и генетической неприкосновенности, воплощены в ряде норм, входящих в структуру уже существующих и признанных прав человека: право на здоровье (ст. 12 МПЭСКП), право на частную жизнь (ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод³), право на достоинство (преамбула и ст. 1 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины⁴ (далее – Конвенция о правах человека и биомедицине)), запрет эксплуатации тела и его частей (ст. 21 Конвенции о правах человека и биомедицине, ст. 21–22 Дополнительного протокола к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения⁵ (далее – Дополнительный протокол № 186)). Вследствие этого трансплантация в международном праве рассматривается не как проявление отдельного, нового поколения прав, а преимущественно как особая форма реализации уже существующего права на здоровье.

Таким образом, несмотря на наличие этико-правовых коллизий, связанных преимущественно с правовым статусом донора и пределами допустимого вмешательства в его телесную целостность, представляется методологически обоснованным рассматривать трансплантационную помощь не как самостоятельное субъективное право, а как специфическую форму реализации уже признанного в международном праве права на здоровье. Трансплантация органов, тканей и клеток человека выступает в данном контексте как один из высокотехнологичных методов оказания медицинской помощи, обеспечивающий достижение «наивысшего достижимого уровня здоровья» – цели, провозглашенной в ст. 12 МПЭСКП. Более того, трансплантация как способ медицинского вмешательства, направленного на продление жизни, восстановление утраченных функций организма и обеспечение достойного качества жизни, входит в состав позитивных обязательств государств по обеспечению доступности, качества и безопасности медицинской помощи. Следовательно, реализация права на трансплантационную помощь выступает неотъемлемой частью исполнения государствами своих обязанностей в сфере охраны здоровья населения⁶. Таким образом, право на трансплантацию следует трактовать как средство реализации права на здоровье, с учетом особого статуса данной медицинской технологии, сопряженной с биоэтическими рисками, необходимостью добровольного согласия и межличностного характера оказания помощи. Отсюда вытекает необходимость развития комплексного правового регулирования, обеспечивающего баланс между интересами реципиента, потребность которого в трансплантации обусловлена угрозой жизни или тяжелым страданием, и правами донора, чье участие и согласие должны основываться на полном информировании, свободе воли и недопущении какой-либо формы эксплуатации.

Наряду с вопросами правовой квалификации трансплантации, существенную озабоченность вызывает сохраняющаяся фрагментарность международно-правового регулирования и отсутствие универсального договора, отражающего согласованную позицию международного сообщества. К числу ключевых международных актов, ре-

¹ Турянський Ю. І. Соматичні права як новітня юридична категорія // Право і суспільство. 2020. № 1. С. 112.

² Svenaeus F. Organ Transplantation and Personal Identity: How Does Loss and Change of Organs Affect the Self? // The Journal of Medicine and Philosophy. 2012. Vol. 37. № 2. P. 139.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) (в ред. Протоколов № 1 от 20 марта 1952 г., № 4 от 16 сентября 1963 г., № 7 от 22 ноября 1984 г.). Прекратила действие для России с 16 марта 2022 г. (Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ).

⁴ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г., открыта для подписания в Овьедо 4 апреля 1997 г.).

⁵ Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения ETS № 186 (Страсбург, 24 января 2002 г.).

⁶ Mehta D., Saksena N., Mittal Y. Organ Transplant Law: Assessing Compatibility with the Right to Health. New Delhi: The Vidhi Centre for Legal Policy, 2017. P. 1.

гулирующих трансплантационную деятельность, относятся Конвенция о правах человека и биомедицине, Дополнительный протокол № 186, Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации (2010)¹ (далее – Директива ЕС о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации), Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (2000)². Кроме того, важную роль играют нормы «мягкого права» международных организаций, в частности Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (2010)³, Резолюция Всемирной медицинской ассоциации по вопросам поведения врачей при осуществлении трансплантации человеческих органов (1994)⁴ и Декларация Всемирной медицинской ассоциации о трансплантации человеческих органов (1987)⁵.

Биоэтические принципы, применяемые в трансплантологии, получили официальное правовое оформление в Конвенции о правах человека и биомедицине. В этом документе закреплены основные положения современной биоэтики: «делай благо», «не навреди», «принцип уважения автономии пациента»⁶, конфиденциальности и информированного согласия. Значимость Конвенции как единственного международного нормативного правового акта в данной сфере обусловлена острой необходимостью преодоления фрагментарности и несогласованности национальных законодательств в области трансплантации, с перспективой их дальнейшей унификации⁷. Отсутствие унифицированного международного правового акта в сфере трансплантации обусловлено прежде всего сложностью достижения согласия по базовым этико-правовым принципам в условиях культурной, религиозной и правовой разнородности государств. Вместе с тем трансплантация как особая форма медицинского вмешательства, обладающая высоким этическим потенциалом риска, требует выработки согласованных международных правовых подходов. Создание универсального международного договора требует широкой международной дискуссии, в которой должны быть учтены как правовые, так и этические, культурные, религиозные особенности различных регионов мира. Без формирования единой международной позиции по базовым вопросам трансплантации невозможно обеспечить надлежащую защиту человеческого достоинства, предотвратить злоупотребления и гарантировать доступность трансплантационных вмешательств как средства реализации права на здоровье. Международное право, находясь на этапе институционального становления в этой области, должно перейти от декларативности к конкретике, от фрагментарности к системности, от рекомендательных положений к юридически обязывающим нормам с действенными механизмами реализации и контроля.

Следующим значимым вопросом, требующим международно-правового осмысления, является отсутствие всеобъемлющего, юридически точного и концептуально выверенного определения понятия трансплантации, способного охватить все актуаль-

¹ Директива 2010/45/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 7 июля 2010 г. о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации.

² Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН).

³ Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (утверждены на 63-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 21 мая 2010 г., резолюция WHA63.22).

⁴ Резолюция по вопросам поведения врачей при осуществлении трансплантации человеческих органов (принята на 46-й Всемирной медицинской ассамблее, Стокгольм, сентябрь 1994 г.).

⁵ Декларация о трансплантации человеческих органов (принята на 39-й Всемирной медицинской ассамблее, Мадрид, октябрь 1987 г.).

⁶ Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Биоэтика: принципы, правила, проблемы / отв. ред. и сост. Б. Г. Юдин; науч. ред. В. Н. Игнатъев. М.: Эдиториал УРСС, 1998. Ч. I. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/bio/eti/ka/bioetika/index.htm> (дата обращения: 30.07.2025).

⁷ Лапаева В. В. Международное регулирование отношений в сфере биомедицины: взаимодействие права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 26.

ные формы и практики в данной сфере. Несмотря на широкое признание трансплантации как важного направления медицинской практики, международные правовые акты до сих пор не содержат дефиниции, которая бы соответствовала современным достижениям биомедицины и правовой доктрины.

Первой попыткой нормативного закрепления понятия трансплантации на международно-правовом уровне стал Дополнительный протокол № 186. В нем под трансплантацией понимается «полный процесс удаления органа или ткани у одного лица и имплантации этого органа или ткани другому лицу» (ст. 2). Однако данная формулировка обладает рядом методологических и терминологических недостатков. Во-первых, она исключает из сферы правового регулирования такие аспекты, как трансплантация клеток, ауто трансплантация (пересадка органов или тканей в пределах одного организма) и ксенотрансплантация (пересадка между различными биологическими видами). Во-вторых, использование термина «имплантация» без его нормативного толкования порождает правовую неопределенность, а сама формулировка носит тавтологический характер, не раскрывая сущности трансплантации как медицинского вмешательства, направленного на функциональное приживление трансплантата.

Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) также предпринимала попытки выработки подходов к определению трансплантации. В 2009 г. ВОЗ разработала Глобальный глоссарий терминов и определений по донорству и трансплантации, в соответствии с которым под трансплантацией понимается «перенос (приживление) человеческих клеток, тканей или органов от донора к реципиенту с целью восстановления функций организма. В случаях, когда трансплантация осуществляется между разными видами, например, от животного к человеку, такая процедура называется ксенотрансплантацией»¹. Следует подчеркнуть, что указанное определение имеет рекомендательный характер, не обладает статусом юридически обязывающего акта и не порождает обязательств для государств, ограничиваясь рамками этических и технических стандартов.

Отсутствие единообразного подхода к определению трансплантации характерно не только для международного права, но и для национального законодательства. Так, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека»² под трансплантацией понимает «замещение у реципиента путем проведения медицинского вмешательства отсутствующих или поврежденных органов и (или) тканей человека, не способных выполнять свои жизненно важные функции, органами и (или) тканями человека, полученными в результате забора органов». Вместе с тем предлагаемая дефиниция опирается на концепт «замещения» утраченных или поврежденных органов и тканей, что не вполне корректно с медицинской точки зрения. В частности, при трансплантации почки донорский орган, как правило, не заменяет нефункционирующую почку, а лишь дополняет или компенсирует ее утраченные функции³. Кроме того, в Законе Республики Беларусь отсутствует упоминание о возможности трансплантации клеток, а также межвидовой трансплантации (ксенотрансплантации), которая уже получила научное и клиническое признание.

В российском законодательстве терминология также имеет свои особенности. Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»⁴ оперирует лишь понятием «пересадка органов и тканей человека», не разграничивая его с иными смежными медицинскими вмешательствами и не раскрывая его содержания. Это, в свою очередь, порождает неопределенность в правоприменении, затрудняет квалификацию соответствующих медицинских вмешательств и препятствует формированию четких правовых ориентиров в сфере трансплантации.

¹ Global glossary of terms and definitions on donation and transplantation. World Health Organization. 2009. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/WHO-HTP-EHT-CPR-2009.01> (дата обращения: 30.07.2025).

² Закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-З «О трансплантации органов и тканей человека» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H19700028> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Is Kidney Transplantation for you? Information for patients. Leeds Teaching Hospitals NHS Trust. URL: <https://www.leedsth.nhs.uk/patients/resources/is-kidney-transplantation-for-you/> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴ Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 (ред. от 1 мая 2022 г.) «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Современная юридическая доктрина также не выработала единого подхода к определению трансплантации. В научной литературе встречаются различные, порой противоречивые интерпретации.

Так, ряд исследователей (например, Е. Г. Афанасьева) трактуют трансплантацию преимущественно как «медицинскую операцию по замене больной части человеческого организма здоровой частью, взятой из того же или из другого организма»¹. Однако данная дефиниция отличается избыточной узостью, поскольку не охватывает формы трансплантации, в которых наличие «больной части» не является обязательным. Речь идет, в частности, о переливании крови и ее компонентов, трансплантации репродуктивных материалов (включая оплодотворенные яйцеклетки), стволовых клеток, а также о вмешательствах, направленных на косметическую коррекцию или общее улучшение физиологического состояния организма.

Другие ученые определяют трансплантацию как «процесс замены поврежденных или утраченных органов путем пересадки таких же органов, взятых из здоровых организмов того же вида»². Однако такое понимание исключает из правового поля трансплантацию тканей и клеток, а также не охватывает случаи, когда пересадка осуществляется не с целью замещения утраченного органа, а для восстановления либо поддержания функций. Более того, подобные определения априори ограничивают трансплантацию взаимодействием между представителями одного и того же биологического вида, что вступает в противоречие с современными практиками ксенотрансплантации, получающей все более широкое распространение как в клинической, так и в исследовательской практике. В то же время в современной научной мысли формируются более комплексные подходы. В частности, в дефиниции, предложенной Н. Е. Крыловой, в объект трансплантации включаются не только органы и ткани, но и клетки, а также предполагается наличие цели – от спасения жизни до улучшения ее качества³. Однако и в этом случае остается вне внимания ключевой признак трансплантации как медицинского вмешательства – необходимость интеграции трансплантата в организм реципиента, без которой процедура не достигает своей медицинской или терапевтической цели.

В условиях отсутствия универсально признанного международно-правового определения трансплантации, а также на фоне значительных расхождений в национальных правовых порядках и научной доктрине возникает объективная необходимость выработки точной, юридически релевантной и концептуально обоснованной дефиниции. Такая дефиниция будет иметь не только теоретическое, но и практическое значение, выступая основой для нормотворчества, правоприменения и обеспечения реализации права на здоровье в контексте международного сотрудничества. Во-первых, такая дефиниция должна соответствовать актуальному уровню развития биомедицинских технологий и учитывать современные тенденции в области медицинского права, включая признание трансплантации клеток, возможность ауто трансплантации, ксенотрансплантации, а также применение биоинженерных материалов. Во-вторых, определение трансплантации должно обладать юридической определенностью, т. е. быть пригодным для нормативного закрепления в международных договорах и для унифицированного правоприменения в различных государствах. В этом контексте целесообразно рассматривать трансплантацию как особый вид медицинского вмешательства, заключающийся в изъятии органов, тканей (в том числе крови и ее компонентов) или клеток (включая биоинженерные и искусственно созданные органы, ткани или клетки) у биологического донора (человека или иного организма), живого или посмертного, с последующей пересадкой другому организму либо в пределах одного организма, направленной на приживление трансплантата с целью спасения жизни, восстановления, замещения или поддержания утраченных функций, улучшения качества жизни либо проведения научных, клинических или экспериментальных исследований.

¹ Афанасьева Е. Г. Донор и реципиент перед лицом закона: зарубежный опыт // Современное медицинское право в России и за рубежом: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам и др.; редкол.: О. Л. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. М.: ИНИОН, 2003. С. 286.

² Кузнецов Д. В., Короткова К. А. Этические аспекты трансплантологии // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 5. С. 598.

³ Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Юрист, 2006. С. 36.

Наряду с неопределенностью понятийного аппарата, заслуживает внимания и проблема отсутствия консолидированного международно-правового подхода к определению предмета регулирования трансплантации, что проявляется в нечеткости и фрагментарности регулирования ее объектов. Как на уровне международных актов, так и в рамках национальных правовых порядков наблюдаются значительные расхождения в трактовке того, какие именно биологические материалы подлежат правовому регулированию. В качестве объектов могут выступать органы, ткани (в том числе кровь и ее компоненты), клетки (в том числе стволовые), репродуктивные и эмбриональные материалы, а также иные биологические субстраты, включая, например, волосы и ногти. Так, законодательство Германии в сфере трансплантации исключает из сферы регулирования ткани, взятые для обратной пересадки в ходе одного хирургического вмешательства, а также кровь и ее компоненты, тогда как швейцарское правовое регулирование в данной области не распространяется на искусственные и умерщвленные органы, кровь (за исключением стволовых клеток), продукты с ее добавлением и репродуктивные материалы в контексте вспомогательных репродуктивных технологий¹. Однако четкой, универсально признанной классификации или перечня объектов трансплантации, охватываемых международной правовой защитой, до настоящего времени так и не выработано.

Ни один действующий конвенционный международный акт не содержит системного перечня трансплантируемых биоматериалов, подлежащих правовому регулированию. В ряде международных документов предмет регулирования ограничен исключительно трансплантацией органов человека. В других актах к органам добавляются ткани и в отдельных случаях – клетки. Еще менее определенно рассматривается возможность правового регулирования трансплантации человеческой крови и ее компонентов как особой разновидности соединительной ткани, трансплантации эмбриональных и репродуктивных органов, тканей и клеток человека, а также ксенотрансплантации². Следует отметить, что на национальном уровне вопросы, связанные с трансплантацией эмбриональных и репродуктивных материалов, а также ксенотрансплантацией, зачастую являются предметом острых этико-правовых и религиозных дискуссий. Различия в подходах отдельных государств затрудняют достижение международного консенсуса в данной области.

Эта неоднородность особенно заметна при анализе ключевых международных актов, регулирующих вопросы трансплантации. Так, Дополнительный протокол № 186 закрепляет, что он не распространяет свое действие на репродуктивные органы и ткани, эмбриональные органы и ткани, а также кровь и ее производные (ст. 2). Протокол также ничего не упоминает про возможность трансплантации отдельных клеток человека, например стволовых. Таким образом, из правового поля исчезает целая область хирургических операций по изъятию и пересадке клеток. Сходным образом Директива ЕС о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации, в рамках ограниченного предмета регулирования не охватывает трансплантацию крови и ее компонентов, а также не регулирует пересадку органов, тканей и клеток животного происхождения. Это свидетельствует о том, что даже в рамках регионального законодательства, ориентированного на гармонизацию стандартов, сохраняются существенные пробелы, связанные с предметом регулирования. Отсутствие комплексного правового регулирования объектов трансплантации создает значительные сложности с точки зрения правовой определенности и защиты прав как доноров, так и реципиентов.

Учитывая изложенное, следует констатировать, что вопросы правовой природы трансплантации, формулирования универсального понятийного аппарата и определения допустимых объектов трансплантологии остаются одними из ключевых в процессе формирования согласованного международно-правового регулирования в данной области. В условиях стремительного развития биомедицинских технологий именно эти базовые категории требуют особого внимания, поскольку от их правовой

¹ Епанчина М. П. Зарубежное законодательство о трансплантации человеческих органов и тканей (на примере Германии, Швейцарии и Аргентины) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2012. № 55. С. 114, 119.

² Hawthorne W. J. Ethical and legislative advances in xenotransplantation for clinical translation: focusing on cardiac, kidney and islet cell xenotransplantation // Front Immunol. 2024. Vol. 15. Art. 1355609. P. 6.

определенности напрямую зависит эффективность всей системы нормативного взаимодействия государств.

Современное международное право, несмотря на наличие отдельных универсальных и региональных актов, по-прежнему не предлагает целостного и унифицированного подхода к трансплантации как правовой категории. В этом контексте особую значимость приобретает задача по построению теоретически целостной, научно обоснованной международно-правовой концепции трансплантации, основанной на уважении человеческого достоинства, признании телесной целостности и приоритете прав человека.

Список литературы

Абашидзе А. А., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 69–82.

Афанасьева Е. Г. Донор и реципиент перед лицом закона: зарубежный опыт // Современное медицинское право в России и за рубежом: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам и др.; редкол.: О. Л. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. М.: ИНИОН, 2003. С. 286–298.

Ашимов И. А. Этические кредо трансплантации органов: концепты и комментарии. М.: Изд. решения, 2024. 330 с.

Епанчина М. П. Зарубежное законодательство о трансплантации человеческих органов и тканей (на примере Германии, Швейцарии и Аргентины) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2012. № 55. С. 113–122.

Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Юрист, 2006. 320 с.

Кузнецов Д. В., Короткова К. А. Этические аспекты трансплантологии // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 5. С. 598.

Лапаева В. В. Международное регулирование отношений в сфере биомедицины: взаимодействие права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 22–44.

Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Биоэтика: принципы, правила, проблемы / отв. ред. и сост. Б. Г. Юдин; науч. ред. В. Н. Игнатъев. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 472 с.

Трансплантология и искусственные органы: учеб. / под ред. С. В. Готье. М.: Лаборатория знаний, 2019. 320 с.

Тобес Б. Право на здоровье: теория и практика / пер. с англ. М. Кротова и др.; ред. Л. Скура-товская. М.: Устойчивый мир, 2001. 370 с.

Турянский Ю. І. Соматичні права як новітня юридична категорія // Право і суспільство. 2020. № 1. С. 110–115.

Ястребова А. Ю., Гуляева Е. Е. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 99–121.

Fidler D. Neither Science Nor Shamans: Globalization of Markets and Health in the Developing World // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1999. Vol. 7. № 1. P. 191–224.

Fuller S. Morphological Freedom and the Question of Responsibility and Representation in Transhumanism // Confero: Essays on Education, Philosophy and Politics. 2016. Vol. 4. № 2. P. 33–45.

Hawthorne W. J. Ethical and legislative advances in xenotransplantation for clinical translation: focusing on cardiac, kidney and islet cell xenotransplantation // Front Immunol. 2024. Vol. 15. Art. 1355609. P. 1–11.

Herring J., Wall J. The Nature and Significance of the Right to Bodily Integrity // The Cambridge Law Journal. 2017. Vol. 76. № 3. P. 566–588.

Mehta D., Saksena N., Mittal Y. Organ Transplant Law: Assessing Compatibility with the Right to Health. New Delhi: The Vidhi Centre for Legal Policy, 2017. 60 p.

Sandberg A. Morphological Freedom: Why We Not Just Want it, but Need It // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology and Philosophy of the Human Future / ed. by M. More, N. Vita-More. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 56–64.

Svenaesus F. Organ Transplantation and Personal Identity: How Does Loss and Change of Organs Affect the Self? // The Journal of Medicine and Philosophy. 2012. Vol. 37. № 2. P. 139–158.

References

Abashidze A. A., Solntsev A. M. (2009) Novoe pokolenie prav cheloveka: somaticheskie prava [A new generation of human rights: somatic rights]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 69–82.

Afanas'eva E. G. (2003) Donor i retsiyent pered litsom zakona: zarubezhnyi opyt [Donor and recipient before the law: foreign experience]. In Dubovik O. L. (Ed.) *Sovremennoe meditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom*. Moscow, INION, pp. 286–298.

Ashimov I. A. (2024) *Eticheskie kredo transplantatsii organov: kontsepty i kommentarii* [Ethical credos of organ transplantation: concepts and comments]. Moscow, Izdatel'skie resheniya, 330 p.

Epanchina M. P. (2012) Zarubezhnoe zakonodatel'stvo o transplantatsii chelovecheskikh organov i tkanei (na primere Germanii, Shveitsarii i Argentiny) [Foreign legislation on the transplantation of human organs and tissues (based on the examples of Germany, Switzerland, and Argentina)]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Yuridicheskie nauki*, no. S5, pp. 113–122.

Fidler D. (1999) Neither Science Nor Shamans: Globalization of Markets and Health in the Developing World. In *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 191–224.

Fuller S. (2016) Morphological Freedom and the Question of Responsibility and Representation in Transhumanism. In *Confero: Essays on Education, Philosophy and Politics*, vol. 4, no. 2, pp. 33–45.

Hawthorne W. J. (2024) Ethical and legislative advances in xenotransplantation for clinical translation: focusing on cardiac, kidney and islet cell xenotransplantation. In *Front Immunol*, vol. 15, Art. 1355609, pp. 1–11.

Herring J., Wall J. (2017) The Nature and Significance of the Right to Bodily Integrity. In *The Cambridge Law Journal*, vol. 76, no. 3, pp. 566–588.

Krylova N. E. (2006) *Ugolovnoe pravo i bioetika: problemy, diskussii, poisk reshenii* [Criminal law and bioethics: issues, debates, search for solutions]. Moscow, Yurist, 320 p.

Kuznetsov D. V., Korotkova K. A. (2016) Eticheskie aspekty transplantologii [Ethical aspects of transplantation]. In *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii*, vol. 6, no. 5, p. 598.

Lapaeva V. V. (2019) Mezhdunarodnoe regulirovanie otnoshenii v sfere biomeditsiny: vzaimodeistvie prava i morali [International regulation of biomedical relations: interaction of law and morality]. In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 22–44.

Mehta D., Saksena N., Mittal Y. (2017) *Organ Transplant Law: Assessing Compatibility with the Right to Health*. New Delhi, The Vidhi Centre for Legal Policy, 60 p.

Sandberg A. (2013) Morphological Freedom: Why We Not Just Want it, but Need It. In More M., Vita-More N. (Eds.) *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology and Philosophy of the Human Future*. Chichester, Wiley-Blackwell, pp. 56–64.

Svenaesus F. (2012) Organ Transplantation and Personal Identity: How Does Loss and Change of Organs Affect the Self? In *The Journal of Medicine and Philosophy*, vol. 37, no. 2, pp. 139–158.

Tishchenko P. D., Yudin B. G. (1998) *Bioetika: printsipy, pravila, problemy* [Bioethics: principles, rules, problems]. Moscow, Editorial URSS, 472 p.

Toebe B. (2001) *Pravo na zdorov'e: teoriya i praktika* [The right to health: theory and practice], transl. by M. Krotov, et al., ed. by L. Skuratovskaya. Moscow, Ustoichivyi mir, 370 p.

Got'e S. V. (Ed.) (2019) *Transplantologiya i iskusstvennye organy: uchebnyk* [Transplantology and artificial organs: textbook]. Moscow, Laboratoriya znaniy, 320 p.

Turyans'kiy Yu. I. (2020) Somatichni prava yak novitnia yurydychna katehoriia [Somatic rights as a new legal category]. In *Pravo i suspil'stvo*, no. 1, pp. 110–115.

Yastrebova A. Yu., Gulyaeva E. E. (2021) Pravo na zdorov'e v sisteme mezhdunarodno-pravovoi zashchity prav cheloveka na universal'nom i regional'nom urovne [The right to health in the international human rights protection system at the universal and regional levels]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2, pp. 99–121.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2026_1_76

БЕЗДОГОВОРНОЕ ОСНОВАНИЕ ПЕРЕХОДА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ

Липин Семен Алексеевич

Адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0000-9686-7327, e-mail: semenlipin38@gmail.com.

Статья посвящена исследованию бездоговорного основания перехода исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности при обращении взыскания на имущество правообладателя. Данный механизм отличается от договорного отчуждения, так как исключает волю правообладателя при решении вопроса о переходе права, выборе правопреемника и определении условий перехода. Рассматривая влияние бездоговорного основания перехода исключительного права к другим лицам, автор приходит к выводу о существовании механизма правового регулирования обращения взыскания на имущество правообладателя. Целью статьи выступает выявление последствий включения законодателем условия о том, что при обращении взыскания на имущество правообладателя исключительное право переходит к другому лицу без заключения договора. На основе проведенного исследования обоснована структура механизма правового регулирования обращения взыскания на исключительные права. Автор настаивает на необходимости системного анализа правовых средств механизма независимо от отраслевого контекста – исполнительного или конкурсного производства. Делается вывод о том, что обращение взыскания на исключительные права как средство процессуального права имеет цель извлечения имущественной выгоды от перехода исключительного права к другому лицу, чем достигается и материально-правовая цель – сам переход права.

Ключевые слова: исключительные права, механизм правового регулирования, обращение взыскания, договор, банкротство, исполнительное производство

Для цитирования: Липин С. А. Бездоговорное основание перехода исключительного права и его влияние на механизм правового регулирования обращения взыскания // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 76–86. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_76.

NON-CONTRACTUAL BASIS FOR THE TRANSFER OF EXCLUSIVE RIGHTS AND ITS INFLUENCE ON THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF COLLECTION

Lipin Semyon

Adjunct, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0000-9686-7327, e-mail: semenlipin38@gmail.com.

The article is devoted to the study of non-contractual basis for the transfer of exclusive rights to the results of intellectual activity when foreclosing on the property of the copyright holder. This mechanism differs from contractual alienation, since it excludes the will of the copyright holder when deciding on the transfer of rights, choosing a successor and determining the terms of the transfer. Considering the influence of the non-contractual basis for the transfer of exclusive rights to other persons, the author comes to the conclusion about the existence of a structure of the mechanism of legal regulation of foreclosure on the property of the copyright holder. The purpose of the

study was to identify the consequences of the inclusion by the legislator of the condition that when foreclosing on the property of the copyright holder, the exclusive right is transferred to another person without concluding a contract. Based on the conducted study, the author substantiated the structure of the mechanism of legal regulation of foreclosure on exclusive rights. In conducting further research, the author insists on the need for a systematic analysis of the legal means of the mechanism, regardless of the industry context – enforcement or bankruptcy proceedings. It is concluded that foreclosure on exclusive rights as a means of procedural law has the purpose of deriving a property benefit from the transfer of the exclusive right to another person, which also achieves the substantive legal goal – the transfer of rights itself.

Key words: exclusive rights, mechanism of legal regulation, foreclosure, contract, bankruptcy, enforcement proceedings

*For citation: Lipin S. (2026) Non-contractual basis for the transfer of exclusive rights and its influence on the mechanism of legal regulation of collection. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 76–86, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_76.*

Введение

Договор, выполняя ключевую регулятивную функцию в гражданском праве, служит основным правовым средством согласования воли и интересов субъектов, закладывая тем самым фундамент их взаимодействия в имущественном обороте. Вместе с тем законодатель, вводя внедоговорные основания оборота имущественных благ, придает ему особый характер, сущностным признаком которого выступает отсутствие необходимости взаимного волеизъявления сторон.

Статья 1241 Гражданского кодекса РФ предусматривает возможность перехода исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности к другому лицу без заключения договора с правообладателем. Такой переход осуществляется в рамках обращения взыскания на имущество правообладателя. Примечательно, что законодатель, формулируя название статьи, специально подчеркивает особенность данного правового механизма – отсутствие необходимости в договорных отношениях с правообладателем при переходе исключительного права.

Обращение взыскания, являясь юридическим фактом, одной из форм отчуждения исключительного права¹, влечет его переход другому лицу. В данном случае возникает правопреемство – производное приобретение права, при котором субъективное право переходит от одного лица к другому без прямого волеизъявления правообладателя². По данному поводу уместно также сослаться на позицию Г. Ф. Шершеневича из теории правопреемства: «...преемник становится субъектом того самого права, субъектом которого состоял ранее его предшественник»³. Как правило, оборот исключительных прав осуществляется через договор об отчуждении, заключаемый правообладателем с контрагентом. Однако каково принципиальное различие между договорной формой отчуждения исключительного права и обращением взыскания при устранении законодателем договорной конструкции?

При анализе данного вопроса ключевое значение имеет тот факт, что переход исключительного права происходит помимо договора, т. е. без согласия правообладателя. В данном случае исключительное право переходит к новому обладателю, при автоматическом исключении правообладателя из числа субъектов, способных влиять на условия или последствия этого перехода. Интересно отметить, что право собственности лица также прекращается при обращении взыскания на имущество лица, однако в ст. 235 ГК РФ законодателем не делается аналогичного указания о бездоговорном переходе права.

¹ Петрова У. А. Формы перехода исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: правовые проблемы и перспективы развития // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 308.

² Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 201.

³ Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. М.: Статут, 2016. Т. 4. С. 542.

Договор как отражение воли и интереса правообладателя

Согласно ст. 420 ГК РФ договор представляет собой соглашение двух или более лиц, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Большинство правоведов рассматривают договор как воплощение автономии воли сторон, выражающей их намерение вступить в правоотношения.

Как отмечали еще римские юристы, воля (лат. *voluntas*) – это внутреннее намерение стороны, направленное на достижение конкретных юридических последствий¹. И. А. Покровский подчеркивает, что договор возникает только при совпадении волеизъявлений сторон, где каждая из них сознательно стремится к определенным правовым результатам².

Введенное законодателем бездоговорное основание перехода исключительно права к другим лицам фактически исключает волю правообладателя из процесса принятия решения об отчуждении исключительного права. В таких случаях переход права происходит вне зависимости от его желания, что противоречит классической договорной модели, основанной на согласовании интересов. В конструкции данной нормы четко прослеживается мысль Б. Б. Черепахиной: «Производное правоприобретение далеко не всегда основано на договоре с правопреемником. Даже не всегда оно имеет своим основанием волеизъявление последнего»³.

Договор может быть интерпретирован как отражение юридически значимых интересов, реализуемое через распоряжение исключительным правом. Договор, в свою очередь, служит основным инструментом согласования интересов частных лиц, позволяя сторонам адаптировать правоотношения к их индивидуальным потребностям.

«Интерес, – указывает философский словарь, – представляет собой порождение объективных социальных условий, определяющих соответствующую направленность воли и действия людей»⁴. Интерес – потребности, выступающие мотивацией поведения индивида⁵. В словаре Д. Н. Ушакова интерес описывается набором таких составляющих, как польза, смысл, выгоды, нужды⁶.

А. В. Ульянов в ходе исследования юридических интересов в системе гражданского права приходит к выводу о том, что интерес представляет собой осознанную потребность субъекта в конкретном благе, которая определяет волевой характер действий субъекта и цель данных действий⁷. Е. А. Цветкова при исследовании категории законного интереса в юридической науке трактует его как правомерное стремление субъекта, направленное на достижение цели посредством реализации как субъективных прав, так и иных правовых средств⁸.

Как отмечает Н. Д. Егоров, договор представляет собой правовое средство, в рамках которого удовлетворение интереса одной стороны объективно связано с удовлетворением интереса контрагента, формируя взаимозависимость обязательств⁹. Е. А. Суханов подчеркивает, что в условиях рыночного оборота собственник самостоятельно определяет судьбу имущества, а договор становится продуктом согласованной воли сторон, отражающим компромисс их экономических целей¹⁰.

Однако возникает вопрос: какие именно интересы могут быть предметом договорного регулирования? Ключ к ответу лежит в принципе свободы договора, допускающем включение в соглашение любых условий, не противоречащих закону: от спецификации предмета до механизмов распределения рисков.

¹ Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юристъ, 2001.

² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013.

³ Черепахин Б. Б. Указ. соч. С. 203.

⁴ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Респ.: Современник, 2009. С. 131.

⁵ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Степин (пред. совета) и др. М.: Мысль, 2010. Т. II.

⁶ Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: Дом Славянской кн., 2008.

⁷ Ульянов А. В. Юридические интересы в системе гражданского права // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 126.

⁸ Цветкова Е. А. Категория законного интереса в юридической науке // Там же. 2016. № 3. С. 45.

⁹ Гражданское право: учеб. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 2-е изд., перераб. и доп. Ч. 1. М.: Проспект, 1997. 600 с.

¹⁰ Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. II.

Само определение договора указывает на такое условие его действительности, как свободное волеизъявление сторон¹. Высший Арбитражный Суд РФ, выявляя содержание принципа свободы договора на основании ст. 431 ГК РФ, заключил, что граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора². О добровольности отчуждения права как критерии свободы договора упоминал Г. Ф. Шершеневич, говоря, что «отчуждение права есть добровольная уступка места активного субъекта определенному лицу. Субъект права сам намечает своего заместителя»³.

И. Г. Садовая, исследуя принцип свободы гражданско-правового договора в российском праве, делает вывод, что гражданско-правовые отношения основываются на принципе свободы договора, возможности участников правоотношений самостоятельно определять потребность в заключении договора, выбирать вид договора и согласовывать такие его условия, которые максимально отвечают их интересам⁴.

Как отмечает Н. Д. Егоров, сущность этого принципа раскрывается через систему правовых свобод: свобода выбора в заключении или отказе от заключения договора; свобода определения контрагента; свобода выбора вида договора; свобода в формировании условий договора⁵. Е. А. Суханов в своих трудах акцентирует: «Заключение договора и формирование его условий по общему правилу должны носить добровольный характер, основывающийся исключительно на соглашении сторон и определяемый их частными интересами». Ученый выделяет три ключевых аспекта свободы договора: свобода заключения договора; свобода выбора типа договора; свобода определения условий договора⁶.

Интерес как осознанная потребность в благе воплощается в договоре через волеизъявление сторон (выбор контрагента, вида договора, условий), что позволяет им достигать целей, оставаясь в рамках закона. Договор не только отражает, но и структурирует интересы, придавая им юридическую силу и социальную легитимность.

Возвращаясь к вопросу о смысле законодательного закрепления условия о бездоговорном переходе исключительного права при обращении взыскания на имущество правообладателя, мы можем говорить о том, что законодатель таким образом подчеркивает двойное ограничение правомочий лица, обладающего исключительным правом. Во-первых, правообладатель исключается из числа субъектов, способных распоряжаться исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности. Во-вторых, правообладатель лишается возможности определять условия такого отчуждения – объем прав, сроки, ограничения или вознаграждение, – что радикально противоречит принципу свободы договора.

Из этого следует, что метод правового регулирования процедуры обращения взыскания на имущество правообладателя имеет императивную природу. Законодатель, утверждая бездоговорный механизм перехода исключительного права к другим лицам без заключения договора с правообладателем, должен обеспечить учет возможных решений последнего в рамках правового регулирования данной процедуры.

Влияние условия о бездоговорном переходе исключительного права на механизм правового регулирования обращения взыскания

Обращение взыскания на исключительное право и его переход к иному субъекту не носят характера самоцели. По своей правовой природе обращение взыскания на исключительное право, как было отмечено ранее, представляет собой форму принудительного отчуждения данного права. Следует подчеркнуть, что договорная модель реализует преимущественно интересы правообладателя, действующего в рамках ав-

¹ Семякин М. Н. Частное право: философские и исторические основания и проблемы современной цивилистической доктрины: моногр. М.: Юрлитинформ, 2014. 440 с.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

³ Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 4. С. 543.

⁴ Садовая И. Г. Принцип свободы гражданско-правового договора в российском праве // Отечественная юриспруденция. 2017. № 10. С. 14.

⁵ Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. С. 600.

⁶ Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. II. С. 165–177.

тономии воли. В связи с этим требует пояснения функциональное назначение механизма обращения взыскания.

Опосредованный характер перехода исключительного права обусловлен инструментальной функцией института обращения взыскания. В соответствии с положениями ГК РФ обращение взыскания формально направлено на реализацию материально-правовой цели – прекращение права у первоначального правообладателя и его переход к новому субъекту. Однако в процессуальном аспекте (в рамках исполнительного или конкурсного производства) данный механизм приобретает иную функциональную нагрузку. Его непосредственной задачей становится не сам переход права, а извлечение имущественной ценности из исключительного права.

Таким образом, переход исключительного права выступает не самостоятельной целью, а производным элементом процедуры. Процессуальные механизмы (исполнительное производство, конкурсное производство) подчиняют указанную материально-правовую цель решению задач процессуальных. Это позволяет утверждать, что переход исключительного права в рамках обращения взыскания носит вторичный характер по отношению к процессуальным целям, выступая необходимым условием для достижения экономического эффекта – извлечения стоимости из исключительного права¹.

Легальное определение обращения взыскания на имущество должника, содержащееся в ч. 1 ст. 69 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), представляет его как последовательную форму принудительного отчуждения, состоящую из двух ключевых этапов: изъятия имущества и его последующей реализации. Данный алгоритм неизбежно ставит перед нами проблему: можно ли рассматривать формальную последовательность стадий, предписанную законом, как механизм правового регулирования в теоретическом смысле? Дискуссионным остается вопрос о том, какое содержание несет в себе сам механизм правового регулирования (далее – МПР).

Ряд ученых, исследуя МПР в рамках инструментальной концепции, определяют его в общих чертах как совокупность правовых средств, обеспечивающих достижение цели. Е. В. Матвеева приходит к выводу о том, что под правовым механизмом понимается «совокупность нормативно закрепленных инструментов, направленных на достижение поставленной правовой цели»². Разграничивая понятия «правовой режим» и «правовой механизм», А. А. Долгополов пишет о последнем как о сугубо инструментальной субстанции, особом «наборе» нескольких правовых инструментов³.

Другая группа ученых придерживается процессуально-динамического подхода, делая акцент на МПР как на упорядоченном процессе реализации правовых норм. Например, профессор В. Б. Исаков рассматривает МПР в виде технологической схемы правового регулирования: «...зная механизм, юрист может представить себе, какие звенья пройдет процесс воплощения нормы права в жизнь, какие остановки и сбои могут произойти в этом процессе»⁴. А. Д. Селюков, расширяя инструментальный аспект до управленческого процесса, понимал МПР как урегулированный нормами права комплекс управленческих отношений по применению методов, инструментов, правил⁵.

Общепризнанное определение МПР было разработано в рамках системного подхода. Классическое для отечественной науки определение профессора С. С. Алексеева трактует МПР как «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения»⁶. Как точно подчеркивает А. П. Семитко, изучавший научное творчество

¹ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2008.

² Матвеева Е. В. Правовой механизм реализации экологических прав граждан в России и Германии: вопросы терминологии // Экологическое право. 2010. № 2. С. 23.

³ Долгополов А. А. Теоретические основы административно-правовых режимов в сфере оборота оружия и взрывчатых веществ // Российский следователь. 2005. № 8. С. 43.

⁴ Исаков В. Б. Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. С. 266.

⁵ Селюков А. Д. Финансово-правовые механизмы государственного управления // Финансовое право. 2010. № 7. С. 2.

⁶ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 30.

С. С. Алексеева, взятая в единстве совокупность правовых средств обладает особым качеством, единством¹. Иными словами, система приобретает качество эмерджентности, т. е. обладает теми свойствами, которые отсутствуют у ее элементов по отдельности.

В данном исследовании мы будем придерживаться понимания механизма правового регулирования как системы правовых средств, посредством которых обеспечивается достижение целей, предписанных законом.

Стоит также остановиться на том, чем достигаются правовые цели. Проблема определения правовых средств является прежде всего общетеоретической. Сам термин «средство» обозначает прием, способ действия для достижения чего-либо²; то, что служит какой-либо цели, необходимо для достижения, осуществления чего-либо³.

Как отмечал С. С. Алексеев, вопрос правовых средств – это вопрос «их функционального предназначения, их роли как инструментов оптимального решения социальных задач. Во всех случаях перед нами фрагменты правовой действительности, рассматриваемые под углом зрения их функций...». Под правовыми средствами С. С. Алексеев понимал «объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовать потенциал права, его силу»⁴.

По мнению А. В. Малько, правовые средства представляют собой «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установления) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей». Продолжая анализировать правовые акты, А. В. Малько говорит, что «юридические средства нужно устанавливать в законодательстве в более последовательном режиме, ибо та или иная их система составляет алгоритм решения задачи». Так или иначе, правовое средство призвано служить в качестве связующего звена между целью, для которой оно было введено, и результатом, достигаемым после применения этого средства⁵.

Как мы видим, переход исключительного права к другому лицу и извлечение выгоды из такого перехода являются межотраслевой целью обращения взыскания на имущество правообладателя. В связи с этим необходимо выделить правовые средства, интегрированные в механизм правового регулирования, формируя тем самым структуру, элементы которой определяют условия перехода исключительного права, а также производят сам переход с одномоментным извлечением выгоды из последнего.

1. Средство установления правового статуса, позволяющее определить наличие или отсутствие исключительного права у лица на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. Как лицо, осознающее собственный правовой статус (обладание исключительным правом), так и правоприменитель, обращающий взыскание на исключительное право, должны быть информированы о наличии такового.

2. Средство выбора формы перехода – разграничение между передачей и предоставлением права. По данному пункту следует отметить, что установленный ст. 75 Закона об исполнительном производстве перечень объектов взыскания вполне может быть выведен судебным приставом-исполнителем в качестве нормы при соблюдении запретов, касающихся обращения взыскания на определенные объекты, установленных ГК РФ. Так, анализ положений ч. 1 ст. 1284 ГК РФ (запрет обращения взыскания на исключительное право, принадлежащее автору на произведение), ч. 1 ст. 1319 ГК РФ (запрет обращения взыскания на исключительное право, принадлежащее автору на исполнение), ч. 6 ст. 1405 ГК РФ (запрет обращения взыскания на исключительное

¹ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2024. С. 189.

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2024.

³ Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4: С–Я. 495 с.

⁴ Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд. М.: БЕК, 1995. С. 223.

⁵ Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. М.: Юристъ, 2001. С. 359 (автор гл. 14 – А. В. Малько).

право на секретное изобретение), ч. 2 ст. 1510 ГК РФ (запрет отчуждения исключительного права на коллективный товарный знак), ч. 4 ст. 1539 ГК РФ (возможность перехода исключительного права на коммерческое обозначение к другому лицу только в составе предприятия), ч. 6 ст. 1519 ГК РФ (недопустимость перехода исключительного права на географическое указание без заключения договора) позволяет правоприменителю констатировать наличие системообразующих запретов относительно обращения взыскания. Данные предписания, в свою очередь, определяют круг исключительных прав, на которые возможно обратиться взыскание. Законодатель, закрепляя в ст. 75 Закона об исполнительном производстве соответствующий перечень, по сути, осуществляет инкорпорацию (или, точнее, легальную констатацию) тех самых запретов, которые имманентно вытекают из комплексного толкования норм ГК РФ, регламентирующих правовой режим результатов интеллектуальной деятельности.

Такая законодательная «тавтология» позволяет, тем не менее, определить объем переходящих прав: исключительное право переходит к новому обладателю в том же объеме, в котором им обладал первоначальный правообладатель (включая случаи производного правоприобретения по лицензионному договору), за исключением прямо запрещенных законом ситуаций. Например, согласно ч. 1 ст. 1284 ГК РФ взыскание не может быть обращено на исключительное право автора на произведение. Данное умозаключение четко подтверждается одним из принципов римского права: «Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам»¹.

На основании данного умозаключения обоснованной является необходимость исследования возможности не отчуждения исключительного права при обращении взыскания на него, а предоставления права третьим лицам без договора с правообладателем. Однако данный вопрос требует дальнейшей проработки.

3. Средство ограничения правомочий правообладателя, позволяющее наложить запрет на распоряжение исключительным правом в период обращения взыскания. В соответствии со ст. 1229 ГК РФ содержанием исключительного права является использование результата интеллектуальной деятельности, а также распоряжение самим правом в отношении такого результата. Одна из форм распоряжения исключительным правом – его отчуждение по договору. Правоприменитель, осведомленный о наличии исключительного права у должника, при обращении взыскания главным образом обязан не допустить выбытие имущества, что в последующем привело бы к невозможности в полной мере удовлетворить требования взыскателя (кредитора).

4. Средство оценки, позволяющее определить стоимость исключительного права, на которое обращается взыскание. Наличие данного и ряда следующих средств в алгоритме обращения взыскания выделяется в связи с тем, что с выбытием воли правообладателя последний не может определять условия отчуждения права.

5. Средство реализации исключительного права и выбора правопреемника. В исполнительном и в конкурсном производстве (в рамках конкурсной массы) исключительные права реализуются путем проведения торгов согласно ст. 89 Закона об исполнительном производстве и ст. 139 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности (банкротстве)) соответственно.

6. Средство ознакомления с объективной формой результата интеллектуальной деятельности: предполагает информирование потенциального правообладателя о конкретном воплощении объекта.

«В советской юридической литературе, – отмечала Е. А. Флейшиц, – объективная форма произведения не раз определялась как форма, открывающая возможность восприятия произведения другими людьми»². В механизме правового регулирования обращения взыскания данное средство требует четкого нормативного выделения, поскольку лицо, желающее приобрести исключительное право, должно воспринять РИД и принять решение, основываясь также на собственном внутреннем убеждении о ценности объекта.

7. Средство отчуждения исключительного права при признании торгов по их реализации несостоявшимися, что позволит удовлетворить требования кредиторов

¹ Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014.

² Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. С. 421.

(в порядке ч. 3 ст. 92 Закона об исполнительном производстве в исполнительном производстве – путем передачи нереализованного имущества; в порядке ст. 142.1 Закона о несостоятельности (банкротстве) – путем предоставления отступного).

8. Иные правовые средства, обеспечивающие эффективное обращение взыскания на исключительные права. Например, возможность обращения в суд с требованием оспорить сделку по отчуждению исключительного права в целях возвращения имущества (а также иных сделок, совершенных с целью причинения вреда кредиторам).

Обращение взыскания как правовое средство исполнительного производства и производства о несостоятельности (банкротстве)

Можно ли утверждать, что такое правовое средство, как обращение взыскания, направленное на принудительное отчуждение исключительного права в пользу третьих лиц, единообразно применяется как в рамках исполнительного производства, так и в процедурах банкротства?

Подтверждая положительный ответ, уместно сослаться на позицию Г. Ф. Шершеневича: «С нашей точки зрения конкурс, преследуя те же цели, как и исполнительное производство, только в более сложном виде, является квалифицированным исполнением»¹. В контексте отчуждения исключительных прав в конкурсном производстве ученый прямо указывает: «...закон лишает возможности обратиться взыскание на труды, хотя и напечатанные, но не обращенные еще в продажу самим сочинителем»².

В современных исследованиях М. В. Козлова вводит термин «обращение взыскания на исключительные права» в диссертационной работе, посвященной охране авторских прав в рамках банкротства³. Аналогичные формулировки встречаются в трудах И. Н. Евстафьева, анализирующего вопросы обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности в процедурах несостоятельности⁴.

Анализ правовых средств позволяет утверждать, что механизм правового регулирования обращения взыскания на исключительные права применяется не только в исполнительном производстве, которое регулируется Законом об исполнительном производстве, но и в процедурах банкротства, регламентируемых Законом о несостоятельности (банкротстве).

Критически важно отметить, что специфика правовых средств определяется областью регулируемых общественных отношений, будь то исполнительное производство или банкротство. Однако сходство таких средств в различных отраслях права объясняется единой правовой целью, установленной материальным правом, а именно ст. 1241 ГК РФ, – переходом исключительного права к другому лицу. На основе этого сходства, как представляется, должны строиться исследования: акцент следует сместить с особенностей правоотношений, в рамках которых применяется правовое средство, на специфику самого средства.

Аргумент в пользу аналогичности правовых средств в исполнительном и конкурсном производстве также основывается на единообразном действии нормативных ограничений. Согласно положениям ГК РФ установленные запреты на обращение взыскания в отношении отдельных объектов исключительных прав (например, исключительное право исполнителя на результат исполнения) распространяются не только на исполнительное производство, но и на процедуру несостоятельности.

Важно, что законодатель не дифференцирует сферу действия указанных запретов в зависимости от вида производства. Если бы термин «обращение взыскания» толковался узко – исключительно в контексте исполнительного производства, – это создало бы правовой пробел, позволяющий обходить ограничения в конкурсном производстве. Однако правоприменительная практика и системное толкование норм ГК РФ исключают такую возможность, подтверждая универсальный характер запретов.

Идентичность ограничений в обоих видах производств свидетельствует о применении единого порядка к механизму обращения взыскания. Это подтверждает тезис

¹ Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. 2-е изд. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1898. С. 255.

² Там же. С. 376.

³ Козлова М. В. Охрана исключительных авторских прав при несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2021. С. 15.

⁴ Евстафьев И. Н. Практика обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности в процедурах несостоятельности (банкротства) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 7.

о функциональной аналогии используемых правовых средств, независимо от процедурного контекста (исполнительное или конкурсное производство).

На наш взгляд, изучение вопросов обращения взыскания на исключительные права при комплексном анализе указанных аспектов будет более эффективным, чем изолированное исследование механизма правового регулирования, где правоотношения в исполнительном производстве и производстве о банкротстве рассматриваются параллельно, без учета сходства процедур.

Заключение

Статья 1241 Гражданского кодекса РФ закрепляет особый механизм перехода исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности без заключения договора с правообладателем – через обращение взыскания на его имущество. Данная конструкция исключает волю правообладателя в определении судьбы принадлежащего ему исключительного права, что принципиально отличает данную форму отчуждения от договорного порядка, регулируемого ст. 1234 ГК РФ.

Ключевая специфика бездоговорного перехода заключается в том, что он осуществляется в рамках императивного метода правового регулирования, лишая правообладателя воли в решении вопроса о прекращении исключительного права и передаче его другому лицу. Лишаясь воли, правообладатель перестает иметь возможность участвовать в формулировании условий передачи исключительного права. Утверждая бездоговорный порядок перехода исключительного права, законодатель наводит нас на мысль о существовании структуры механизма правового регулирования обращения взыскания на исключительные права.

Таким образом, дальнейшее исследование данного вопроса должно фокусироваться не только на отраслевой специфике (исполнительное производство или банкротство), но и на системном анализе правовых средств, обеспечивающих достижение цели – перехода исключительного права в рамках обращения взыскания. Данный подход позволит выработать более последовательные и эффективные механизмы защиты интересов всех участников соответствующих правоотношений.

Список литературы

Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд. М.: БЕК, 1995. 320 с.

Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.

Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2008. 993 с.

Гражданское право: учеб. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 2-е изд. перераб. и доп. Ч. 1. М.: Проспект, 1997. 600 с.

Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. II. 464 с.

Долгополов А. А. Теоретические основы административно-правовых режимов в сфере оборота оружия и взрывчатых веществ // Российский следователь. 2005. № 8. С. 40–45.

Евстафьев И. Н. Практика обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности в процедурах несостоятельности (банкротства) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 7. С. 96–100.

Исаков В. Б. Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. С. 245–267.

Козлова М. В. Охрана исключительных авторских прав при несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2021. 28 с.

Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. М.: Юристъ, 2001. 656 с.

Матвеева Е. В. Правовой механизм реализации экологических прав граждан в России и Германии: вопросы терминологии // Экологическое право. 2010. № 2. С. 22–27.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Степин (пред. совета) и др. М.: Мысль, 2010. Т. II. 634 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2024. 1375 с.

Петрова У. А. Формы перехода исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: правовые проблемы и перспективы развития // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 302–310.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 219 с.

Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юрист, 2001. 544 с.

Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014. 608 с.

Садовая И. Г. Принцип свободы гражданско-правового договора в российском праве // Отечественная юриспруденция. 2017. № 10. С. 12–14.

Селюков А. Д. Финансово-правовые механизмы государственного управления // Финансовое право. 2010. № 7. С. 2–5.

Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2024. 805 с.

Семякин М. Н. Частное право: философские и исторические основания и проблемы современной цивилистической доктрины: моногр. М.: Юрлитинформ, 2014. 440 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4: С–Я. 495 с.

Ульянов А. В. Юридические интересы в системе гражданского права // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 119–126.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Респ.: Современник, 2009. 845 с.

Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. 512 с.

Цветкова Е. А. Категория законного интереса в юридической науке // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 37–46.

Черепакхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 476 с.

Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. М.: Статут, 2016. Т. 4. 752 с.

Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. 2-е изд. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1898. 498 с.

References

Alekseev S. S. (1966) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 187 p.

Alekseev S. S. (1995) *Teoriya prava* [Theory of Law], 2nd ed. Moscow, BEK, 320 p.

Belov V. A. (Ed.) (2008) *Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Civil Law: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, Yurait, 993 p.

Cherepakhin B. B. (2001) *Trudy po grazhdanskomu pravu* [Works on Civil Law]. Moscow, Statut, 476 p.

Dolgopolov A. A. (2005) *Teoreticheskie osnovy administrativno-pravovykh rezhimov v sfere oborota oruzhiya i vzrychatykh veshchestv* [Theoretical Foundations of Administrative-Legal Regimes in the Sphere of Arms and Explosives Circulation]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 8, pp. 40–45.

Evgenyeva A. P. (Ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols], 4th ed., reprinted. Moscow, Russkii yazyk, Poligrafresursy, vol. 4, 495 p.

Evstafiev I. N. (2024) *Praktika obrashcheniya vzyiskaniya na ob"ekty intellektual'noi sobstvennosti v protsedurakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva)* [Practice of foreclosure on intellectual property in insolvency (bankruptcy) procedures]. In *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 7, pp. 96–100.

Fleishits E. A. (2015) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t.* [Selected works on civil law: in 2 vols]. Moscow, Statut, vol. 1, 512 p.

Frolov I. T. (Ed.) (2009) *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary], 8th ed., revised and add. Moscow, Resp.: Sovremennik, 845 p.

Isakov V. B. (1987) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya* [Mechanism of legal regulation]. In Alekseev S. S. (Ed.) *Problemy teorii gosudarstva i prava*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, pp. 245–267.

Kozlova M. V. (2021) *Okhrana isklyuchitel'nykh avtorskikh prav pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Protection of exclusive copyrights in case of insolvency (bankruptcy): an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Kursk, 28 p.

Marchenko M. N. (2001) *Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie* [Problems of the theory of state and law: textbook]. Moscow, Yurist", 656 p.

Matveeva E. V. (2010) *Pravovoi mekhanizm realizatsii ekologicheskikh prav grazhdan v Rossii i Germanii: voprosy terminologii* [Legal mechanism for the implementation of environmental rights of citizens in Russia and Germany: issues of terminology]. In *Ekologicheskoe pravo*, no. 2, pp. 22–27.

Novitsky I. B., Peretersky I. S. (Eds.) (2001) *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman private law: textbook]. Moscow, Yurist", 544 p.

Novitsky I. B., Peretersky I. S. (Eds.) (2014) *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman private law: textbook]. Moscow, KNORUS, 608 p.

Ozhegov S. I. (2024) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language about 100,000 words, terms and phraseological expressions], ed. by L. I. Skvortsov, 28th ed., revised. Moscow, Mir i obrazovanie, 1375 p.

Petrova U. A. (2021) *Formy perekhoda isklyuchitel'nogo prava na rezul'taty intellektual'noi deyatelnosti: pravovye problemy i perspektivy razvitiya* [Forms of transfer of exclusive rights to the results of intellectual activity: legal problems and development prospects]. In *Voprosy rossiiskoi yustitsii*, no. 15, pp. 302–310.

Pokrovsky I. A. (2013) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic Problems of Civil Law]. Moscow, Statut, 219 p.

Sadovaya I. G. (2017) *Printsip svobody grazhdansko-pravovogo dogovora v rossiiskom prave* [The Principle of Freedom of a Civil Contract in Russian Law]. In *Otechestvennaya yurisprudentsiya*, no. 10, pp. 12–14.

Selyukov A. D. (2010) *Finansovo-pravovye mekhanizmy gosudarstvennogo upravleniya* [Financial and legal mechanisms of public administration]. In *Finansovoe pravo*, no. 7, pp. 2–5.

Semitko A. P. (2024) *Uchenie S. S. Alekseeva o prave: kratkaya nauchnaya biografiya* [S. S. Alekseev's Teachings on Law: A Brief Scientific Biography]. Yekaterinburg, Gumanitarnyi universitet, 805 p.

Semyakin M. N. (2014) *Chastnoe pravo: filosofskie i istoricheskie osnovaniya i problemy sovremennoi tsivilisticheskoi doktriny: monografiya* [Private Law: Philosophical and Historical Foundations and Problems of Modern Civilistic Doctrine: monography]. Moscow, Yurlitinform, 436 p.

Sergeev A. P., Tolstoy Yu. K. (Eds.) (1997) *Grazhdanskoe pravo: uchebnik* [Civil Law: textbook], 2nd ed., revised and add. Moscow, Prospect, part 1, 600 p.

Shershenevich G. F. (1898) *Konkursnoe pravo* [Competition Law], 2nd ed. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 498 p.

Shershenevich G. F. (2016) *Izbrannoe: v 6 t.* [Selected: in 6 vols]. Moscow, Statut, vol. 4, 752 p.

Stepin V. S., et al. (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vols]. Moscow, Mysl', vol. II, 634 p.

Sukhanov E. A. (Ed.) (2019) *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t.* [Civil Law: textbook: in 4 vols], 2nd ed., revised and add. Moscow, Statut, vol. II, 464 p.

Tsvetkova E. A. (2016) *Kategoriya zakonnogo interesa v yuridicheskoi nauke* [Category of Legitimate Interest in Legal Science]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 3, pp. 37–46.

Ulyanov A. V. (2014) *Yuridicheskie interesy v sisteme grazhdanskogo prava* [Legal interests in the civil law system]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 3, pp. 119–126.

Ushakov D. N. (2008) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redaktsiya* [The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language: Modern Edition]. Moscow, Dom Slavyanskoi knigi, 959 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОСТАВОВ ДАННЫХ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Олифиренко Артем Алексеевич

Магистрант Саратовской государственной юридической академии (Саратов), магистрант Саратовского государственного технического университета (Саратов), специалист по защите данных, ответственный за безопасность ИИ-систем ООО «Экосистема недвижимости „Метр квадратный“» (Москва), ORCID: 0000-0002-2186-281X, e-mail: panolifer@lamirtech.su.

В статье представлена обстоятельная научно-правовая интерпретация института региональных составов данных, формализованного в рамках экспериментального правового режима, предусмотренного федеральными законами № 123-ФЗ и № 233-ФЗ, регулирующими использование массивов обезличенной информации при обучении моделей искусственного интеллекта. Раскрывается сущностное содержание правового механизма формирования, обработки и последующего использования региональных составов данных в пределах государственной информационной инфраструктуры, действующей по модели технологического суверенитета. Анализируются дифференцированные требования к субъектам допуска к данным, включая критерии институциональной аффилиации, национальной юрисдикции, а также соблюдение императивов информационной безопасности и комплаенс-контроля. Аргументируется трансформация правового режима обучения моделей искусственного интеллекта в плоскость публично-правового регулирования с приоритетом обеспечения правомерности и прозрачности алгоритмических процессов в стратегически значимых отраслях. Обосновывается необходимость установления правовой презумпции ответственности операторов за внедрение и эксплуатацию региональных составов данных, включая меры по мониторингу и аудиту функционирования указанных моделей. Предложены концептуальные направления гармонизации законодательства в части категорирования региональных составов данных для обучения ИИ-моделей, способствующих укреплению цифрового суверенитета Российской Федерации.

Ключевые слова: региональные составы данных, системы искусственного интеллекта, правовой режим, обработка персональных данных, комплаенс-контроль, технологический суверенитет, информационная безопасность

Для цитирования: Олифиренко А. А. Правовое регулирование формирования и использования региональных составов данных в процессе обучения моделей искусственного интеллекта // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 87–97. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_87.

LEGAL REGULATION OF THE FORMATION AND UTILIZATION OF REGIONAL DATA SETS IN THE PROCESS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODEL TRAINING

Olifirenko Artem

Master's student, Saratov State Law Academy (Saratov), Master's student, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov), Data Protection Specialist and AI Systems Security Officer, Ecosystem of Real Estate «Square Meter» LLC (Moscow), ORCID: 0000-0002-2186-281X, e-mail: panolifer@lamirtech.su.

The article presents a comprehensive legal and scholarly interpretation of the institution of regional data sets, formalized within the framework of the experimental legal regime established by Federal Laws No. 123-FZ and No. 233-FZ, which regulate the use

of anonymized information arrays for the training of artificial intelligence models. The substantive legal mechanism governing the formation, processing and subsequent use of regional data sets within the state information infrastructure-operating under the model of technological sovereignty is examined in detail. The study analyzes the differentiated requirements imposed on data access subjects, including criteria of institutional affiliation, national jurisdiction and compliance with imperatives of information security and regulatory oversight. The transformation of the legal regime governing AI-model training into the domain of public law regulation is substantiated, with emphasis on ensuring the lawfulness and transparency of algorithmic processes in strategically significant sectors. The necessity of establishing a legal presumption of operator liability for the implementation and exploitation of regional data sets is argued, including the introduction of monitoring and audit mechanisms over the functioning of the trained models. The article proposes conceptual directions for harmonizing existing legislation concerning the categorization of regional data sets used in AI-model training, aimed at reinforcing the digital sovereignty of the Russian Federation.

Key words: regional data sets, artificial intelligence systems, legal regime, personal data processing, compliance control, technological sovereignty, information security

*For citation: Olifirenko A. (2026) Legal regulation of the formation and utilization of regional data sets in the process of artificial intelligence model training. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 87–97, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_87.*

Современный этап развития технологий искусственного интеллекта характеризуется высокой степенью неопределенности и трансгрессией цифровых процессов, «выходящих за пределы возможностей традиционных правовых механизмов»¹ и ставящих под сомнение применимость устоявшихся конструкций нормативного регулирования в данной сфере. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» подчеркивается необходимость обеспечения «ускоренного внедрения ИИ в сферу государственного управления и экономики», что влечет за собой институциональные и регуляторные последствия. В связи с этим становится закономерным возникновение специальных правовых институтов, адаптированных под специфику технологической среды. Одним из таких институтов является экспериментальный правовой режим (далее – ЭПР), впервые введенный в российское законодательство Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» (далее – ФЗ № 123).

В соответствии со ст. 1 ФЗ № 123 экспериментальный правовой режим представляет собой особый нормативный порядок, установленный на ограниченный срок – пять лет с даты его введения (1 июля 2020 г.) – и реализуемый исключительно на территории города федерального значения Москвы. Его правовая конструкция направлена на создание условий для тестирования и внедрения инновационных решений в сфере искусственного интеллекта в специально определенных нормативных рамках. Именно с момента вступления данного Закона в силу началось формирование нормативной архитектуры, ориентированной на правовое сопровождение технологий ИИ в условиях экспериментального регулирования. Как подчеркивается в докладе ВШЭ, «именно на уровне города Москвы предусматривается... уникальный массив регулирования, обозначенный специальным федеральным законом, аналогов которому не существует в подавляющем большинстве иных субъектов РФ»². Важным элементом данной нормы является введение специального реестра участников режима (ст. 5 ФЗ

¹ Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения: доклад НИУ ВШЭ / В. Б. Наумов [и др.]. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 2.

² Регулирование данных в Российской Федерации: текущее состояние, проблемы, перспективы: доклад НИУ ВШЭ / М. В. Якушев [и др.]. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 14.

№ 123), включение в который осуществляется на основе строгих критериев, устанавливаемых уполномоченным органом исполнительной власти Москвы. Данный подход обеспечивает эффективный контроль за деятельностью субъектов, применяющих экспериментальное регулирование. Подобная система, как подчеркивается, позволяет поддерживать баланс интересов между «государством, высокотехнологичными компаниями-разработчиками, обществом, институтами развития и потребителями услуг»¹.

Федеральный законодатель определяет содержание экспериментального правового режима через категорию специального регулирования, отличного от общепринятого нормативного порядка (ст. 2 ФЗ № 123). Согласно законодательной дефиниции объектом правового регулирования выступают технологии искусственного интеллекта, понимаемые как «комплекс технологических решений», включающий программное обеспечение, ИКТ-инфраструктуру, а также алгоритмы обработки данных и принятия решений. Закон направлен на правовое обеспечение функционирования систем искусственного интеллекта в целом. Вместе с тем в рамках настоящего исследования акцент сделан исключительно на обучении ИИ-моделей как функциональной основе соответствующих систем, определяющей их способность к адаптивному и автономному принятию решений. Как справедливо подчеркивается в литературе, «машинное обучение лежит в основе системы принятия решений алгоритмами ИИ» и оказывает определяющее влияние на точность, воспроизводимость и правомерность соответствующих выводов².

Законодатель в ст. 3 ФЗ № 123 конкретизирует цели и задачи ЭПР, выделяя в качестве приоритетных направлений повышение эффективности государственного управления, стимулирование инновационной активности в экономической сфере и формирование комплексной правовой базы для регулирования отношений в области искусственного интеллекта. Центральными принципами ЭПР, закрепленными в указанной статье, становятся обязательная защита прав и свобод граждан, обеспечение безопасности личности и государства, а также недопущение дискриминации при использовании технологий ИИ. Данные принципы приобретают особую значимость в условиях обработки и анализа больших объемов персональных и обезличенных данных, используемых для обучения ИИ-моделей.

Следует особо отметить, что специфика автоматизированного анализа и использования персональных данных, в том числе в целях обучения ИИ, обусловила необходимость существенной корректировки федерального законодательства о персональных данных. В результате реализации поручений Президента РФ и федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» был принят Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ³ (далее – ФЗ № 233). Этим нормативным актом внесены изменения в ст. 6 и 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152) и дополнения в ФЗ № 123. Нововведения направлены на создание современных правовых механизмов для безопасной и эффективной обработки данных, используемых при обучении алгоритмов искусственного интеллекта.

Центральной новеллой обновленного законодательства является введение на федеральном уровне института «региональных составов данных». Согласно положениям п. 3 ст. 13.1 ФЗ № 152 региональные составы данных представляют собой специальные массивы обезличенной информации, формируемые путем обработки персональных сведений, полученных от государственных и муниципальных органов власти и иных подведомственных организаций. При этом обезличивание данных осуществляется таким образом, чтобы исключить прямую или косвенную идентификацию субъекта

¹ Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта: опыт России и Франции / М. А. Егорова [и др.] // Евразийская адвокатура. 2020. № 4. С. 80.

² Наумов В. Б., Тютюк Е. В. Правовые проблемы машинного обучения // Образование и право. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-mashinnogo-obucheniya> (дата обращения: 21.03.2025).

³ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“ и Федеральный закон „О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“».

данных без привлечения дополнительной информации, доступ к которой жестко регламентируется законодательно.

Статья 6.1 ФЗ № 123 определяет, что процедура создания региональных составов данных осуществляется под непосредственным контролем высших исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации. В Москве такую функцию выполняет Правительство города, наделенное полномочиями по утверждению условий и требований к формированию составов данных, а также по контролю за соблюдением всех этапов их создания, обработки и последующего использования (ч. 1 ст. 6.1 ФЗ № 123). Правительство Москвы также устанавливает перечень данных, подлежащих передаче, и сроки осуществления такой передачи от соответствующих операторов (ч. 2 ст. 6.1 ФЗ № 123).

Обезличивание персональных данных представляет собой сложный технологический процесс, четко регламентированный в приказе Роскомнадзора № 966¹. Среди используемых методов, как уже указывалось, особое место занимают введение идентификаторов (псевдонимизация), декомпозиция, семантическое преобразование и перемешивание данных.

Псевдонимизация в данном контексте представляет собой замену персонально идентифицирующих атрибутов (например, фамилии, имени, отчества, адреса, номера телефона или иного уникального идентификатора) на специально сгенерированные и неинформативные коды (псевдонимы), которые не позволяют идентифицировать конкретное лицо без доступа к дополнительному ключу дешифровки, хранящемуся в изолированной защищенной среде. В отличие от полной деперсонализации, псевдонимизация сохраняет возможность обратной идентификации в строго контролируемых условиях, что делает ее применимой в тех случаях, когда требуется сохранить аналитическую ценность массива данных без нарушения прав субъектов персональных данных.

Декомпозиция данных представляет собой технологию, согласно которой исходный массив персональной информации разбивается на отдельные фрагменты таким образом, что становится практически невозможным восстановить исходные персональные сведения субъекта.

Особые требования закон устанавливает и к порядку допуска операторов и организаций к региональным составам данных для обучения ИИ-моделей. В соответствии с п. 7 ст. 13.1 ФЗ № 152 допускаются исключительно российские юридические лица и граждане РФ, соответствующие строго определенным законодательным требованиям. Данные ограничения носят фундаментальный характер, поскольку обучение ИИ-моделей опирается на масштабные массивы данных, в том числе содержащие сведения о социально-экономических процессах в конкретных регионах Российской Федерации, что потенциально может повлиять на стратегические сферы государственного управления, безопасности и обороны.

Ключевым условием доступа операторов и иных субъектов к составам данных выступает подтверждение наличия сведений об операторе в реестре операторов персональных данных, который ведется в соответствии со ст. 22 ФЗ № 152. Данный реестр выполняет функцию публичного контроля за деятельностью субъектов обработки данных и служит одним из базовых инструментов обеспечения прозрачности обращения с персональной информацией. При этом «машинное обучение... требует создания человеком самой модели – вычислительной системы», а также снабжения ее «огромными объемами обучающих данных, анализ и интерпретация которых позволяет... улучшать ее»². Современные архитектуры (глубокое обучение, включая сверточные нейронные сети, рекуррентные нейронные сети, трансформеры и их гибридные формы), применяемые в прикладных задачах, демонстрируют способность «улавливать закономерности в сложных генеративных паттернах»³, что делает их функцио-

¹ Приказ Роскомнадзора от 5 сентября 2013 г. № 966 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных».

² Рожкова М. А. Машинное обучение как метод применения искусственного интеллекта: суть технологии и обзор основных правовых проблем // Machine learning as a method of applying artificial intelligence: legal issues // Закон.ру. 2024. 18 марта. URL: https://zakon.ru/blog/2024/03/18/mashinnoe_obuchenie_kak_metod_primeneniya_iskusstvennogo_intellekta_sut_tehnologii_i_obzor_osnovnyh_ (дата обращения: 21.03.2025).

³ Дюльдин Е. В., Зайцев К. С. Применение глубокого обучения для выявления и классификации DGA доменов // International Journal of Open Information Technologies. 2022. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/>

нальным ядром интеллектуальных решений. В связи с этим запись субъекта в реестре операторов приобретает значение формального свидетельства соблюдения законодательства о персональных данных, а также подтверждения квалификации и ответственности за корректное использование информации в процессе обучения ИИ-моделей.

Вторым неперенным критерием доступа является нахождение юридического лица под контролем Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования либо российских граждан, не имеющих гражданства другого государства. Под контролем в данном случае понимается как наличие возможности определять решения юридического лица в силу права распоряжаться более чем 50 % голосующих акций или долей в уставном капитале данного субъекта хозяйственной деятельности. Эта норма направлена на исключение влияния иностранных структур на процесс обучения и использования ИИ-моделей, минимизацию рисков вывода чувствительных данных за пределы юрисдикции Российской Федерации и предотвращение возможного внешнего вмешательства в государственные цифровые системы, функционирующие на основе данных моделей.

Особое внимание законодателем уделяется вопросам безопасности и добросовестности лиц, получающих доступ к региональным составам данных. Отсутствие в Едином государственном реестре юридических лиц записей о недостоверности сведений о юридическом лице, а также непричастность руководящего состава организации к экстремистской или террористической деятельности подтверждаются в рамках предварительной проверки. Аналогичные требования предъявляются к гражданам РФ: отсутствие гражданства иностранного государства, отсутствие неснятой или непогашенной судимости за преступления, связанные с нарушением порядка обработки данных (включая ст. 183, 272, 273, 274.1, 283 и 283.1 УК РФ), а также отсутствие привлечения к уголовной ответственности по этим статьям за последние пять лет. Отметим, что перечень преступлений, закрепленный в подп. «ж» ч. 7 ст. 13.1 ФЗ № 152, не был приведен в соответствие с последующими изменениями уголовного законодательства: в УК РФ Федеральным законом от 30 ноября 2024 г.¹ была включена ст. 272.1, предусматривающая ответственность за незаконное использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, однако в диспозиции подп. «ж» ч. 7 ст. 13.1 ФЗ № 152 данная статья прямо не упомянута. Следовательно, ст. 272.1 УК РФ содержательно относится к числу составов, непосредственно связанных с неправомерным обращением с персональными данными, однако формально в установленный законодателем перечень оснований для соответствующей проверки в рамках ст. 13.1 ФЗ № 152 в настоящее время не включена.

Вместе с тем доступ к таким данным регулируется дополнительными техническими и организационными мерами защиты. Как закреплено в п. 10 ст. 13.1 ФЗ № 152, обработка составов данных допускается исключительно в пределах государственной информационной системы уполномоченного органа в сфере регулирования информационных технологий. При этом все операции с данными, включая обучение ИИ-моделей, должны производиться непосредственно в инфраструктуре данной системы, без возможности извлечения или передачи составов данных за пределы защищенного периметра.

В постановлении Правительства Москвы от 3 декабря 2020 г. № 2134-ПП² отдельно прописан порядок тестирования, внедрения и использования технологий ИИ (после принятия ФЗ № 233), разработанных на основе региональных составов данных. Указанный акт требует от разработчиков обязательного проведения комплексной проверки эффективности и безопасности моделей, включая наличие механизмов аварийного отключения при обнаружении аномалий и других технических сбоев, способных привести к неправильному принятию решений и причинению ущерба. Для полноценного внедрения ИИ в государственное и муниципальное управление не-

article/n/primeneniye-glubokogo-obucheniya-dlya-vyyavleniya-i-klassifikatsii-dga-domenov (дата обращения: 21.03.2025).

¹ Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

² Постановление Правительства Москвы от 3 декабря 2020 г. № 2134-ПП «Об утверждении положения о проведении эксперимента по развитию технологий искусственного интеллекта в городе Москве».

обходимо «создание комплексной нормативной базы, которая бы регулировала вопросы ответственности при сбоях в работе систем ИИ, а также вопросы приватности и защиты персональных данных»¹.

В табл. 1 визуализирован предусмотренный ФЗ № 233 процесс сбора региональных данных и дальнейшего их использования для обучения ИИ-моделей.

Таблица 1

Схема процесса сбора, обработки и использования региональных составов данных по ФЗ № 233

Этап процесса	Описание процесса	Нормативно-правовое регулирование
1. Сбор персональных данных от региональных операторов	Персональные данные собираются государственными и муниципальными органами Москвы и передаются в региональную информационную систему согласно требованиям, установленным высшим исполнительным органом субъекта РФ (города Москвы). Перечень и сроки передачи данных заранее определяются уполномоченным органом	Часть 2 ст. 6.1 ФЗ № 123, ч. 2 ст. 13.1 ФЗ № 152
2. Предварительная проверка качества данных	Проверка качества, полноты и структурирование персональных данных перед их передачей. Включает отбор только релевантных данных согласно предварительно сформулированным требованиям	Часть 3 ст. 6.1 ФЗ № 123
3. Обезличивание персональных данных	Данные подвергаются процедуре обезличивания по методикам, установленным высшим исполнительным органом Москвы и Правительством РФ. Контроль за соблюдением осуществляют Роскомнадзор и ФСТЭК России. Методы включают введение идентификаторов, декомпозицию и перемешивание данных для исключения идентификации субъектов	Часть 5 ст. 6.1 ФЗ № 123, ч. 3 ст. 13.1 ФЗ № 152
4. Формирование региональных составов данных	После обезличивания персональные данные интегрируются в единые региональные составы данных. Данные группируются по определенным признакам (сферам, секторам, типам данных) для упрощения последующей аналитической обработки и использования для обучения ИИ-моделей	Часть 6 ст. 6.1 ФЗ № 123, ч. 5 ст. 13.1 ФЗ № 152
5. Предоставление доступа к региональным составам данных	Доступ к данным предоставляется только уполномоченным пользователям, прошедшим проверку по критериям закона: государственные органы, муниципальные организации, а также российские юридические лица и граждане РФ, имеющие подтверждение соответствия требованиям закона. Проверка пользователей проводится по специальной процедуре	Части 7, 8 ст. 6.1 ФЗ № 12, чч. 6, 7 ст. 13.1 ФЗ № 152
6. Обучение моделей искусственного интеллекта на региональных составах данных	Региональные составы данных используются для обучения ИИ-моделей строго внутри региональной информационной системы. Данные загружаются в среды разработки и тренировки моделей, которые размещены внутри защищенного периметра системы	Часть 10 ст. 6.1 ФЗ № 123

¹ *Брычев А. С.* Государственное управление и искусственный интеллект: новые возможности для малого и среднего бизнеса // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN524.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).

Окончание табл. 1

7. Мониторинг и контроль обработки данных и результатов обучения моделей ИИ	Постоянный мониторинг процесса обработки данных и обучения ИИ-моделей на предмет соответствия законодательным требованиям и предотвращения потенциального вреда гражданам и государству. Вводится запрет на обработку данных, результаты которых могут причинить вред национальной безопасности и общественным интересам	Части 11, 12 ст. 6.1 ФЗ № 123, ч. 11 ст. 13.1 ФЗ № 152
---	--	--

В табл. 2 приведен пример нормативно-технологической реализации ИИ-моделей с использованием региональных составов данных в условиях экспериментального правового режима. Представленный подход отражает архитектурный сценарий, выстроенный в логике MLSecOps¹ как комплексной модели правового, организационного и инфраструктурного сопровождения жизненного цикла ИИ-модели. В рамках данного подхода обеспечивается не только технологическая последовательность обработки данных и обучения модели, но и правовая верификация допустимости соответствующих операций, контроль соблюдения требований законодательства о персональных данных, а также минимизация рисков неправомерного использования данных, повторной идентификации субъектов персональных данных и возникновения иных юридически значимых последствий. Это позволяет последовательно отразить ключевые стадии такого процесса, включая загрузку регионального состава данных в защищенную среду государственной информационной системы, проверку правомерности и допустимости его использования, обучение и валидацию ИИ-модели, последующее тестирование, а также внедрение алгоритмических решений в пределах государственного информационного периметра.

Таблица 2

Этапы использования региональных составов данных для обучения ИИ-моделей в пределах государственного информационного периметра

Этап	Содержание этапа
1. Формирование и загрузка регионального состава данных	Региональный состав данных, сформированный по инициативе уполномоченного органа в соответствии с чч. 1–3 ст. 13.1 ФЗ № 152, подлежит загрузке в защищенную среду государственной информационной системы субъекта РФ. Передача такого состава допускается только после прохождения процедуры обезличивания, отвечающей требованиям, утвержденным Правительством РФ и согласованным с уполномоченными органами в сфере безопасности
2. Юридически допустимая обработка состава данных в инфраструктуре государственной информационной системы (ГИС)	В пределах инфраструктуры ГИС осуществляется юридически допустимая обработка состава данных, включающая верификацию источника происхождения данных, степени агрегированности информации и ее пригодности для обучения ИИ-моделей. На данной стадии формируется вывод о правомерности целей обработки и об отсутствии недопустимых рисков повторной идентификации субъектов персональных данных
3. Правовая валидация и регистрация обучения ИИ-модели	ИИ-модель в процессе обучения фиксируется в журнале операций в рамках государственной информационной системы и подлежит предварительной правовой валидации. Такая валидация осуществляется на предмет соответствия режиму обработки установленным ограничениям, целям использования модели и допустимости применения результатов обучения в практической деятельности. Все действия подлежат обязательному протоколированию

¹ Space ISAC AI/ML Community. Machine Learning Security Operations – MLSecOps // Space ISAC White Paper. 2023. 15 p. URL: <https://spaceisac.org/wp-content/uploads/2023/08/Space-ISAC-MLSecOps-White-Paper-08.04.2023.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).

Окончание табл. 2

4. Допуск субъекта к использованию состава данных для обучения	Использование состава данных допускается только субъектами, прошедшими проверку на соответствие критериям, установленным ч. 7 ст. 13.1 ФЗ № 152. Допуск оформляется в виде зарегистрированного решения о начале процедуры обучения с указанием цели обработки, предполагаемого алгоритма и модели, подлежащей использованию
5. Тестирование и контрольная валидация модели	По завершении процедуры обучения модель может быть протестирована в пределах контура государственной информационной системы исключительно на обезличенных контрольных выборках. Результаты тестирования подлежат анализу на предмет потенциальной дискриминации (под которой в данном случае понимается необоснованное различие в результатах обработки данных, способное повлечь ущемление прав и законных интересов отдельных категорий субъектов), нарушения прав субъектов данных либо возникновения угроз национальной безопасности
6. Внедрение модели и последующий мониторинг	При подтверждении соответствия модели установленным требованиям публично-правового регулирования она может быть внедрена в продуктивный контур информационной системы исключительно для выполнения задач, определенных стратегическими документами или иными нормативными актами. Дальнейшее функционирование модели должно сопровождаться постоянным аудитом, мониторингом и юридической подотчетностью оператора

Можно заключить, что внесение изменений в нормативную конструкцию ФЗ № 123 и ФЗ № 152 посредством ФЗ № 233 инициировало трансформацию правового режима обучения ИИ-моделей, легитимировав на уровне законодательства новый правовой институт – региональные составы данных. Указанный институт не только создал формализованную основу для централизации и унификации работы с обезличенной информацией, но и модифицировал основания правомерности использования данных в процессе обучения ИИ-моделей на территории Российской Федерации.

Ключевой особенностью института региональных составов данных выступает нормативное закрепление специального режима обработки обезличенной информации, предназначенной для использования в целях машинного обучения. В отличие от ранее действовавших механизмов, основанных преимущественно на диспозитивной модели обращения с данными в рамках ФЗ № 152, новый режим вводит вертикаль полномочий в части как формирования, так и последующего использования обезличенных составов данных субъектами, допущенными к их эксплуатации. Тем самым доступ операторов (ИТ-компаний) к данным ограничивается рамками публично-правового регулирования, включающего многоуровневую проверку правового статуса субъекта, а также его соответствие критериям доверия, установленным в п. 7 ст. 13.1 ФЗ № 152.

Изменению подверглась и природа нормативного контроля за стадией обучения: если ранее предмет регулирования охватывал лишь факт передачи массивов персональных или обезличенных данных на основе гражданско-правовых соглашений, то после вступления в силу ФЗ № 233 под нормативное управление подпадает весь жизненный цикл данных: от их первоначального сбора и процедур обезличивания до загрузки в ИИ-модель.

На этом фоне закономерным представляется смещение вектора правового регулирования обучения ИИ-моделей из сферы преимущественно частноправовых конструкций – ориентированных на режим согласия, контрактного доступа к данным и локальной ответственности разработчика – в плоскость публично-правового регулирования, сопряженного с превалированием критериев правомерности, транспарентности и контролируемости алгоритмических процессов. Такая трансформация правовой природы обучения ИИ обусловлена не только необходимостью защиты персональных данных, но и стратегическим значением алгоритмически автоматизированных решений в таких секторах, как государственное управление, оборонная

безопасность, здравоохранение и социальная политика. Установление институциональной нормативной инфраструктуры, обеспечивающей постоянный надзор за параметрами, логикой и результатами алгоритмов, становится не факультативным элементом, а правовым императивом, закрепляющим подотчетность цифровых решений интересам общества и государства.

Институт региональных составов данных, таким образом, смещает акцент с договорной модели обработки данных в сторону императивного публично-правового регулирования. Это выражается в закреплении обязательных требований к безопасности, институциональной аффилированности оператора и допустимости осуществления обработки данных исключительно в рамках публичных процедур. Факт правомерности обучения ИИ-моделей напрямую зависит от соответствия субъекта установленным нормативным критериям и его включенности в систему государственного надзора.

Кроме того, данный институт трансформирует структуру правовой легитимации результатов обучения. Согласно п. 11 ст. 13.1 ФЗ № 152 прямо запрещается использование результатов обработки, если их применение способно причинить ущерб национальным интересам, обороноспособности, безопасности либо иным охраняемым законом ценностям. Так, обученные ИИ-модели приобретают правовой статус объектов, потенциально затрагивающих сферу публичного порядка, что, в свою очередь, порождает обязанность по обеспечению институционального мониторинга последствий их функционирования.

С учетом публично-правовой природы региональных составов данных, закрепленной в ст. 13.1 ФЗ № 152, использование таких данных в целях обучения ИИ-моделей должно сопровождаться надлежащей ответственностью за нарушение установленного режима их обработки. В то время как законодатель обеспечил многоступенчатую систему допуска пользователей к государственной информационной системе, содержащей составы данных (ч. 7 ст. 13.1), а также закрепил запрет на использование таких массивов вне инфраструктуры, находящейся под контролем уполномоченного органа (ч. 10 ст. 13.1), административное законодательство не предусматривает специальной нормы, определяющей принудительное исполнение этих положений посредством санкционного механизма.

Представляется необходимым включить в недавно измененную ст. 13.11 КоАП РФ новую часть, устанавливающую ответственность за нарушение режима использования региональных составов данных, сформированных на основе обезличивания персональных данных. В частности, предлагается закрепить административную ответственность за обработку таких данных вне государственной информационной системы, нарушение установленного процедурного порядка допуска, предоставление доступа третьим лицам, не соответствующим требованиям п. 7 ст. 13.1 ФЗ № 152, а также за отсутствие документируемого мониторинга операций по доступу и обработке в рамках обучающих контуров ИИ-моделей. Диспозиция предлагаемой части должна быть сформулирована по аналогии с чч. 12–17 ст. 13.11 КоАП РФ, предусматривающими ответственность за массовые нарушения при обработке персональных данных, однако с учетом специфики и публично-правового статуса региональных составов данных. Так, санкции за нарушения должны быть установлены на уровне от 300 тыс. до 600 тыс. руб. для должностных лиц и от 3 млн до 10 млн руб. для юридических лиц. Это позволит ликвидировать имеющийся нормативный пробел и повысить гарантии правомерности и прозрачности использования стратегически значимых данных при обучении ИИ-моделей.

Необходимо нормативное закрепление категорирования региональных составов данных, направленное на дифференцированный подход к допуску субъектов к таким данным в пределах государственной информационной системы, находящейся под контролем уполномоченного органа. Действующая редакция ст. 13.1 ФЗ № 152 исключает публичный доступ к таким составам данных, вследствие чего категорирование не должно упрощать внешний доступ, а призвано обеспечить внутреннюю нормативную дифференциацию в рамках ГИС.

Предлагается закрепить соответствующее категорирование на уровне ведомственного приказа Минцифры России, поскольку именно на данный орган возложена обязанность нормативного регулирования порядка формирования составов данных (ч. 5

ст. 13.1) и установления регламентов допуска к ним (ч. 6 ст. 13.1). Такое категорирование должно учитывать специфические особенности различных составов данных, обусловленные степенью их чувствительности, уровнем детализации и агрегированности информации, а также функциональным назначением и потенциальными рисками повторной идентификации субъектов.

Предлагаемая структура категорирования должна базироваться на четких и юридически значимых критериях (см. табл. 3).

Таблица 3

Предлагаемая модель категорирования региональных составов данных

Категория доступа	Критерии категорирования данных	Субъекты, имеющие право доступа
Категория I (высокочувствительный доступ)	высокая источниковая чувствительность (сферы здравоохранения, безопасности, социальной поддержки); низкая степень обобщенности и высокая детализация данных; высокий риск повторной идентификации через другие источники; функциональное назначение ИИ-моделей для критически важных государственных решений; высокий уровень допуска субъектов, строгая проверка и подконтрольность РФ	Государственные органы и их подведомственные учреждения
Категория II (контролируемый научно-исследовательский доступ)	средняя источниковая чувствительность данных; средняя степень обобщенности и детализации данных; умеренный риск повторной идентификации; использование ИИ-моделей для научно-исследовательских и аналитических целей; строгий контроль субъектов с обязательной регистрацией проектов и мониторингом моделей	Научные и аналитические организации, соответствующие требованиям ч. 7 ст. 13.1 ФЗ № 152, прошедшие комплексную проверку, при условии постоянного мониторинга и валидации ИИ-моделей
Категория III (условно обособленная аналитика)	низкая источниковая чувствительность данных (агрегированные массивы без чувствительной информации); высокая степень обобщенности и минимальная детализация данных; низкий риск повторной идентификации; аналитическое и статистическое функциональное назначение; упрощенная процедура допуска, но полная изоляция данных	Субъекты, соответствующие требованиям ч. 7 ст. 13.1 ФЗ № 152, доступ возможен только в рамках защищенной инфраструктуры ГИС, с запретом внешнего распространения результатов

Интеграция института региональных составов данных в нормативную архитектуру обращения с данными, используемыми в процессе обучения ИИ-моделей, обеспечила формирование внутренне согласованного, правомерного и предсказуемого режима, в рамках которого достигается институциональный баланс интересов государства, общества и бизнеса. С учетом специфики применения ИИ-моделей в сфере государственного управления, социальной политики и обеспечения национальной безопасности институционализация соответствующего механизма является не только легитимной, но и объективно необходимой в условиях усложняющейся цифровой реальности. В этом контексте ФЗ № 123 должен рассматриваться как временный, но системообразующий элемент, правовые конструкции и результаты применения которого подлежат последующей инкорпорации в систему общего регулирования обращения с данными и обучения ИИ-моделей при одновременном сохранении на федеральном уровне института региональных составов данных.

Список литературы

Брычев А. С. Государственное управление и искусственный интеллект: новые возможности для малого и среднего бизнеса // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN524.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).

Дюльдин Е. В., Зайцев К. С. Применение глубокого обучения для выявления и классификации DGA доменов // International Journal of Open Information Technologies. 2022. № 8. С. 3–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-glubokogo-obucheniya-dlya-vyyavleniya-i-klassifikatsii-dga-domenov> (дата обращения: 24.03.2025).

Наумов В. Б., Тютюк Е. В. Правовые проблемы машинного обучения // Образование и право. 2020. № 6. С. 219–231. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-mashinnogo-obucheniya> (дата обращения: 21.03.2025).

Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта: опыт России и Франции / М. А. Егорова [и др.] // Евразийская адвокатура. 2020. № 4. С. 79–82.

Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения: доклад НИУ ВШЭ / В. Б. Наумов [и др.]. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 42 с.

Регулирование данных в Российской Федерации: текущее состояние, проблемы, перспективы: доклад НИУ ВШЭ / М. В. Якушев [и др.]. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 33 с.

Рожкова М. А. Машинное обучение как метод применения искусственного интеллекта: суть технологии и обзор основных правовых проблем // Machine learning as a method of applying artificial intelligence: legal issues // Закон.ру. 2024. 18 марта. URL: https://zakon.ru/blog/2024/03/18/mashinnoe_obuchenie_kak_metod_primeneniya_iskusstvennogo_intellekta_sut_tehnologii_i_obzor_osnovnyh_ (дата обращения: 21.03.2025).

References

Brycheev A. S. (2024) Gosudarstvennoe upravlenie i iskusstvennyi intellekt: novye vozmozhnosti dlya malogo i srednego biznesa [State Governance and Artificial Intelligence: New Opportunities for Small and Medium Enterprises]. In *Vestnik evraziiskoi nauki*, vol. 16, no. 5, available at: <https://esj.today/PDF/31FAVN524.pdf> (accessed: 21.03.2025).

Dyul'din E. V., Zaitsev K. S. (2022) Primenenie glubokogo obucheniya dlya vyyavleniya i klassifikatsii DGA domenov [Application of Deep Learning for Detection and Classification of DGA Domains]. In *International Journal of Open Information Technologies*, no. 8, pp. 3–10, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-glubokogo-obucheniya-dlya-vyyavleniya-i-klassifikatsii-dga-domenov> (accessed: 24.03.2025).

Egorova M. A., et al. (2020) Pravovoe regulirovanie tekhnologii iskusstvennogo intellekta: opyt Rossii i Frantsii [Legal Regulation of Artificial Intelligence Technologies: Experience of Russia and France]. In *Evraziiskaya advokatura*, no. 4, pp. 79–82.

Naumov V. B., et al. (2021) *Pravovye aspekty ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta: aktual'nye problemy i vozmozhnye resheniya: doklad NIU VSHE* [Legal Aspects of Artificial Intelligence Use: Current Problems and Possible Solutions: report of the National Research University Higher School of Economics]. Moscow, Izdatel'skii dom VSHE, 42 p.

Naumov V. B., Tytyuk E. V. (2020) Pravovye problemy mashinnogo obucheniya [Legal issues of machine learning]. In *Obrazovanie i pravo*, no. 6, pp. 219–231, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-mashinnogo-obucheniya> (accessed: 21.03.2025).

Rozhkova M. A. (2024) Mashinnoe obuchenie kak metod primeneniya iskusstvennogo intellekta: sut' tekhnologii i obzor osnovnykh pravovykh problem [Machine Learning as a Method of Applying Artificial Intelligence: Legal Issues]. In *Zakon.ru*, 18 March, available at: https://zakon.ru/blog/2024/03/18/mashinnoe_obuchenie_kak_metod_primeneniya_iskusstvennogo_intellekta_sut_tehnologii_i_obzor_osnovnyh_ (accessed: 21.03.2025).

Yakushev M. V., et al. (2021) *Regulirovanie dannykh v Rossiiskoi Federatsii: tekushchee sostoyanie, problemy, perspektivy: doklad NIU VSHE* [Regulation of Data in the Russian Federation: Current State, Problems, Prospects: report of the National Research University Higher School of Economics]. Moscow, Izdatel'skii dom VSHE, 33 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.11.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2026_1_98

(НЕ)ЗАКОННОСТЬ УГРОЗЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: NON LIQUET ИЛИ ПРЕЮДИЦИЯ?

Шарипов Рафаэль Ильдарович

Магистрант Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань),
ORCID: 0009-0000-0787-7356, e-mail: Rafael-sharipov@bk.ru.

*В данной статье рассматривается законность угрозы применения ядерного оружия в рамках *jus ad bellum* и *jus in bello*. Приводится определение угрозы применения ядерного оружия, которое представляет собой основу для последующей квалификации такого акта с точки зрения законности. Автор анализирует правомерность угрозы ядерным оружием в контексте права международной безопасности, обращаясь к Консультативному заключению Международного суда ООН 1996 г. и к Договору о запрещении ядерного оружия 2017 г. Отмечаются основные выводы, которые были сделаны Судом, в части угрозы применения ядерного оружия государством при реализации права на самооборону согласно Уставу ООН. Кроме того, автор обращает внимание на существующие договорные нормы, регулирующие запрет угрозы применения ядерного оружия. Угроза ядерным оружием анализируется в рамках международного гуманитарного права, в частности Женевской конвенции о защите гражданского населения 1949 г., Дополнительного протокола I 1977 г., обычного международного гуманитарного права, общих принципов права, упомянутого ранее Консультативного заключения Суда, позиций Международного комитета Красного Креста и доктринальных источников относительно асимметричности вооруженных конфликтов. По результатам анализа перечисленных правовых источников автор приходит к выводу о возможном нарушении норм и принципов международного гуманитарного права при угрозе применения ядерного оружия. Также автор отмечает, что подобные угрозы затрудняют соблюдение норм международного гуманитарного права.*

Ключевые слова: угроза применения ядерного оружия, *jus ad bellum*, *jus in bello*

Для цитирования: Шарипов Р. И. (Не)законность угрозы применения ядерного оружия в международном праве: non liquet или преюдиция? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 98–104. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_98.

(IL)LEGALITY OF THE THREAT TO USE NUCLEAR WEAPONS IN INTERNATIONAL LAW: NON LIQUET OR PREJUDICE?

Sharipov Rafael

Master's student, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan), ORCID: 0009-0000-0787-7356,
e-mail: Rafael-sharipov@bk.ru.

*This article examines the legality of the threat to use nuclear weapons within the framework of *jus ad bellum* and *jus in bello*. It provides a definition of the threat to use nuclear weapons, which serves as the basis for the subsequent assessment of the legality of such an act. The author consistently analyses the legality of the threat of nuclear weapons in the context of international security law, referring to the relevant Advisory Opinion of the International Court of Justice of 1996 and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons of 2017. The main conclusions reached by the Court regarding the threat of the use of nuclear weapons by a state in exercising its right to self-defence in accordance with the UN Charter are noted. In addition, the author draws attention to existing treaty provisions governing the prohibition of the threat of the use of nuclear weapons. The threat of nuclear weapons is analysed within the framework of international humanitarian law, in particular the 1949 Geneva Conven-*

tion on the Protection of Civilian Persons, the 1977 Additional Protocol I, customary international humanitarian law, general principles of law, the mentioned Advisory Opinion of the Court, the position of the International Committee of the Red Cross, and doctrinal sources on the asymmetry of armed conflicts. Based on the analysis of the legal sources listed above, the author concludes that the threat of using nuclear weapons may violate the norms and principles of international humanitarian law. The author also notes that such threats make it difficult to comply with international humanitarian law.

Key words: threat of nuclear weapons use, jus ad bellum, jus in bello

*For citation: Sharipov R. (2026) (II)legality of the threat to use nuclear weapons in international law: non liquet or prejudice? In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 98–104, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_98.*

На протяжении многих лет человечество стремилось научиться улучшать качество жизни и продлевать человеческое существование, и сегодня это становится реальностью благодаря достижениям в области искусственного интеллекта и медицины, включая лечение ранее неизлечимых болезней. Однако в это же время на международной арене продолжают звучать угрозы ядерным оружием, последствия применения которого известны всем.

Угрозу применения ядерного оружия можно обозначить как акт государства, осуществляемый его должностными лицами в виде призывов, демонстраций намерений применить такое оружие против другого государства или группы государств. Угроза может быть признана незаконным действием конкретного государства, если противоречит нормам международного права, в рамках права международной безопасности (*jus ad bellum*) и международного гуманитарного права (*jus in bello*). Соответственно, такая угроза может быть квалифицирована с точки зрения правомерности в зависимости от того, находятся ли государства в состоянии международного вооруженного конфликта или угроза реализуется в пределах осуществления права на самооборону.

В последние десятилетия нередки случаи, когда сторона или стороны международных вооруженных конфликтов угрожают применением ядерного оружия не только в период такого конфликта, но и в мирное время. В связи с этим в данной статье будет проанализирована угроза применения такого оружия с точки зрения законности в рамках как *jus ad bellum*, так и *jus in bello*.

В начале нашего анализа необходимо обратиться к Консультативному заключению Международного суда ООН о законности угрозы или применения ядерного оружия 1996 г. (Консультативное заключение), в котором судьи предприняли попытку определить легитимные основания для применения ядерного оружия¹. Говоря о таком оружии в контексте *jus ad bellum*, Суд отметил ряд положений, благодаря которым мы можем последовательно выявить законность или незаконность угрозы применения ядерного оружия. Соответственно, для полного понимания заключения необходимо более детально проанализировать правовые позиции Суда.

Во-первых, угроза применения ядерного оружия является незаконной, если само применение такого оружия не соответствует Уставу ООН. Понятия «угроза» и «применение» силы согласно п. 4 ст. 2 Устава связаны между собой в том смысле, что если применение силы в данном случае является незаконным по какой бы то ни было причине, то угроза применения такой силы тоже будет незаконной². Соответственно, при определенных обстоятельствах угроза применения ядерного оружия может быть признана незаконной.

Во-вторых, угроза применения ядерного оружия может быть нарушением принципа соразмерности. Согласно п. 42 Консультативного заключения «законное применение силы, соразмерное с точки зрения права на самооборону, должно также соответствовать требованиям права, применимого в вооруженном конфликте, кото-

¹ ICJ. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons: Advisory Opinion // I. C. J. Reports. 1996. P. 226. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).

² Ibid. Para. 47.

рое включает, в частности, принципы и нормы гуманитарного права»¹. Следовательно, при возникновении угрозы применения ядерного оружия в рамках самообороны вразрез принципам и нормам международного гуманитарного права она может быть квалифицирована как незаконная.

В-третьих, законность угрозы ядерным оружием зависит от действующего юридического положения самого оружия. Суд указал, что если какое-либо оружие, включая ядерное, признано незаконным, то его применение в целях самообороны не будет считаться законным². Следовательно, возможную угрозу применения такого оружия следует квалифицировать аналогичным образом, если договорными или обычными нормами международного права оно запрещено.

Приведенные выше положения Консультативного заключения позволяют сделать вывод, что угроза применения ядерного оружия может быть признана незаконной, если возможное применение такого оружия не является самообороной, противоречит принципам и нормам международного гуманитарного права и запрещено нормами договорного и обычного международного права для конкретного государства.

Помимо Консультативного заключения также необходимо обратиться к Договору о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), принятому на Дипломатической конференции Организации Объединенных Наций 7 июля 2017 г. Это первый международный договор, который запрещает применение ядерного оружия³.

Для государств-участников ДЗЯО угроза применения ядерного оружия запрещена. Кроме шести запретов, перечисленных в ст. 1, участники обязуются «никогда и ни при каких обстоятельствах не применять ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и не угрожать их применением». Соответственно, угроза применения такого оружия представляет собой противоправное действие для определенного круга государств.

Кроме того, необходимо отметить, что ДЗЯО является первым многосторонним соглашением, которое закрывает пробел неопределенности юридической природы ядерного оружия и закрепляет международные договорные нормы, прямо запрещающие такое оружие.

Проведенный анализ положений Консультативного заключения и ДЗЯО в рамках *jus ad bellum* позволяет сделать ряд выводов:

1) угроза применения ядерного оружия может быть признана осуществлением государством права на самооборону, если возможное применение такого оружия будет также соответствовать ст. 51 Устава ООН и не противоречит принципам и нормам международного гуманитарного права;

2) для государств-участников ДЗЯО любая возможная угроза применения ядерного оружия запрещена даже в целях самообороны. Хотя на данный момент ни одна ядерная держава не входит в число участников Договора и его нормы не являются обязательными для таких государств, не исключено, что в обозримом будущем угроза применения ядерного оружия будет признана при любых обстоятельствах незаконным действием с точки зрения международного права, не говоря о самом применении. Именно ДЗЯО выступает напоминанием об озабоченности мирового сообщества по поводу текущего правового положения ядерного оружия и призывом к ядерному разоружению⁴.

В Консультативном заключении Международный суд ООН также отметил: «...если предполагаемое применение оружия не отвечает требованиям международного гуманитарного права, угроза прибегнуть к его применению также противоречит этому праву»⁵. При этом Суд, к сожалению, не привел ни одного аргумента, почему угроза применения ядерного оружия противоречит международному гуманитарному праву

¹ ICJ. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons: Advisory Opinion. Para. 42.

² Ibid. Para. 39.

³ См. подробнее: Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 5–12. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_5.

⁴ См. подробнее: Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: закрепление режима и становление механизма // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 31–41. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_31.

⁵ ICJ. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons: Advisory Opinion. Para. 78.

(МГП). В ожидании прояснения этого вопроса со стороны Суда, я предложу ряд своих аргументов в рамках *jus in bello*.

1. Думается, что угроза применения ядерного оружия во время вооруженного конфликта может быть актом запугивания, нарушающим положения МГП. Так, согласно ст. 27 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (далее – ЖК IV) с покровительствуемыми лицами будут всегда обращаться гуманно, в частности они будут охраняться от любых актов насилия или запугивания. В комментарии Международного комитета Красного Креста (МККК) к данной статье поясняется, что любой акт насилия или запугивания, вызванный не военными потребностями или законным стремлением к безопасности, а систематическим пренебрежением человеческими ценностями, недопустим¹. Кроме того, в ст. 33 ЖК IV прямо запрещается применять меры запугивания в отношении покровительствуемых лиц.

При этом угроза применения ядерного оружия может считаться актом запугивания гражданского населения, поскольку последствия возможного применения такого оружия могут распространиться за пределы военных объектов и нанести вред жизни и здоровью покровительствуемых лиц. Следовательно, в случае квалификации угрозы применения ядерного оружия как акта запугивания она будет противоречить как минимум упомянутым ранее положениям МГП.

2. Угроза применения ядерного оружия может являться угрозой «не оставлять никого в живых». Согласно ст. 40 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых и угрожать этим противнику². Поскольку применение ядерного оружия с большой вероятностью приведет к ситуации, когда выживших не останется, то и угроза применения такого оружия может подпадать под действие запрета, установленного ст. 40 Дополнительного протокола I. Более того, этот запрет не только отражен в договорном праве, но и закреплен в обычном международном гуманитарном праве³, а также включен в военные уставы ряда государств⁴, что подчеркивает универсальный характер данной нормы.

Далее обратимся к принципу гуманности, который является основополагающим принципом международного гуманитарного права и предполагает запрет причинения чрезмерного вреда и страданий человеку в вооруженном конфликте. Угроза применения ядерного оружия может противоречить данному принципу, поскольку она создает у гражданского населения пугающие ожидания ядерной катастрофы, которая неизбежно приведет к физическим и психологическим травмам.

Вернемся к Консультативному заключению. Суд также отметил, что «угроза или применение ядерного оружия в общем противоречили бы нормам международного права, применимым в вооруженных конфликтах, и, в частности, принципам и нормам гуманитарного права»⁵. Формулировка «в общем противоречили бы нормам международного права» подразумевает запрет применения или угрозы применения ядерного оружия в ходе международного вооруженного конфликта, за исключением случаев, когда под угрозу ставится выживание государства. Следовательно, применение или угроза применения ядерного оружия противоречат нормам международного гуманитарного права в случаях, когда ничто не угрожает выживанию самого государства. Говоря о существовании государства, Международный суд не обозначил конкретные критерии, определяющие понятие «угроза выживания государства», и косвенно допустил применение ядерного оружия в чрезвычайных обстоятельствах самообороны, что фактически позволяет ядерным державам по своему усмотрению интерпретировать такие случаи.

¹ Комментарий к Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны / отв. ред. Ж.-С. Пикте. Женева: МККК, 1958. 660 с.

² Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Женева, 8 июня 1977 г.).

³ Запрещено отдавать приказ не оставлять никого в живых, угрожать этим противнику или вести военные действия на такой основе. См.: Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право: в 2 т. Т. I: Нормы. М.: МККК, 2006. Норма 46.

⁴ Военные уставы и наставления Аргентины, Бельгии, Буркина-Фасо, Великобритании, Италии, Камеруна, Колумбии, Конго, Мали, Марокко, Нигерии, Сенегала, США, Франции, Швейцарии и ЮАР. См.: Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч.

⁵ ICJ. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons: Advisory Opinion. Para. 105.

Однако мне видится, что в качестве ориентиров, способных определить текущее положение определенного государства и установить, являются ли те или иные обстоятельства угрозой существования, могут выступить ряд признаков, представленных в труде Малькольма Н. Шоу¹: постоянное население, определенная территория, правительство и способность вступать в отношения с другими государствами². Если какой-либо из приведенных критериев будет подвержен возможному исчезновению, то можно говорить об угрозе выживания государства. В каждом конкретном случае определение фактического положения государства в вооруженном конфликте будет подвергаться собственной оценке с учетом всех индивидуальных аспектов самого конфликта, поэтому обозначить возможное исчезновение каждого признака государства в универсальном порядке невозможно. Но можно привести ряд примеров, которые способны послужить ориентиром для анализа критериев.

Так, в качестве возможных критериев определения исчезновения приведенных признаков можно допустить следующие:

1) для постоянного населения – геноцид, преступления против человечности, военные преступления, направленные против жизни и здоровья населения;

2) по отношению к определенной территории – насильственное присоединение или оккупация всей территории чужого государства, приведение в негодность для проживания и обеспечения процессов жизнедеятельности всей или большей части территории государства;

3) применительно к правительству – потеря или невозможность осуществления эффективного контроля над всей территорией, прямое уничтожение всех должностных лиц, которые занимаются управлением государством;

4) касательно способности вступать в отношения с другими государствами видится возможным обозначить пример из второго пункта, а именно насильственное присоединение всей территории чужого государства, в ситуации утраты суверенного статуса, признание частью международного сообщества ликвидации такого государства.

Приведенные примеры могут послужить потенциальным толкованием понятия «угроза выживания государства», благодаря чему станет возможно более точно определять законность угрозы применения ядерного оружия в ходе международного вооруженного конфликта.

Помимо перечисленных ранее источников международного права, необходимо отметить мнение МККК в отношении ядерного оружия. Комитет стоит на позиции, что любое применение или угроза применения ядерного оружия противоречат принципам гуманности и велениям общественной совести. Согласно докладу 2022 г. МККК выделяет следующие положения:

1) оговорка Мартенса³ применяется как к применению, так и к угрозе применения ядерного оружия. Поскольку угроза применения ядерного оружия подразумевает возможность его фактического использования, такая угроза также противоречит принципам гуманности и велениям общественной совести;

2) с юридической точки зрения Международный суд ООН единогласно заявил в своем Консультативном заключении 1996 г.: «...если предполагаемое применение оружия не соответствует требованиям гуманитарного права, то и угроза такого применения будет противоречить этому праву», хотя Суд не уточнил основание для такого утверждения⁴;

3) будучи гуманитарной организацией, МККК неизбежно отвергает любые теории безопасности, которые строятся на угрозе массовых страданий и разрушений, поскольку они противоречат принципам гуманности и велениям общественной совести⁵.

¹ Shaw M. N. International Law. 6th ed. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2008. 1542 p.

² Ibid. P. 198.

³ «В случаях, не предусмотренных настоящим Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания» (ст. 1 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям).

⁴ International Committee of the Red Cross (ICRC). The ICRC's legal and policy position on nuclear weapons // International Review of the Red Cross. 2022. Vol. 104. № 919. Para. 6.2. URL: <https://international-review.icrc.org/articles/the-icrcs-legal-and-policy-position-on-nuclear-weapons-919> (дата обращения: 13.10.2025).

⁵ Ibid.

МККК отметил, что действия государств по применению или угрозе применения ядерного оружия недопустимы в соответствии с международным гуманитарным правом.

Нельзя не сказать о проблеме асимметричных войн, когда в вооруженном конфликте у одной из сторон есть ядерное оружие, а у другой его нет. Асимметричный характер современных международных вооруженных конфликтов не запрещен международным гуманитарным правом, однако он существенно повышает риск его нарушений. Асимметрия возникает тогда, когда стороны конфликта значительно различаются по уровню вооружения, правовому статусу и ресурсам. Такая структурная неравномерность приводит к ослаблению традиционного принципа отсутствия взаимности, на котором исторически основывалось соблюдение гуманитарного права. В частности, угроза применения ядерного оружия служит ярким примером такой асимметрии: с одной стороны, неядерное государство в ответ на угрозу прибегает к запрещенным средствам и методам ведения боевых действий, а с другой – такие действия способствуют расширительному толкованию понятий «военная необходимость» или «военная цель» со стороны более сильного участника конфликта¹.

Асимметрия не освобождает участников от соблюдения гуманитарных обязательств, но затрудняет применение таких фундаментальных принципов, как различие, пропорциональность и защита гражданского населения². Таким образом, угроза применения ядерного оружия более сильным государством представляет собой фактор, препятствующий соблюдению международного гуманитарного права всеми сторонами конфликта, независимо от их военного потенциала.

Подводя итог, следует отметить, что мировое сообщество приложило значительные усилия для ограничения использования ядерного оружия и угрозы его применения. Эти усилия были продиктованы осознанием колоссального и несоразмерного вреда, который ядерное оружие способно причинить. Несмотря на существующие международные договоренности и нормы МГП, сегодня продолжают звучать угрозы применения ядерного оружия со стороны государств как в контексте международных вооруженных конфликтов, так и в пределах осуществления права на самооборону.

Думается, что подобные угрозы противоречат или могут противоречить ряду названных положений и принципов МГП и права международной безопасности. С одной стороны, угроза ядерным оружием выступает проявлением асимметричности в современных конфликтах и может существенно затруднять соблюдение МГП всеми сторонами конфликта. С другой стороны, в рамках права международной безопасности высказано мнение, что угроза применения ядерного оружия как реализация права на самооборону может остановить начало вооруженного конфликта с возможными многочисленными нарушениями норм МГП. Однако если такая угроза будет противоправна с точки зрения ст. 51 Устава ООН, то никакие доводы о возможном предотвращении больших нарушений норм МГП не будут считаться законно обоснованными. Соответственно, в таком случае угроза ядерным оружием положит начало возможным нарушениям норм как права международной безопасности, так и МГП.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что угроза применения ядерного оружия в рамках *jus ad bellum* и *jus in bello* сегодня может в определенных случаях признаваться незаконной. Однако в условиях современного развития международного права, направленного на человекоцентричность, думается, несмотря на то что в будущем ядерные державы, скорее всего, не откажутся от полной ликвидации ядерного оружия, такие государства примут на себя большее количество обязательств по ограничению в сфере применения или угрозы применения ядерного оружия.

Список литературы

Комментарий к Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны / отв. ред. Ж.-С. Пикте. Женева: МККК, 1958. 660 с.

¹ Geiss R. Asymmetric conflict structures. Geneva: ICRC, 2006. 35 p. URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/irrc_864_3.pdf (дата обращения: 13.10.2025).

² Pfanner T. Asymmetrical warfare from the perspective of humanitarian law and humanitarian action. Geneva: ICRC, 2005. 27 p. URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/irrc_857_8.pdf (дата обращения: 13.10.2025).

Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 5–12. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_5.

Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: закрепление режима и становление механизма // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 31–41. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_31.

Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право: в 2 т. Т. I: Нормы. М.: МККК, 2006. 621 с.

Geiss R. *Asymmetric conflict structures*. Geneva: ICRC, 2006. 35 p.

Pfanner T. *Asymmetrical warfare from the perspective of humanitarian law and humanitarian action*. Geneva: ICRC, 2005. 27 p.

Shaw M. N. *International Law*. 6th ed. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2008. 1542 p.

References

Geiss R. (2006) *Asymmetric conflict structures*. Geneva, ICRC, 35 p.

Henckerts J.-M., Doswald-Beck L. (2005) *Obychnoe mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo: v 2 t. T. I: Norma* [Customary International Humanitarian Law: in 2 vols. Vol. I: Rules]. Moscow, МККК, 621 p.

Pfanner T. (2005) *Asymmetrical warfare from the perspective of humanitarian law and humanitarian action*. Geneva, ICRC, 27 p.

Pictet J.-S. (Ed.) (1958) *Kommentarii k Zhenevskoi konventsii o zashchite grazhdanskogo nasele-niya vo vremya voyny* [Commentary on the Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War]. Geneva, МККК, 660 p.

Shaw M. N. (2008) *International Law*, 6th ed. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1542 p.

Sinyakin I. (2024) Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya: vvedenie v problematiku [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: introduction to the problem]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 5–12, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_5.

Sinyakin I. (2025) Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya: zakreplenie rezhima i stanovlenie mekhanizma [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: consolidation of the regime and establishment of the mechanism]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 31–41, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_31.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.10.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Свидетельство о госрегистрации СМИ Эл № ФС 77-41478 выд. Роскомнадзор РФ 28.07.2010 г.
Маркировке не подлежит согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11 ФЗ от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Редакторы О. Ю. Петрова, Ю. В. Тельминова
Дизайн обложки С. Е. Шеметова
Компьютерная верстка О. Ю. Петровой

Подписано к использованию 02.02.26.
Уч.-изд. л. 11,78. Объем 2,00 МВ

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают
с точкой зрения редакции

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию и статьи направляйте по адресу:
620137 Екатеринбург ул. Комсомольская д. 21, УрГЮУ
Редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.